

БОЛЬШИЕ **ФФ** КНИГИ

Андрей
Лазарчук

ВСЕ, СПОСОБНЫЕ
ДЕРЖАТЬ ОРУЖИЕ...
ШТУРМФОГЕЛЬ

«А З Б У К А»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Андрей Лазарчук

**Все, способные держать
оружие... Штурмфогель**

«Азбука-Аттикус»

1997, 2000

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Лазарчук А. Г.

Все, способные держать оружие... Штурмфогель /
А. Г. Лазарчук — «Азбука-Аттикус», 1997, 2000 — (Фантастика и
фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-26379-6

В жанре альтернативной истории отметилось много авторов – и отечественных, и зарубежных. Вспомним хотя бы Брэдбери с его классическим рассказом «И грянул гром» про бабочку, изменившую судьбу человечества. Но особой притягательностью среди писателей, обращавшихся к этой теме, пользуется Вторая мировая война. И это понятно. Слишком глубокий след оставила она в памяти и сердцах людей. Из авторов западных сразу же вспоминается Филип Дик с его «Человеком в Высоком замке», «Фатерланд» Роберта Харриса... Из наших – Север Гансовский, Сергей Абрамов, Вячеслав Рыбаков... Андрей Лазарчук в этом ряду стоит наособицу. И его роман «Все, способные держать оружие...» убедительное тому подтверждение. «Штурмфогель», второй роман, включенный в настоящую книгу, это мистика на научной основе. Утро магов, переходящее в полдень и грозящее страшным вечером. Тайная история Второй мировой войны. Верхний и нижний мир. Земля и Салем. Люди и не-люди. Многослойность тайны – это у Лазарчука всегда получается мастерски. Слои за слоями, оболочку за оболочкой он снимает с тайны покровы, и все равно остается что-то, недоступное нашему пониманию, оставленное читателю на потом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-389-26379-6

© Лазарчук А. Г., 1997, 2000

© Азбука-Аттикус, 1997, 2000

Содержание

Все, способные держать оружие...	7
Год 1961	8
Год 2002	12
Год 1991	16
Год 1961	23
Год 1991	25
Год 2002	32
Год 1991	35
Год 1961	38
Год 1991	42
Год 1961	48
Год 1991	52
Год 2002	56
Год 1991	60
Год 1961	63
Год 1991	68
Год 1961	74
Год 1991	77
Год 2002	84
Год 1961	87
Год 1991	96
Год 1961	106
Год 1991	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Андрей Лазарчук
Все, способные держать оружие...
Штурмфогель

© А. Г. Лазарчук, 1997, 2000

© П. В. Борозенец, иллюстрации, 2000

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024 Издательство
Азбука®

Все, способные держать оружие...

Это будет страх, какого ты еще не знала. Твое мужество станет разменной монетой. Ты будешь тратить и тратить, а в один прекрасный вечер заглянешь в свои карманы и обнаружишь, что ты – банкрот. И вот тогда придет настоящее мужество.

Дэвид Корнуэлл

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, – а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности.

М. Лермонтов

Год 1961 Зден

31.08. 02 час. 30 мин. Станция Шатилово, в/ч 671/38 (учебная часть)

Сразу после полуночи переменялся ветер, луну забросало быстролетающими тучами, и температура начала падать стремительно. И если в час ночи, когда я заступал на пост, под ногами хлюпало, а с неба кто-то пригоршнями бросал очень холодную воду, то через полтора часа моего унылого топтания под грибок на земле вокруг уже обнаружился слой рыхлого льда, а со стороны леса доносились треск и грохот ломаемых сучьев (кошмар часового) – потому что было много ниже нуля, а дождь так и не превратился в снег или град: падал мелкими каплями. Естественно, намерзая на все твердые предметы тяжелой коркой. Не помню, чтобы я когда-то попадал под столь мерзкую погоду. Такое нужно пережить в доме с надежной крышей и толстыми кирпичными стенами. И чтоб камин, в котором пылают дубовые поленья. Или горячая печь.

Ног я уже не чувствовал. Цокал на деревянных ступнях, как японская танцовщица.

Лагерь спал, нечувствительно обрастая во сне ледяной коркой. Еще часов пять такого дождя, и потом можно будет ходить с пилой и всех выпиливать из палаток, исполняя свой христианский долг. Но так, чтобы потом по «гильзочке» с носа. За приложение усилий.

Я вытащил из заднего кармана свою старую и уже изрядно помятую фляжку. Жалкие последние капли...

Тем не менее какую-то иллюзию внутреннего тепла они создали.

Пить, ребята, надо самогон. Добротный деревенский польский бимбер.

Ну, все: осталось полчаса народных танцев.

В караулке тепло. Снять мокрую шинель, ботинки, носки и – ноги к печке: благодать, кто понимает.

Подлинная благодать. Как в детстве: приходишь с полей, сдираешь с ног опорки и – протягиваешь ноги к печке. Блаженство, пока тебя не отгонят такие же желающие насладиться. Сорок, холера, второй. Лагерь для беспризорных детей под городом Смоленском. Не вспоминал столько лет. Эх, Горелый. Расковырял ты во мне эту болячку. Капитан Горелов, командир нашей учебной части. Мой когда-то сосед по нарам. Он попал в лагерь в октябре сорок второго и сразу же, без передышки, стал деловито готовиться к побегу. Был он невероятно тощий, серый, слабый – и ничего не боялся. Рванули мы вместе и, возможно, ушли бы... но в Берлине как раз грянул очередной переворот, вся полиция встала на уши, так что неполную неделю спустя нас благополучно сдали с рук на руки коменданту Альтрогге. Как я потом, выросши и слегка поумнев, стал понимать, Альтрогге был хорошим человеком и делал все, что в его силах, чтобы уберечь нас от голода и эпидемий. Другое дело, не все было в его власти. Ну и нечего говорить, что ценить мы этого там и тогда не умели и не желали.

В марте мы с Горелым ушли во второй раз – успешно. Мы почти не колебались, куда идти. Конечно же, в Сибирь: воевать и мстить. Нам было за что. И мы пошли в Сибирь...

Уже и пальцы перестал чувствовать. Летом перчатки часовым не положены. Считается, что летом у нас тепло.

В нарушение устава я сунул руки в рукава. «Симонов» болтался на ремне. Хорошая машинка, идеальное оружие часового. Почти ничего не весит.

За спиной вдруг грохотнуло громко, но тупо, как в сырые бревна. Я оглянулся. Ни черта не было видно в ночи сквозь пелену дождя. Но потом обрисовался на миг размытый гребень невысокой лесистой горюшки с ласковым именем Манька, и высветились рваные края облаков, совсем придавивших бедную Маньку к земле. Через двадцать секунд ударило так же тупо и нераскатисто. Гром вяз в дожде.

Гром... Или я чего-то не понимаю, или это не гром. Неправильный гром. Его делают неправильные молнии...

Я выпростал руку из рукава (ох, как холодно-то!) и снял с рычага трубку. В далекой теплой караулке раздался зуммер, и подпоручик Стас Разумовский, протяжно помянув в весьма необычном контексте некую часть тела эрцгерцога Фердинанда, взял трубку:

– Начальник караула.

– Пост номер два, курсант Валинецкий. Господин подпоручик, наблюдаю вспышки пламени в направлении урочища Ульман.

– Какие еще, ёлы, вспышки?

– Две вспышки, сопровождаемые звуками взрывов. Расстояние порядка семи километров.

– Хорошо, курсант, – откашлялся. – Продолжайте вести наблюдение.

Чпок.

Сейчас он позвонит... куда? Впрочем, все. Это уже не мое собачье дело. Мое собачье дело – достоять положенные двадцать минут, потом прийти в теплую караулку, снять ботинки и выставить ноги к печке.

Потом – лицом вниз на топчан. Два часа не кантовать. Мне еще стоять под грибком с шести до восьми.

Вадька Захаров, с которым мы когда-то играли в волейбол за сборную города и который с тех пор успел, в отличие от меня, сделаться доктором двух наук: медицины и криминалистики, – говорит, что мои сны являют собой самый что ни на есть неблагоприятный прогностический признак. Такие сны бывают только у параноидально-шизоидных типов, которые, если не помирают вовремя от естественных причин, переступают в себе какой-то рубеж и превращаются в серийных убийц. Говорит он мне это все десять лет, что мы знакомы.

Сны мои, с моей же точки зрения, ничего особенного собою не представляют. Просто я в своих снах не делаю абсолютно ничего и никаких эмоций не испытываю. Как правило, я чувствую себя лежащим в той позе, в которой лежу на самом деле. Но вокруг меня может происходить все, что угодно. Хоме Бруту такое не представало пред очами даже на третью ночь. При этом я абсолютно равнодушен ко всем этим невиданным чудовищам и дивам. Есть они, нет их – ледяное спокойствие, какого я в посясторонней жизни никогда и ни по какому поводу не испытываю...

Сейчас, например, я будто бы лежал на черном прозрачном льду – лицом вниз – и созерцал дьявольское, в стиле Босха, пожирание маленьких некрасивых людишек маленькими шустрыми химерками. Химерки нагоняли их, окружали и начинали откусывать ручки, ножки, головки... Химерки были крысокродильчиками с крылышками. Они могли летать, хотя не быстро и не далеко.

Потом лед вдруг пошел трещинами...

Меня подняли за шиворот и поставили на ноги. Благо это сделать очень легко: я вешу пятьдесят два килограмма при ста семидесяти сантиметрах роста. Шомпол – так меня звали еще в школе. Лампа слепила. Я крепко зажмурился и проснулся.

– Курсанты Аздашев, Валинецкий, Врангель, Зданович, Куцевалов, Хомченко, Поротов, Яковлев! Шаг вперед.

Я сделал шаг. Вместе с остальными поименованными.

– Приказом командира части капитана Горелова снимаетесь с несения караульной службы и поступаете в распоряжение непосредственных начальников. Р-разойдись! Бегом – марш!

Куда именно бежать, понимаю уже под дождем. На линейке застыл темный строй, дальше за ним фары грузовиков, в свете фар несколько начальственных силуэтов. Все в красивой свер-

кающей ледяной корке. Занимаю место во второй шеренге, сержант Косичка краем глаза видит меня и удовлетворенно кивает.

– ...Повторяю: это не учебная тревога. Оружие и боеприпасы...

Кто-то шумно вздыхает рядом.

– Вася, – тихо зову я Косичку. – Что происходит?

– Не знаю, – отвечает он так же тихо. – Выдвинуться к американской базе и занять оборону.

Так.

База расположена в урочище Ульман. Сверхсекретная. Позавчера в шатиловском трактире мы в очередной раз дрались с охранниками этой базы. Пожалуй, мы знаем о ней все.

Война с Америкой? Бред. Но что же тогда еще?..

Охранников на базе полторы сотни, ребята отборные и вооруженные отменно. Наш «симонов» против их «томпсона» играет только на коротких дистанциях...

Эй, пан Валинецкий? Повоевать собрался?

Да. Икры напряжены и подрагивают, уже ни холода, ни воды с неба, в ушах далекая труба, под пальцами верный металл...

– По ма-ши-нам!..

Есть по машинам. Полтора шага – и вот уже сидим вдоль борта, спиной к движению, автоматики зеленые игрушечные на шее, патроны, гранаты и прочую амуницию выдадут на месте. Зубы сжаты, чтоб не отбивали дробь. На это есть барабанщики...

Вперед-назад-вперед: свет фар, пылающая завеса дождя и за нею – наши сиротливые палатки с пустыми треугольниками входов. Мотор взвывает; пейзаж, трясясь, проворачивается на три четверти и скоро исчезает, и остается только тьма, два красноватых туманных облака следом за нашими габаритными огнями, а более ничего заслуживающего внимания, потому что наша машина последняя. Но нет: где-то вдаль, левее (кажется) лагерь, взлетает в небо ракета, гаснет, взлетает новая, потом еще и еще...

И сразу становится очень холодно. Вода стекает с полей панамы на плечи, шинель, как ей положено, промокает, и при движениях начинает похрустывать ледок. Мотор меняет тон: мы уверенно карабкаемся в гору.

31.08. Около 06 час. Окрестности станции Шатилово. База ВВС Союза Наций «Саян»

Натянутые брезенты хоть как-то прикрывают нас от дождя. Жмемся мы друг к дружке, чтоб теплее стало...

Ничего не понимаю, в сотый раз повторяет Поротов, аптекарь из Новоенисейска; у него течет из носа, и он поминутно сморкается в огромный пятнистый (откуда я знаю, что он пятнистый? А вот ведь знаю откуда-то...) платок; нет, я ничего не понимаю, а вы?.. сейчас нам скажут, что пошутили, и отвезут завтракать...

Я знаю это место. Сюда мы каждый год в конце сборов приезжаем с Гореловым, пьем водку, жарим шашлыки, печем картошку в золе. Здесь очень красиво. Особенно когда солнце... Если пройти вперед еще метров сто, то лес кончится, опушка его заросла густейшим ельником, и вот если еще проломиться через ельник, то окажешься на весьма крутом косогоре, поросшем колючим стелющимся кустарником; и с косогора (разумеется, днем) открывается замечательный вид на урочище Ульман и на базу: серая бетонная полоса аэродрома, белые корпуса ангаров, бетонные башни зенитных установок... Но самое интересное и самое секретное – в еле видных вдаль низких капонирах. В некий час «Ч» ворота капонира раскроются, и оттуда выкатится на тяжелой гусеничной платформе пятнадцатиметровый снаряд – застратосферная ракета «Хаммерер», несущая водородную боеголовку и способная достичь Японских островов. Таких ракет на базе восемь штук, и по крайней мере одна из них находится в постоянной готовности к пуску...

Американцы болтливы, как дети.

Не пойти ли мне в японские шпионы?

И все-таки: что там могло случиться? Рванула дежурившая ракета? Но при чем здесь мы? Территория базы по договору есть территория Союза Наций, и возникающие там проблемы есть проблемы СН.

Разве что... бунт?

Говорят, лет семь-восемь назад были серьезные волнения на такой же американской ракетной базе в Британии. Подробности неизвестны.

– А я думаю, ребята, – сказал за моей спиной Сережа Врангель, студент-неудачник, – что это америкосы бузу подняли. Может, им мороженое не того сорта завезли...

Мы всегда охотно зубоскалили по поводу американского военного быта. И даже не из зависти. А главным образом потому, что наша егерская подготовка позволяет уверенно сворачивать этим красивым и ладным ребятам нос на затылок, едва дело доходит до трактирной рукопашной. И это их удивляет бесконечно, потому что они-то, по нашей терминологии, кадровые, а мы – вшивые резервисты, проходящие летние сборы. Американские офицеры часто посещают наши занятия, особенно если за инструктора сам Горелов, допытываясь секретов мастерства.

Вымпел им в руки.

Почему-то именно на версии бузы мы останавливаемся и по неким непрямым ассоциациям перелетаем на тему жен и прочих женщин. И я треплю всяческий вздор – просто чтоб не думать...

Кажется, начинается рассвет. Мы уже видны друг другу. Дождь не перестает, но зато теперь это просто дождь, без ледяных корок. Пар от дыхания подобен туману.

Возможно, это и есть туман. Из тумана появляется внезапно подпоручик Криволапов, наш взводный. Он удивительно соответствует своей фамилии.

– Стройся, – негромкая команда.

Мы строимся, курсанты вперемешку с тонкими больными осинками. Криволапов ждет короткий положенный срок.

– Егеря! Перед нами поставлена задача... – Он вдруг замолкает, кашляет и начинает снова, но совсем другим голосом: – Ребята, случилось вот что: кто-то захватил эту долбаную базу. Какой-то «Русский легион». Неизвестно, кто они на самом деле, неизвестно, сколько их... но достаточно, наверное, потому что одной охраны там было полторы сотни, вы это знаете... Короче, они объявили войну Японии. Что начнется, если они запустят эту молотилку, объяснять не надо. Одно хорошо: заправленную ракету успели взорвать, а чтобы другую заправить и вывезти на старт, требуется двадцать часов. Так что до вечера война не начнется. И наша задача – сделать так, чтобы она вообще не началась... Значит, так: кадровики будут здесь не раньше шестнадцати часов. Самолеты не летают... К их прибытию мы должны будем порвать жопу на звезды, но установить численность противника, расположение огневых точек... ну и нанести ему посильный урон. Все. Сейчас нам приказано произвести скрытый поиск к базе. Добровольцы есть?

Секунду-другую строй стоял неподвижно. Потом шагнул вперед ефрейтор Николаев, потом Сережа Врангель, потом я... потом оказалось, что строй как был строем, так им и остался.

– Спасибо, ребята... – сказал Криволапов. – Тогда так: иду я, ефрейтор Яковлев, курсанты Валинецкий и Аздашев. Сержант Косичка остается за командира. Разведчики – со мной, остальным пока отдыхать. Разойдись!

Год 2002 Михаил

26.04. 08 час. 30 мин. Константинополь, Йени Махалле, кофейня «Старый Хачик»

Если вам где-нибудь когда-нибудь скажут, что есть на свете времяпрепровождение лучшее, чем пить из тонкой синей фарфоровой чашечки свежезаваренный «Али Касим», сидя на открытой белоснежной веранде под изрядно выгоревшим бело-зеленым полосатым зонтом и глядя рассеянно на рейд порта, где в кажущемся беспорядке застыли полторы сотни только крупных судов, а разнокрылой мелочи, пришвартованной к длинющим наплавным мосткам наподобие нашей «Белой Девы», не сосчитать никогда, причем происходит все это действие (или бездействие, что точнее) поздним утром поздней весны, и пусть сады уже отцвели, но зелень пронзительно-свежа, а из розариев сада Вланга растекается вширь тончайший аромат, и еще приходят большие толстые белки и требуют свои орешки, им нельзя солёные, и поэтому специально для них я покупаю у хозяина сладкие, и хозяин грустно улыбается и следующую чашечку божественного «Касима» наливает за счет заведения, и мы с ним обмениваемся простыми мудрыми замечаниями о смысле жизни, с совсем старым господином Хачиком Мелкняном, родившимся в девятьсот шестнадцатом году в Эрзуме и всю жизнь и по всему миру оттачивавшим свое единственное и неповторимое искусство: заваривать кофе... – так вот, если вам вдруг скажут такое, усомнитесь. Потому что нет в природе и быть не может ничего лучше весны в Константинополе, самом непостижимом городе, пусть даже ты прожил здесь полжизни и должен ко всему привыкнуть... но этот город чем-то похож на господина Хачика Мелкняна, он точно так же тысячелетиями оттачивал свое единственное и неповторимое искусство обольщения, которому нет имени в человеческих языках. Это Восток и Запад, которым нет нужды сходить со своих мест, ибо они давно едины. Это свет и тьма, которые не существуют друг без друга. Город-средоточие всех религий и всех наук, искусств и торговли, азарта и лени, расточительной роскоши и живописной нищеты, перекресток великого множества дорог моря, земли и неба – Константинополь.

Так уж распорядилась природа, располагая этот великий город в таком удачном месте – в самом центре Земли...

Белка подняла головку и насторожилась, прислушиваясь. Орех она держала, готовая бросить его немедленно в несуществующую дорожную сумку и бежать куда-то. И точно: зашелестело за спиной, слева направо, слева направо... От старого вокзала отходил утренний петербургский. Слева направо...

Тебе нечего делать в Петербурге, сказал я себе.

И развернул газеты.

Сам господин Хачик газет не читал за слабостью зрения и полной аполитичностью, а выписывал те, которые спрашивали посетители. Поэтому здесь были профсоюзная турецкая газета, турецкая же спортивная, греческая «Смэнос», немецкий коммерческий листок «Гешафтсманн», русские «София» и «Перуанец», болгарская «Политика»... С нее я и начал.

Собственно, сами новости я слышал и видел. Просто в газетах это было более условно, субъективно, а потому и отстраненно. Что, как ни странно, позволяло поразмыслить.

Итак, главная новость всей прошедшей недели – противостояние в Андаманском море. Немецкая эскадра уже насчитывала двести вымпелов, японская – двести восемьдесят. За всю историю человечества ни одно море не вмещало столько железа. До сих пор неизвестно, что произошло в Рангуне, обе стороны обвиняют визави в провокации, в то же время спасательные работы затруднены гражданскими беспорядками и действиями партизан из «Фронта воссоединения». По экспертным оценкам, число жертв превысило двести тысяч человек, природа же взрыва по-прежнему неясна; во всяком случае, это не традиционный ядерный или термо-

ядерный заряд; выпадение радиоактивных осадков объясняется, скорее всего, разрушением реактора одного из находившихся в порту судов...

Болгары подходили к делу практично: вмешается ли Россия в спор в качестве союзника одной из сторон (догадайтесь с трех раз, какой именно) или же употребит свое влияние в чисто миротворческих целях. Пока же двадцать вымпелов Средиземноморского флота миновали Цейлон и находятся в двух днях пути до объявленной зоны конфликта. Среди кораблей флота и болгарский крейсер «Царь Калоян»... интервью по отраженному лучу со старшим офицером крейсера...

Помимо темы южных морей, в газете было немного о грядущих довыборах в нижнюю палату парламента и не слишком интересные сплетни о жизни царского двора. Царица Венцеслава была дамой строгой и поводов для сплетен не давала. Это вам не мадридский двор...

Но каков все же абсурд: конституционная монархия входит составной частью в республику, до сих пор не принявшую конституции, каковая республика по структуре и сути своей является ярко выраженной империей. Я попытался вспомнить нечто подобное из всемирной истории, но так ничего похожего и не подобрал.

В русских газетах было примерно то же самое, только респектабельная солидная «София» в довесок устроила диалог между опальным адмиралом Визе и крымским вице-губернатором Брагиным, залетевшим (заплывшим) в наш богоизбранный город по каким-то вице-губернаторским делам. Визе был выживший из ума старик, совершенно уверенный, что наши двадцать кораблей, пусть и действительно первоклассных, смогут надрать задницу как много о себе возомнившей немчуре, так и япошкам, из всех достижений цивилизации постигшим разве что умение писать стоя. Брагин от всех этих проблем был далек и честно полагал, что худой мир лучше доброй ссоры. Эту мысль он и пытался донести до своего тяжелобронированного собеседника... Хамский же «Перуанец» все доискивался подоплеки таинственного взрыва. В Рангуне располагались склады русско-японского химического концерна «Шика», и анонимный автор утверждал, что именно там, на складах, и произошел невиданной силы взрыв – то ли с целью сокрытия налогов, то ли во избавление от ревизоров...

Белый открытый «опель» мелькнул между платанами, потом сдал задним ходом и остановился. Тедди выпрыгнул, не открывая дверцы, потом церемонно, с поклоном, вывел за ручку Зойку. На Зойке были белая шляпа и белые перчатки до локтей, но при этом зеленоватая растянутая майка, вытертые до белизны замшевые брючки и бесформенные босоножки из перепутанных ремешков и веревочек. Они скисшей от смеха походочкой, спотыкаясь о ступеньки и друг о дружку, поднялись в кофейню и бухнулись за мой столик, источая запах моря. Для них тут же появились два высоких стакана с лимонной водой со льдом. Кофе ни Тедди, ни Зойка не пили по каким-то непонятным мне соображениям. Волосы обоих были все еще мокрые. Купаться они ездили куда-то за Йеди-Куле, в Шварцфелс, теперь – Черные Скалы. При русских все должно существовать во множестве. Я там ни разу не был. Прежде это был добропорядочный немецкий семейный курорт. Теперь его облюбовали гемы и падлы. Раньше мне там было нечего делать, а теперь – напротив. Тедди же с Зойкой получают какое-то свое удовольствие, крутятся меж ними, грязными и презрительными. Смешно получилось и сейчас... и они взахлеб рассказали, изображая в лицах, как какое-то несчастное семейство сунулось по старой памяти на курорт и как они в ужасе, теряя чемоданы, ловили такси, чтоб поскорее убраться из этого подобия ада. Тедди довез их до Йеди-Куле и оставил у дверей пансионата мадам Атанасовой. Новые впечатления бюргерам будут гарантированы...

– Зря ты так, – сказал я. – Плохого они тебе ничего не сделали.

– Им там тоже ничего плохого не сделают, – пожал он бронзовыми плечами. – Будет просто смешно, и все. В конце концов, после снимут комнату.

– Жалко, ты их не видел, – сказала Зойка, сгребая волосы на лоб и потом резким движением головы перекидывая их назад. – Тумбочки. И он, и она. И детки у них точно такие же, только поменьше. Тупые тумбочки.

Глаза ее будто бы чуть косили, и смотрела она поэтому не совсем на меня. Даже в этом она стала похожа на Тедди.

– Марик приехал, – сказал Тедди.

– На хомяка стал похож, – сказала Зойка. – Щеки вот такие. – Она показала. – И глазки не открываются. Здоровается вот так... – Она протянула два пальца с непередаваемым выражением вселенской скуки на лице. С такой гримасой, наверное, патриарх Никодим выслушивал бы исповедь старой больной церковной мыши.

– Я вдруг растерялся, – Тедди почесал за ухом, – а она знаешь как ответила? Во. – И он протянул вытянутый средний палец.

– Этот хренчик будто яйцо прищемил на званом балу, – засмеялась Зойка. – Надулся еще больше...

Марик (но не Марк, как можно подумать, а Марлен) был нашим с Тедди одноклассником. В прошлом году на него внезапно свалилось многомиллионное наследство. Произошло это так: отец его, работавший инженером в нашем университете и увлекавшийся составлением головоломок, неожиданно для себя пробился в финал видеоигры «Остров сокровищ» и выиграл было даже главный приз, но рискнул на ультима-гейм и проигрался в пух и прах. Тем бы все и кончилось, но, на его беду, в этот день какая-то страховая компания проводила рекламную акцию. Беднягу в рекламных целях застраховали от проигрыша, и вместо приза (это была семейная поездка в Кению) он получил пятьдесят миллионов рублей – но не спешите радоваться... в виде страхового полиса! Это транслировалось на всю страну. Два месяца спустя отец был тяжело ранен в какой-то шальной бандитской перестрелке – вместе с дюжиной таких же случайных прохожих – и умер по дороге на операционный стол. Еще через два месяца младшего сына похитили и запросили выкуп: тридцать миллионов. То есть почти все, что осталось после уплаты налогов. Переговоры тянулись неделю. Сошлись на восемнадцать. В момент передачи денег бандиты были частью захвачены полицией, частью перебиты – но оказалось, что брат Марика уже давно мертв. Мать, не вынеся всего этого, вскоре тоже умерла, а вот Марик... даже как-то не очень расстроился. Теперь у него была квартира на Невском – целый этаж, свой самолет, полный гараж автомобилей... и доходили слухи, что занимается он не самыми честными делами. Но в конце концов, это его проблемы...

– Ну что, едем? – Тедди покрутил на пальце ключи.

Я оставил на столе два железных полтинника, один простой, а другой с изображением Петра Первого и его знаменитого ботика, прощально помахал господину Хачику, который в ожидании клиентов мерно крутил ручку кофемолки, и мы направились к машине. Зойка шла впереди. Сколько я ее знаю, и все не могу понять – что же такое особенное есть в ее походке. Вроде бы ничего нет, а вот... Возле машины крутились турецкие ребяташки – охрана. Тедди выдал им несколько медяков. Мы сели и поехали.

Надо отдать немцам должное: когда Турция была протекторатом, а Константинополь – Стамбулом, они старались как можно меньше изменять лицо старого города, Истамбула, настаивая лишь (правда, очень жестко) на введении германского уровня санитарии, заставляя хорошо мостить дороги да исподволь навязывая туркам европейский стиль жилища. Вот эти узкие улочки, над которыми нет неба, потому что вторые этажи почти смыкаются над головой, – они вовсе не предназначены для поездок на автомобилях, нет. Это место для неспешных прогулок и продолжительных бесед. Здесь роскошь неброска. Знаменитый на полмира ресторан может скрываться за такой вот невзрачной витриной, как мелькнула только что слева. Вечерами сюда подъезжают во множестве «алмазы» и «мерседес-бенцы»... Дома, похожие бог знает на что, только не на дворцы, могут скрывать – и скрывают – за своими стенами шикар-

ные квартиры, зачастую на два-три этажа, с внутренними двориками и фонтанами. Богатые турки, в отличие от богатых европейцев, не стремятся почему-то за город. Впрочем, богатые европейцы из Константинополя тоже не стремятся. В окрестностях, конечно, есть виллы, но их куда меньше, чем вокруг той же Москвы...

Мы обогнули мечеть Хаджи-Байрам и, потомившись недолго в пробке, выбрались на проспект Согласия (еще не так давно Шпеерштрассе). Вообще-то, выезд с левым поворотом на него был через туннель, но туннель последние годы регулярно заливало, и с этим никак не могли справиться. Вот и сейчас: толстый усатый турецкий полицейский в фуражке с лакированным козырьком и высокой тульей (я однажды ознакомился с устройством такой фуражки: там пружины, распорки, вата... только за ежедневное ношение на голове такого механизма человеку положена ранняя пенсия) с невероятной скоростью и четкостью крутился сам и крутил жезлом, пропуская, направляя и отсекая. Как назло, нас он остановил надолго, пропуская к Айя-Софии какой-то официальный кортеж: мотоциклисты, открытый лимузин, закрытый лимузин и микроавтобус. Я сидел и смотрел на мечеть, открывающуюся как раз в перспективе проспекта, между рядами разросшихся магнолий. Не люблю магнолии – за их жирные наглые цветы с тошнотворным запахом. Но сейчас даже они казались не такими уж противными...

Мы наконец тронулись, повернули налево, и я оглянулся. Купола сияли. Ну почему я не мусульманин?.. Уже десять лет православные пытаются уговорить муфтиев вернуть храм. Но муфтии на это не идут, да и опять же – с чего бы?

Тедди вел машину небыстро, в правом ряду, чтобы с Зойки не снесло ее безумную шляпу.левой рукой Зойка придерживала заполаскивающие поля, а правой приветствовала прохожих. Ей кланялись в ответ.

До университета такой езды было минут сорок. Первыми занятиями у нас были лабораторные штудии, явка на них вольная. Лекции будут только в час дня. В три мы можем быть свободны. Я широко раскинулся на сиденье и попытался расслабиться. Но расслабиться у меня не получалось уже давно.

Год 1991 Игорь

06.06. Около 14 час. Станция Варгаши. Государственная граница

Все, хватит с меня японской техники: неделю назад купил часы, а минутная стрелка уже отклепалась от оси и показывает не время, а направление к центру Земли – то, что меня сегодня интересует меньше всего. В конце концов, почему инженер, пусть даже на государственной службе, не может себе позволить приличные часы? Допустим, не швейцарские. Жирновато. Допустим, «Адлер»... За окном вагона справа налево прокатился лягг буферов: наврное, к «Империи» прицепили локомотив. Конечно, «Империя» не может отклоняться от графика. А мы, конечно, можем... Очень одинаковые японцы, стоявшие под навесами у вагонов, заторопились по своим местам. Черно-белые японцы – черные пиджаки, белые брюки – садились в черно-белые вагоны «Империи», экспресса Пхеньян – Томск – Берлин – Лондон, единственного поезда, проходящего по землям всех четырех великих держав... что-то в этом мне показалось не то забавным, не то символичным – скорее всего, показалось: от скуки, – но додумать я не успел, потому что тихая музычка из репродуктора прервалась и милый голосок – я так и видел эту белокурую голубоглазую девочку с кукольным ротиком и пышным бантом на голове – сначала по-немецки, а потом по-русски произнес: по настоянию пограничной стражи досмотр вагонов продлен, уважаемым господам пассажирам, следующим до станций Курган, Каменецк-Уральский и Екатеринбург, компания приносит свои извинения, компенсацию они могут получить в кассах вокзала в удобное для них время; после Екатеринбурга график движения будет восстановлен. Так... продлен досмотр... Я машинально посмотрел на часы, а потом хлопнул их об стол. Приедем в Курган – куплю новые. Куплю «Адлер» – назло Командору. Решено. Так и сделаю.

Но который же час? Я откатил дверь и выглянул в коридор. За окном спиной ко мне стоял часовой-пограничник в блестящей от дождя черной накидке. От купе проводника медленно шел бан-полицай – шел, заложив руки за спину и разглядывая через окна что-то на перроне. Увидев меня, он чуть ускорил шаг и положил правую руку на ремень рядом с кобурой.

– Герр офицер, – со сладкой улыбочкой заторопился я по-немецки, – не могли бы вы сказать, что произошло и который час? Я спал, и вот...

– Четырнадцать двадцать две, – ответил он. – А что произошло, не знаю. Пограничники что-то ищут. Наверное, опять кто-то пошутил насчет бомбы в багаже. Идиоты.

– Часто так шутят?

– Бывает... А у вас что, часы остановились?

– Сломались. Брак. Купил – дешевые... недели не проносил.

– Японское дерьмо. – Он издал, спрятав руки за спину, взглянул на мои часы. – Консервы у них вкусные и фарфор хороший, а механизмы делать не могут.

– Ну, на Островах-то делают, – возразил я. – Только и стоят они хороших денег. А это – из Континентальной...

– Вам, конечно, видней, это вы с ними друзья, – сказал полицай. – Только, на мой взгляд, лучше немецкой техники все равно не найдешь. Не потому, что я шовинист, – из личного опыта...

Хлопнула дверь тамбура, загремели по железу сапоги. Мой собеседник сделал шаг назад и подтянулся, готовый рапортовать начальству. Дверь я задвинул не до конца, оставил щель, чтобы слышать, что происходит, – но фиг: вошел и вытянулся в струнку, отдавая честь, лейтенант пограничной стражи:

– Валинецкий Игорь Зденович, гражданин Сибири, из Томска, инженер, направляетесь в Москву по делам государственной компании «СПРТ»?

– Именно так, – сказал я.

– Пожалуйста, еще раз предъявите паспорт и вещи для повторного досмотра.

– Пожалуйста.

– Поскольку в вашем теле работает ядерный реактор, предъявите нагрудный знак, медальон и браслет.

Я показал браслет, расстегнул рубашку и продемонстрировал медальон. Лейтенант сверил номера с тем, что записано в паспорте, кивнул:

– Спасибо. Откройте чемодан.

– Что именно вас интересует?

– Простите, это тайна.

Он прошелся интроскопом по стенкам, крышке и дну моего чемодана, похлопал руками по дорожной сумке, показал на раухер:

– Прошу вас, продемонстрируйте работу аппарата.

Я вывел на экран схему интерференции полей в блоке «Пирмазентс» и показал, как меняется картина с ростом нагрузки. Лейтенант был удовлетворен.

– Благодарю вас, – сказал он. – Приношу извинения за беспокойство. Это делается в целях вашей безопасности.

– Долго мы еще простоим?

– Не больше часа.

Он вышел и через несколько минут вернулся.

– Герр инженер, не согласитесь ли вы принять попутчика?

Мне показалось, что он подмигнул.

– Главное, чтобы согласился попутчик. – Я постучал ногтем по нагрудному знаку.

– Фрау без предрассудков, – сказал лейтенант.

И вошла фрау. Я почувствовал, что встаю. За спиной фрау маячил солдат с чемоданом.

Очень мило... с вашей стороны... лейтенант. Фрау походила на француженку: короткая стрижка, с прищуром глаза, высокие скулы, чуть втянутые щеки. Стройна. Необычные, ломкие движения. Я не стесню?.. Что вы, разумеется, нет. Семья с двумя детьми, очень просили... Располагайтесь, пожалуйста... мне выйти? На секунду, не больше. Вас предупредили относительно этого (напрягаю грудную мышцу, значок уезжает на полметра вперед)? Да-да, ничего особенного, я не боюсь. Замечательно...

Замечательно.

В коридоре я прижался лбом к холодному стеклу. Сердце работало во втором режиме: сто ударов в минуту. Что-то рановато начинается операция... похоже, что наши друзья из гепо нервничают. И без помощи раухера я мог с полной уверенностью сказать, что фрау эта имеется в нашей картотеке. Номер Р-147, «Роза», агент-наблюдатель высшего класса. Обычно работает на ближневосточном и туранском направлениях. Свободно владеет арабским и фарси. Сексуально притягательна для мужчин восточного типа...

– Входите, можно.

Когда она пришла, на ней был клетчатый твидовый костюм. Теперь она натянула брючки из темно-красной замши и облегающий черный свитер. Ай-яй-яй, какая откровенная фронтальная атака. Разве же так должен поступать агент-наблюдатель высшего класса? Но главное – зачем? Я что, похож на арабского террориста? Нескладуха. Ладно, разберемся по ходу дела...

– Позвольте представиться: инженер Игорь Валинецкий. – Я вспомнил наконец, что мы незнакомы.

– Криста Лауэр, – протянула она руку. – Переводчик-синхронист. Вы из Сибири?

– Да, из Томска...

Рука у нее была сухая, нервная. Я приложился губами к запястью и удивился, что меня не ударило током.

– Я была в вашем Томске, – сказала она. – Красивый город. И чистый. Но уж очень похож на американские города.

– В Америке вы тоже были?

– Дважды. В восьмидесятом и восемьдесят восьмом. В августе. Сплошные восьмерки. Смешно, правда?

– Неимоверно. А с какого языка вы синхронно переводите?

– С арабского.

– О!

– Не похоже, правда? Никто не верит. А ведь арабский – очень простой язык. Очень красивый. Хотите, я вам стихи почитаю?

– Секунду, – сказал я. – Пойду шепну пару слов проводнику.

Коридор был пуст: законопослушные граждане обеих стран близко к сердцу приняли просьбу не выходить из купе без крайней на то необходимости. Проводник, подперев щеку, грустно смотрел в окно. Дождь не кончался.

– Что желает герр инженер? – вскочил он мне навстречу. Забавно: по нашу сторону границы он спрашивал: «Чего изволите?», а по эту, хоть и говорил по-русски, фразу строил на немецкий манер.

– Две чашки очень хорошего чая и бутерброды с семгой.

– Пирожные?..

– И пирожные, да.

– Пять минут.

На обратном пути я вдруг сообразил, что именно привлекало за окном внимание моего собеседника-полицая и что я видел сам, но за размышлениями о качествах и статях агента Р-147 просто не пропустил в сознание. На мокром асфальте перрона проступили нанесенные трафаретным способом силуэтные портреты «самарской четверки»: Сталина, Молотова, Ворошилова и Берии; силуэты наезжали один на другой, и получалась гордая шеренга – так когда-то изображали казненных декабристов, а потом – Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. «...ет единая ро...» – видны были буквы. У патриотов почему-то всегда нелады с родным языком. Это подметил еще Ларошфуко, только выразился как-то закомелисто. Или это был Паскаль? Блез. Паскаль Блез и Блез Паскаль – это два разных человека. Или Вольтер. Лишивший невинности Жанну д'Арк. Мне вдруг стало тоскливо: последний раз по-настоящему, для души, я читал лет пять назад. С тех пор – только для ума. Для дела. Даже в отпуске – для ума. Даже в Гвоздево, в зоне психологической разгрузки, где можно все, – даже там я не читал ничего постороннего, хотя именно об этом, о постороннем, я мечтал на акциях, особенно если приходилось лежать в ледяной грязи или проходить по сто километров в день, – мечтал выйти утром на веранду или на плоскую крышу, сесть в плетеное кресло, взять в руки книгу – не какую-то конкретную, а просто очень хорошую книгу – и читать медленно, с наслаждением, потягивая чай из тонкой, нежной, как розовый лепесток, чашки, и тихая японочка или корейночка, неслышно подходя, будет наполнять эту чашку... никогда этого не получалось, хотя и японочки, и корейночки были, но вместо чая пили коньяк, а до книг так и не доходило совсем.

Пока я отсутствовал, Р-147 времени не теряла: на столе уже красовались осургученная бутылка «Саян-туй» и два фиолетовых дорожных бокала из «неуничтожимого стекла». Сама фрау размышляла над открытым клетчатый чемоданом – тем, что поменьше.

– Как вы считаете, – подняла она на меня глаза, – это подходит к?.. – Она кивнула на бутылку. В руке у нее была коробочка орехового печенья «Таежное».

– Абсолютно не подходит, – сказал я. – Более того, и бутылка эта не подходит к ситуации... – Я взял бутылку в руки и посмотрел на сургуч. – «Золотая печать», ничего себе! Рублей сто двадцать отдали?

– Сто пятьдесят.

– В магазине Семенова на углу Авиаторов и Денисюка?

– Нет, в Петропавловске на вокзале. Я же еду из Петропавловска.

– А мне показалось, я видел вас раньше... Впрочем, не смею настаивать.

– Возможно, кто-то похож?..

– Я спал всю дорогу. Должно быть, вы мне приснились. Так вот, «Золотую печать» следует вскрывать и пить в кругу старых друзей, причем не в чистом виде, а добавляя понемногу в очень хорошую водку. Или – на любителя – в джин. Если закусывать, то фруктами. Манго, авокадо, папайя. В нашей компании «Саян-туй» поэтому называют еще «Да здравствует Африка!».

– Очень остроумно.

– Чрезвычайно. Так что спрячьте это для старых друзей, а я придумаю замену... вот. За знакомство – лучше не придумаешь. Этому коньяку почти пятьдесят лет. «Турксиб» – слышали?

– Это название коньяка?

– Скорее прозвище. Названия у него нет, потому что в продажу он не поступает. Просто я в свое время сидел с Семеновым-внуком за одной партией. Хотите знать, что это за коньяк?

– Сначала попробовать.

– Разумеется. Ага, вот нам уже несут...

Проводник, улыбаясь, сервировал столик. Если фрау позволит... Как из рукава, появился букетик красных саранок. А нет ли у вас лимона? – поинтересовался я. Как же может не быть лимона, изумился проводник. Тогда, пожалуйста, принесите лимон и пустую рюмочку для себя. Он исчез и тут же возник вновь с пошинкованным лимоном и граненым стаканчиком пузырчатого зеленого стекла. Вслед за ним просунулся давешний полицейский. Что за?.. начал было он, но три беспредельно-радушные улыбки срезали его влет. Он засмутился, заковырял пальцем стенку, но фрау вручила ему свой бокал, и тут уж он устоять не смог. Проводник принес еще один стаканчик, и я налил каждому по первой порции. Дегустация, объявил я. Для тех, кто еще не знает: этому коньяку пятьдесят лет. Может быть, больше. История его такова: в сорок первом году, поздней осенью, из Грузии был выведен эшелон с пятью тысячами бочек коньячного спирта. Эшелон сопровождал интендант второго ранга Гавриил Семенов. Так, вы уже смеетесь. Совершенно верно. Странствия этого эшелона вокруг Каспийского и Аральского морей – это тема для новой «Одиссеи». Наконец почти через год, в октябре сорок второго, эшелон видели – в последний раз – на станции Козулька, известной, может быть, вам по очерку Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин». Где-то между Козулькой и Красноярском эшелон исчез бесследно. Напомню, это был уже октябрь сорок второго – кому какое дело было до несчастного эшелона? А после декабрьской Реформы возник уже новый Семенов, тот, которого мы знаем: «Семенов и сыновья» – три звездочки, пять звездочек, «особо выдержанный»... Но несколько сот бочек дед Семенов сохранил, не пустил в продажу. Они замурованы в его подвалах и ждут своего часа: одни – наступления нового тысячелетия, другие – столетия фирмы, третьи – еще каких-то славных дат. Говорят, есть бочка, отложенная до дня Страшного суда. Та бочка, из которой мы сейчас пьем, была открыта две недели назад, на восьмидесятилетие Гавриила Семенова. И я предлагаю выпить за то, чтобы нас никогда не покидали оптимизм и вера в будущее, как не покидали они этого славного патриарха. Прозит!

Пили, восхищенно жмурились, обменивались только междометиями. О-о! Ммм! Э-эх! Да-а, господи... Мягкий, шелковый напиток. Безумно богат его букет и неизмеримо коварство: со второй порции отключаются ноги. После третьей-четвертой возникает странный эффект: тебе кажется, что голова твоя по-прежнему светла и ты практически трезв, только весел; в действительности окружающий мир ты уже практически не воспринимаешь – остаешься лишь ты сам и твои собутыльники и сотрапезники. Не зря же целую бочку Семенов заначил до Страшного суда. Иммуниитета к «Турксибу» нет, от него пьянеют даже самые стойкие; похмелья после

него тоже не бывает. Вместе с ломтиком лимона я бросил в рот капсулу холапана. Теперь печень активно погонит желчь, а поджелудочная железа начнет выбрасывать в кровь огромное количество инсулина. Надо не прозевать момент и съесть что-нибудь сладкое...

Сказал тост полицейский. Он предложил выпить за прекрасных дам, за наших жен и любовниц – пусть никогда не встречаются! Выпили – с большим удовольствием. Я достал следующую бутылку, а проводник принес еще один лимон и банку японских консервированных фруктов. Теперь процесс становился самоподдерживающимся: таково свойство практически всех смешанных русско-немецких компаний: пить до отпада. Порознь может быть и так и этак, а вместе – тушите свет. Вероятно, таким путем русские сублимируют свою полувековую мечту о реванше, а немцы глушат насмерть темные предчувствия.

Заскрипев сочленениями, поезд тронулся. Уплыли назад мокрый часовой, мокрый газетный киоск, мокрые офицеры пограничной стражи под мокрыми зонтами, кончились платформы, застучали колеса по стрелкам, мелькнули светофоры и знак «граница станции», побежали мимо пристанционные постройки, домики, переезд со шлагбаумом, на дороге грузовик, два трактора, мотоцикл, еще дальше – ферма, жилой дом, и теплицы, теплицы, теплицы, гектара два теплиц... местность была плоская, как блин, и в такую погоду особо унылая... деревья в лесополосах застыли по стойке смирно и ничем не напоминали создания природы, а редкие березовые колки всем своим видом выказывали смирение и понимание того, что оставлены они жить только из невыразимой милости... Уже выпили и по третьей, и по четвертой – под какой-то совершенно непристойный тост, сказанный Р-147, и под робкое «Это... за знакомство, что ли...» проводника. Стало совсем темно, дождь усилился; окно, несмотря на гидрофобное покрытие, заливало водой. Тучи вспыхивали лиловым, и гром, хоть и ослабленный, проникал в вагон. Нет, ты скажи, требовал полицейский у проводника, ты скажи: справедливо это? Я тут всю жизнь живу, и отец мой жил, и деды, и прадеды, а он мне: оккупант? Справедливо? Зепп, бил себя в грудь проводник, Зепп, бляха-муха!.. Потому что все мужики хамы, объясняла Р-147, вам всем одно нужно, что я, не знаю, что ли? Примитивное удовольствие. Воткнул – и к следующей. Что я, не вижу? Комплекс Кулиджа. Воткнул – и дальше побежал. На нее не обращали внимания. Ты пойми, тряс рукой проводник, ты пойми: русский человек – это русский человек! Ты, главное, суть пойми!.. Меня вдруг затрясло: теплая пелена опьянения исчезла, и я оказался под леденящим взглядом исполинского глаза, как бы под лучом замораживающего прожектора – я все уменьшался в размерах, а глаз рос, рос, уходя в бесконечность... срочно нужно было съесть что-то сладкое, срочно – я упустил момент... рука почти чужая: я отстраненно смотрел, как она неуверенно сыплет сахар в остывший чай, ворочает там ложкой, поднимает чашку... начинался настоящий озноб, но я успел судорожно выхлебать приторный сироп. Теперь можно и коньячку, настоящего коньячку без легенд и излишнего коварства... зачем я вообще это сделал? Черт его знает... Полицейский тряс бутылкой, силясь добыть еще хотя бы каплю. Я встал – тело ныло, как после тяжелой продолжительной болезни, сердце неслось куда-то в третьем режиме – и достал литровую бутылку «Хасана». Это, конечно, пойло, травяной настой, но он хорош тем, что после него не болит голова. Вот – русский человек! – воскликнул проводник, простирая руки. – Он понимает душу любого – русского, немца – любого!.. Я не русский, сказал я. Я полуполяк-полуиспанец. У меня мама – Родригес. Все равно ты русский! – настаивал проводник. – Ты думаешь по-русски, и ты понимаешь русскую душу. Разве что, согласился я. Теория крови – это блеф, веско сказал полицейский. Партия разобралась и дала бредням Розенберга суровую оценку. Бредни Розенберга разоблачены, разоблачен и сам Розенберг. Верно, Зепп, все люди братья, подхватил проводник, давай на брудершафт! Стали пить на брудершафт. Полицейский с проводником, я с Р-147. От таких губ тоже должно бить током. Но почему-то не било. Р-147 откинулась назад и издала слабый стон – будто где-то далеко, в каменной пустыне, взывает о помощи живое разумное существо. Налили еще по одной, теперь была моя очередь целоваться с проводником. Это оказалось не так ужасно,

как представлялось. Глазки у проводника были уже как у вареного поросенка. Р-147 целовала полицейского взасос, правая рука ее скользнула вниз по мундиру, нашла ширинку – и замерла в восхищении. За окнами прогрохотали фермы моста – мы переезжали Тобол. Гроза осталась позади, из-за туч выскользнуло солнце и заплясало на зеркальном куполе «Евразии»; из светящегося тумана проступил похожий на перевернутую букву «У» силуэт «Самсона» – знаменитого курганского небоскреба. В прошлом году мы работали в нем и вокруг него: «Дети Адольфа» пытались добраться до сейфов «Сибнефти», захватили заложников... В простоте душевной они считали, что снять их со сто четвертого этажа будет трудно. Так... пришел мой черед целоваться с полицейским. Он уже ничего не понимал. Р-147 заставляла проводника слушать, как у нее бьется сердце. Братские чувства ее просто переполняли. Колеса снова застучали на стрелках, и тут в проводнике шевельнулись профессиональные навыки. Едем, что ли? Ну да, едем... Он подобрался к окну. Поезд задрожал и остановился. Неверными шагами проводник двинулся в коридор, но тут же появился вновь, пятась, сжимаясь во что-то маленькое и незаметное. Вошли и замерли в глубокой растерянности три полицейских офицера. Наш полицейский встал, оправил мундир, нашел фуражку и с третьей попытки надел ее. Повернулся ко мне, покачал толстым пальцем перед носом, сказал строго: Зепп Клемм не оккупант! Запомни и передай всем – Зепп Клемм не оккупант! На вот – чтобы помнить... Он снял часы и стал надевать их мне на руку. Не оккупант, повторял он, не оккупант, не оккупант...

07.06. Около 3 час. ночи. Где-то между Екатеринбургом и Казанью

Я так и не уснул. Лежал, ворочался, мучился раскаянием. Зачем устроил жеребятину? Ну в самом-то деле – зачем? Дурака валял? Воистину дурака... Пытался расслабить тело и заставить мозги подумать о деле – тоже не получалось. Тот мизер информации, что у нас был, уже давно усвоен, и нового из этого ничего не выжмешь. Надо просто там, на месте, натянуть хорошую паутину, сесть поудобнее и ждать. Не делая лишних движений. Техника заброшена, люди все на месте, времени у нас вагон... Р-147 как прилегла в Кургане, так и не пошевелилась до сих пор. Я прикрыл ее пледом – она сморщилась обиженно, и все. Интересно, какая у нее в этой игре роль? Если, конечно, в этой игре... и если я не обознался. Я тихонько встал, наклонился над ней. Спит... но как-то странно... не пойму... Я вдруг понял, что она на меня смотрит. Веки не сомкнуты, только опущены... и волосы за ухом как-то не так лежат... Я протянул руку, коснулся волос, и тут они все легко скользнули вверх, обнажая гладкий зеленоватый череп, глаза страшно распахнулись, а вокруг моих ног захлестнулось и обвилось что-то упругое и сильное, отлетел плед – ко мне тянуло руки чешуйчатое хвостатое существо...

– Проснитесь! Проснитесь! – Незнакомый перехваченный голос.

– Что? – Я приподнялся. – А... все в порядке, в порядке... – У меня тоже перехваченный голос. Купе, горит настольная лампа, сердце опять в третьем режиме. Р-147 без косметики, в том же черном свитере и трусиках, и пахнет от нее мылом и зубной пастой – встала, умылась...

– Вы так кричали, – сказала она жалобно. – Я думала, убили кого-то.

– Пойду умоюсь, – сказал я.

Убили... убили... ну убили. И что теперь?

Рожа в зеркале была не моя. Похожая, но не моя. Не родная. Это тоже гнездится где-то: вот однажды посмотрю в зеркало, а там – крокодил, или оскаленный череп, или старик... или женщина. Что не менее ужасно.

Умылся. Вернулся. Посмотрел на трофейные часы. Тут же забыл, что там увидел. Р-147 лежала с открытыми глазами. Свитер ее очень небрежно и очень заметно валялся на столике. Эти немецкие женщины...

– Вам что-то приснилось? – спросила она.

– Может быть, – сказал я. – Не запоминаю снов.

– Меня долго мучили кошмары, – сказала она. – Пока я не стала лечиться у Бонгарда.

– Извлечением души?

– Не смейтесь, это действительно так! Это не выдумки, я же... – Она замолчала и приподнялась на локте. – Хотите попробовать? – страшным шепотом спросила она.

– Нет, – сказал я. – Мне нельзя. У меня искусственное сердце.

– Не важно! Ведь душа...

– Все равно не хочу.

– Вы будете жалеть, страшно жалеть...

– Гашу свет?

Я выключил лампу, разделся и лег. Р-147 выглядела подозрительно бодрой. Сlopала какой-нибудь стимулятор? Допустим. Ну и что? Не везу я ни оружия, ни фальшивых паспортов, и даже денег у меня – кот заплакал. Залезть же в память раухера невозможно.

Да и залезь туда кто... Архивная крыса Люба, вручая мне тошенькую папочку с материалами по «Пятому марта», сказала: все здесь, Игорек, нет больше ничего, будто и не люди это, а мороки. И Командор бушевал, что идти на акцию с такой информацией – это просто подставлять задницу. Бушевал он, впрочем, наедине со мной, в подвальчике того самого, на углу Авиаторов и Денисюка, хлопнув предварительно для расслабления полбутылки «Кедровой». В кабинете же Тарантула он вел себя лояльно и делово и даже изображал повышенное внимание, когда Тарантул с мужественной сдержанностью и простыми словами заливал нам, насколько от успеха этой акции зависят судьбы нашей цивилизации и даже само существование оной. И здесь в который раз проявилось замечательное свойство мимики Тарантула: какую бы святую истинную правду ни говорил он – вплоть до цитирования таблицы умножения, – видно было: врет. Может быть, потому, что когда-то зубы съел именно на дезинформации. Взять, скажем, сибирскую атомную бомбу: сделали ее в металле только в семьдесят втором, но уже с пятьдесят восьмого весь мир был убежден, что она существует. Прошла большая серия дез: будто бы Грингаузен передал Сибири документацию по ультрацентрифуге для разделения урановых изотопов (он так и сидел бы до сих пор, если бы не умер от лейкоза) и будто бы где-то в пустыне Намиб наши егеря захватили трейлер с обогащенной урановой рудой (трейлер действительно пропал, без нашей помощи – но очень кстати), и за немислимые деньги везде, где только можно было, скупали плутоний, и даже загрузили в глубокую шахту и подорвали полторы тысячи тонн аммонита – и Тарантул потом, очень довольный собой, говорил, что атомная бомба, существующая только в головах противников, сдерживает их не хуже настоящей, а обходится раз в сто дешевле... поэтому, слушая его, я все старался понять, в чем же заключается истинный смысл операции – но так, конечно, и не понял.

Не понял до сих пор.

– Ах, это невозможно, – сказала Р-147, – я не понимаю – быть таким бесчувственным... я не понимаю.

Она села, замерла на минуту – будто внезапно и глубоко задумалась, – потом быстро шагнула ко мне и забралась под плед. Это невозможно, шептала она, это невозможно, это... Да, подумал я, невозможно... а если невозможно избежать насилия, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие...

Год 1961 Зден

31.08. 07 час. 20 мин. Окрестности станции Шатилово. База ВВС Союза Наций «Саян»

Криволапов поднял руку, и я как был, так и замер. Задние тоже замерли. И тогда стал отчетливо слышен хруст веток – впереди и справа. Держа автомат в левой, подпоручик приподнялся по-змеиному и отогнул мокрую и от этого как бы седую еловую лапу. Он смотрел долго, очень долго, потом покачал головой и встал в рост.

– Hi, – сказал он. – How are you, fellows?

Ответом был невнятный возглас.

– Егеря мы, егеря. – Он исчерпал запас английских слов. – Е-ге-ря, understands? Зден, ты же болтаешь по-ихнему, иди сюда... Яковлев, Аздашев – прикрываете.

Я встал. Зрелище открылось безотрадное. Под кривой (здесь все кривые, но эта как-то особенно) елью лежали трое, обмотанные грязными окровавленными бинтами, а четвертый стоял над ними, скрючившись и расставив руки, грязный, тощий, в раздавленных очках...

Первым делом я осмотрел раненых. На скорую руку, понятно. Их истыкало осколочками «погремушки». Досталось в основном ногам. И вот этот тощий, Тимоти, волок их сюда по одному, прятал, возвращался за следующим... Был еще один раненый, но в момент, когда Тимоти его нес – вон там, за той высокой сосной, видишь? – прилетела пуля и добила парня, он умер почти сразу... Так что же случилось у вас там внизу, Тим? Случилось? Случилось...

Случилось же вот что: по бетонке, ведущей от станции Тихая (по Абаканской дороге следующая станция после Шатилово), подъехали несколько грузовиков. Тимоти, дежурный инженер-электрик, из окна своей комнатки, смежной с пультовой, хорошо видел их. Наверное, грузовики ждали, потому что охрана быстро проверила документы и открыла ворота – одни и вторые. Через несколько минут началась стрельба – редкая, рваная, растерянная. И сначала непонятно было, в кого стреляет охрана, – видны были только свои, хотя кто-то включил прожекторы и территорию базы залил свет. Солдаты падали один за другим, а их врагов не было видно и не было слышно... Начали стрелять зенитки. Потом он их все-таки увидел – врагов. Они были в чем-то сером, бесформенном, и тусклое мерцание на стволах их оружия не сопровождалось никаким звуком. Враги возникали и тут же пропадали, как тени. Как призраки...

Потом они ворвались в пультовую. Кто-то пытался отстреливаться... На них, дежурных, даже не стали тратить патроны – бросили взрывпакет и прикрыли дверь.

Тимоти уцелел чудом. Ударной волной его вынесло через окно, и какое-то время он провалялся под самыми ногами захватчиков свеженьким трупом. Чтобы не вонял, его оттащили в сторону...

Потом он очнулся, и у него хватило ума некоторое время не заявлять о себе. Улучив момент, он ускользнул в тень. Захватчики деловито обшаривали территорию, но Тимоти, как электрик, знал кое-какие тайные тропы. Через кабельный колодец он пробрался в одну из зенитных башен – и там обнаружил среди мертвых номеров четверых раненых. Зенитчики, до того как их забросали «погремушками», вели огонь по стене и проволочному заграждению, то ли увидев там кого-то, то ли просто наугад. Теперь в стене зияли пробоины, а заграждение было сметено начисто. Туда и пополз Тимоти – сначала один. Но, оказавшись в лесу, он впал в состояние панического страха, и в этой панике он вернулся, вынес одного раненого, второго, третьего, четвертого... Четвертому не повезло: было уже слишком светло.

Сколько было нападавших, он не знал. Он даже не видел точно, сколько подъехало грузовиков. Может быть, три, а может быть, пять. И на каком языке они говорили, он не слышал. И какое было оружие, не разглядел. И насколько уцелели оборонительные сооружения базы, не имел представления. Есть одна брешь в стене, это точно, что же касается остального...

– Зден, – сказал Криволапов. – И Яковлев. И ты. You. – Он ткнул лапой в американца. – Раненых на плечи – и в расположение. Зден, утащишь его? – Он посмотрел на меня с сомнением. – Хотя – куда ты денешься... Исполнять. Аздашев, со мной. Посмотрим, что там за брешь.

Было очень скользко, особенно на камнях, поросших мхом. Мы перли в гору, почти ничего не замечая, и в конце подъема я просто перестал жить. Однако вот поди ж ты: будучи остановлен, освобожден от ноши и освежен хорошим глотком водки, я немедленно просветлел мозгом и принялся живо переводить вопросы Горелова и ответы Тимоти – хотя оба они поначалу казались мне персонажами какого-то допотопного фильма, поскольку были плоскими, черно-белыми и отделенными от меня струями дождя... Лишь потом рядом с Гореловым я разглядел два новых лица: худого узкоглазого капитана и полужнакомого полковника: то ли седой, то ли выгоревший ежик, лицо цвета обожженной глины, широкий нос с нервными ноздрями кокаиниста, стянутая давним ожогом левая щека...

Только когда быстрый опрос Тимоти закончился и его отпустили отдыхать, велел на всякий случай быть поблизости, а меня тоже отпустили – принять пищу, – я вспомнил, почему лицо полковника показалось мне таким знакомым. Он командовал десантом на Фергану в пятьдесят седьмом, во время «мятежа девяти шейхов». Фамилия его была Семенов, и знаменитому винопромышленнику он приходился старшим сыном.

Хотя операция по взятию Ферганы была проведена молниеносно и успешно, после нее Семенов то ли вышел в отставку, то ли был отправлен в резерв. И вот теперь он почему-то здесь...

Жрать мне не просто совсем не хотелось, а как бы наоборот, да и Косичка, выдавая банку с рационом, сказал: не ешь, если в брюхо ранит, то пусть уж в пустое; на вот лучше, пососи – и протянул большой кусок серого колотого сахара. Что там, внизу? Хреново внизу, сказал я, бойцы умелые, много их, и база им досталась целехонькая. О-хо-хо... – вздохнул мой сержант и отошел.

Год 1991 Игорь

07.06. 09 час. Казанский вокзал

Оказалось, что мы можем ехать одной машиной. Ей на улицу Гёте, семнадцать, – домой (адрес, телефон – все записал, да, позвоню, конечно), мне – на улицу Гёте, двадцать шесть, – в консульство. Носильщик уложил наши чемоданы в багажник такси, выдавшего виды «блау-фогеля», я расплатился с ним, сел рядом с Кристой, таксфарер переспросил адрес, тронулся – поехали. Через центр поедem или по кольцу? Как вам удобнее. Тогда по кольцу, в центре сейчас можно надолго застрять. И полиции там – в жизни такого не видел. С послезавтра, говорят, вообще внутри кольца только с пропусками можно будет ездить – во жизнь начнется веселая! Ну, это ненадолго, сказал я, дней десять, не больше. А сколько бензина лишнего сожжешь за это время, а? Да, это верно...

По кольцу свернули не налево, как я ждал, а направо, к Самоотеке. На Таганской асфальт кладут, сказал фарер, ночью, видно, не успели, я только что оттуда, с Павелецкого... Нет разницы, сказал я. Есть небольшая, возразил фарер, с километр разница есть, но так надежнее... вы сами-то откуда? Из Томска, сказал я. Я слышу, выговор вроде не наш, сказал он. И как там, в Томске, дела? По-моему, замечательно, сказал я. А что у нас-то творится, слышали? Да уж... И что вы про это все думаете? Наверное, правильно все, в общем-то... Немцы уж очень обижаются, сказал он, а я так думаю, мы же не звали их сюда, правильно? А с другой стороны... Во, мотнул он головой, аж со всего света слетелись... На обочине, двумя колесами на тротуаре, стоял, накренившись, панцерваген «мефисто». Башня была зачехлена. Вокруг машины слонялись глянцево-черные зулусы в белой тропической форме. Офицер – белый – скучал на водительском месте, а водитель копался в моторе. Вот, сказал наш таксфарер, русских – туда, черненьких – сюда, так и живем... На въезде в туннель под Тверской стояли пулеметные гнезда из мешков с песком, там дежурили парни в болотного цвета комбинезонах и каскетках – кажется, финны. У туннеля под Геринга пулеметные гнезда еще только ставили. На плоской крыше Культурного центра маячили часовые. Все это, конечно, играло роль забора, не более: настоящие сторожа прятались в тени. Позвони обязательно, сказала Криста. Непременно, сказал я. Где ты обычно останавливаешься? Как правило, в «Гамбурге», попробую и на этот раз там же. Место тихое, и до фирмы десять минут прогулки. И до меня столько же на подземке, сказала Криста. Именно. Въезд на мост охранялся крепко: по два панцервагена с каждой стороны, на самом мосту рейхсгренадеры, под мостом на бочке десантный катер. Пожалуй, про тридцать тысяч фон Вайль соврал. Как бы не все сто. Это уже не охранные мероприятия, это уже осадное положение. И – кстати – в Каире тоже ведь было осадное положение: пропускной режим, комендантский час, прочие прелести – и что? Генерал-губернатора с женой и детьми расстреляли в упор и скрылись без следа. «Пятое марта»... До Каира генерал-губернатор был комендантом Тифлиса.

Поворот на Гёте был закрыт, регулировщик, красный, как из бани, крутил жезлом: проезжайте, проезжайте, проезжайте! Чуть дальше по движению висела схема объезда. Тащились мы теперь еле-еле, пришлось поднять стекла: сплошной бензиновый перегар. Так теперь вот и ездим, сказал таксфарер. Ну ладно... За памятником Гёте на высоких, метров по сорок, флагштоках развевались флаги четырех держав: красно-белый с черным тевтонским крестом в дубовом венке, белый с красным кругом, звездно-полосатый и бело-зеленый. На фасаде Фройндшафтхаузена висели портреты фон Вайля, Катакири и Джона Кеннеди. Портрет Толстого готовились поднимать краном. Толстой взирал на все происходящее недоуменно. Наконец мы доехали до нужного поворота, проехали по узкому коленчатому переулку, свернули в другой – и оказались на Гёте, как раз напротив консульства. Человек десять полицейских с

собаками и при автоматах стояли у забора, а на территории чернели береты наших морских пехотинцев. Нечего было и думать останавливаться здесь. Даже у дома семнадцать, выходя из машины, я чувствовал на себе нехорошие целящиеся взгляды. Таксфарер хотел нести наши чемоданы, но я отпустил его. Квартира Кристи была на втором этаже. Муж ее постоянно жил в Мюнхене, это я уже знал. Квартиру они снимают вдвоем с подругой, но днем подруга на службе... чашечку кофе? Божественный арабийский кофе, такого больше нигде нет. Боюсь, не сейчас – моего здешнего шефа нужно ловить до обеда. Вечером позвоню. Поцелуй – долгий, чересчур долгий... так я точно никуда не успею. До вечера. Приходи. Обязательно. Все.

07.06. 18 час. Турбаза «Тушино-Центр»

– Не знаю, не знаю, – пробурчал Командор. – Я все-таки подбросил бы ей «клопа».

Я молча пожал плечами. Подбрасывать «клопа» имеет смысл только тем, кто его заведомо не станет искать. Если же Криста наведена на меня, то «клопа» моего она найдет в пять минут – и тут же начнет давать нам дезу. Конечно, если мы хотим с самого начала запутаться в собственных яйцах...

– Вон место свободное, – вместо всего этого сказал я.

За красно-синим чудовищным грузовиком возник наконец просвет, Командор свернул туда, но какой-то нахал на драной «онеге», дав задний ход, постарался зарулить в этот просвет раньше нас, не рассчитал и глубоко пробороздил нам левое переднее крыло. Командор вышел, посвистывая, обошел нашу машину, обошел «онегу», встал перед нахалом – маленький чернявый Командор перед мальчиком сто девяносто дробь девяносто, белокурой бестией российского разлива, – и гнусным голосом потребовал:

– Сто – и проваливай.

У мальчика отвалилась челюсть.

– Ты, люммель, – только и смог сказать он.

Командор лениво поднял ножку, описал ботинком круг перед курносым лицом белокурой бестии, потом так же лениво лягнул «онегу». Левая дверь вдавилась внутрь салона, стекло разлетелось, как осколки гранаты.

– Триста, – сказал Командор еще более гнусно.

Такой букет выражений одновременно на одном лице мне видеть не приходилось. От ярости до искренней детской обиды – даже слезы заблестели в светлых глазах. Он, белокурая бестия, просто по определению должен был задать перцу вот этому черненькому сморчку, а тут вдруг сморчок намекает, что все будет едва ли не наоборот, и даже портит игрушку... и деньги...

– Пятьсот, – не дождавшись адекватной реакции, продолжал крутить счетчик Командор.

Тут до бестии дошел наконец весь ужас положения. Он побелел и полез в карман за бумажником. Руки его дрожали.

– Тут четыреста двадцать, – сказал Командор, подсчитав сиреневые бумажки. – Восемьдесят, пожалуйста.

– Больше... все.

Ударом кулака Командор выбил еще одно боковое стекло.

– Проваливай. И чтоб я тебя никогда больше...

Тот газанул, отъехал метров на сорок, тормознул со скрежетом, высунулся и проорал – не слишком разборчиво, правда, – какое-то оскорбление. Командор махнул рукой – и в центре заднего стекла образовалась дыра с ладонь. «Онега» опять рванула вперед и больше не останавливалась.

– И зачем этот цирк? – спросил я.

– Надо же поддерживать реноме, – усмехнулся Командор.

– Но шариком – это ты все равно зря.

– Шариком – зря, – согласился Командор.

Полудюймовым шариком от подшипника – их Командор носил в специальном патронташике на правом запястье – он убивал на лету ворон. Как всяким секретным оружием, этим следовало бы пользоваться в самых крайних случаях.

Командор подхватил пляжную сумку, запер машину, и мы двинулись к пляжу. Я не ожидал, что здесь будет такая толпа. Тысячи одетых легко, одетых символически и не одетых вовсе людей лизали мороженое, пили соки, вина и пиво, пиво, пиво – пиво в самых разных тарах, от баночек до канистр, пиво всех цветов и оттенков. Команда «А» пила светлое пиво стаканами – из двадцатилитрового термоса-бочонка. Стаканы запотевали. Подкопченные спины и задницы лоснились. Мы прошли мимо них, бросили сумку на свободный пятачок песка, разделлись догола и полезли в воду. Вода была парная.

– Как в июле, – сказал Командор, и мы поплыли.

В прошлом году в Гвоздево мы с Командором, дуря, уплыли километров за десять от берега – два с половиной часа умеренного темпа, – и нас вылавливал пограничный катер. Мы ныряли и не давались. Доктор Морита говорил потом, что этот заплыв и стал последней каплей, переполнившей чашу терпения моего миокарда. Может быть, может быть. Сегодня мы поплавали совсем немного, и Командор поволол меня на берег.

– Где бэшники? – спросил я в воде.

– Снимают груз.

– Сегодня?

– Рейс задержали на сутки, что-то со шлюзами.

– А то можно было бы уже начать.

– Лишние сутки проживем. – Командор хихикнул.

– И то верно...

Груз: приборы, оружие, взрывчатка – находился в секретном отсеке круизного лайнера «Дон» («Из Ливерпульской гавани всегда по четвергам...»); о существовании отсека не подозревал даже капитан; попасть в него можно было только снаружи, имея специальный ключ. Значит, контейнер снимут сегодня... контейнер самоходный, но скорость его невелика. Значит, что-то серьезное можно начать делать только завтра днем. Ладно.

Страхивая воду на самых красивых девушек, попадавшихся нам на нашем пути, мы подошли к команде «А» и непринужденно расположились среди них. Преимущество встреч на пляже: невероятно трудно выследить тебя. Все голые, все плюс-минус одинаковые. Недостаток: не менее трудно засечь слежку. Но с этим пока придется мириться... Команду «А» набирал Командор, но всех этих ребят я знал, и неплохо: Крупицын Дима и Крупицын Сережа – не братья, просто из одного детдома, там им дали фамилию воспитателя; Яша Штоль; Гера Москвич; Сережа Панин; Сережа Кучеренко – черт побери, одни Сережи, других имен нет, что ли? И девочки, наша лейб-гвардия: Валечка Иванчук, маленькая, курносая, завяжи ей бантик – сойдет за семиклассницу; и Саша Полякова, роскошная блондинка с фигурой Венеры, вся бронзового цвета, окружающие парни так и пялятся. Наши знают, что пялиться бесполезно: Сашенька холодна как лед, была у нее в детстве психотравма. Мы с Командором проглотили по стакану пива и растянулись на полотенцах. Гера крутил настройку приемника. На самом деле это был не приемник, а детектор микрофонов. Направленным, издали, нас тут не взять: пляж плоский, шумный. Не обнаружив ничего, Гера поставил звуковую защиту – так, на всякий случай.

– Ну вот, ребята, – сказал Командор, – Пан прибыл, теперь дело пойдет.

– Да уж, – сказал Панин, щурясь на меня. После акции в «Самсоне» ему не за что меня любить. – Теперь пойдет...

– Все откладывается на сутки, – сказал я. – К сожалению. Но заготовками давайте займемся сейчас. Девочки, вы пойдете погуляете по окрестностям и снимете двух, а в идеале трех

грузин. Лучше молодых. Обязательно грузин – не промахнитесь. И постарайтесь, чтобы это была полная компания, чтобы никто за кадром не остался.

– А если пятеро? – наклонила голову Валечка.

– Переварим, – сказал я. – И ведите к себе. Ну а Крупицыны обеспечат остальное.

– Живыми – всех? – уточнил Дима.

– Всех, – отрезал я.

– А зачем Крупицыны? – лениво сказала Саша. – Мы и сами...

– Конечно, – сказал я. – Затрахаете их до полной неподвижности.

– Например, – согласилась она.

– Нет, с Крупицыными надежнее, – сказал я. – Это как лонжа.

Сашенька откинула со лба волосы и стрельнула в меня глазами – так, в четверть силы.

– Ладно, – протянула она.

Отвести от Саши взгляд было почти невозможно. Я и не пытался. Сашенька была яркая, привлекательная, манкая, но к телу своему относилась только как к инструменту, не получая от процесса ни малейшего удовольствия... но все время хотелось об этом забыть и попытаться совершить чудо.

Девочки подхватили свои халатики и туфельки и пошли к нашей с Командором стоянке. Им смотрели вслед.

– Слушай, Пан, – сказал Командор, – я все забываю спросить: а почему – «Пятое марта»?

– Пятого марта сорок четвертого года немецкие войска вошли в Тифлис. Это конец независимости Грузии.

– Вот оно как... Долго держались: больше двух лет.

– Долго, – согласился я.

07.06. Около 20 час. Перекресток Большой и Малой Бронных. Кафе «Гензель и Гретель»

Я тихонько объяснял Гансу, что надо сделать, а он слушал и соглашался: конечно, какие могут быть проблемы? Да, да, разумеется... Мы сидели в крошечном кабинетике, передо мной стояли чашечка кофе и блюдо с пирожными, и я никак не мог понять, почему меня от взгляда на них тошнит, пока не вспомнил, что не ел с утра. С поезда. Ганс задумчиво поскреб свои подбородки, покачал головой: горячее бывает только до пяти... но можно посмотреть, не осталось ли чего из закусок. Я был готов на все. Ганс принес поднос, сплошь заставленный маленькими пластиковыми тарелочками. Одного только языка – пять порций. Хлеб рижский, похвастался Ганс. Очаровательно... Пойду к клиентам, сказал Ганс, если что надо... Спасибо, Ганс. Думаю, этого хватит.

Ганс не был нашим агентом в полном смысле слова. Просто он однажды провел две недели на борту пассажирского «юнкерса», захваченного мальчишками из «Зари России». Мальчишки требовали освобождения своих из тюрем, а также – в виде бесплатного приложения – восстановления России в границах 1914 года. «Юнкерс» мотался по аэропортам, пока не долетел до Бухары. Там мы его ждали – накануне эмир встречался с Толстым, и о чем-то таком они договорились. Мальчишек взяли без выстрела: просто впрыснули в систему вентиляции усыпляющий газ. Все это произвело на Ганса достаточно сильное впечатление, чтобы он сам предложил нам свои услуги. Теперь через него мы получали кой-какую необходимую информацию, а его кафе стало нашим почтовым ящиком и складом НЗ. Теперь, похоже, «Гензель и Гретель» послужит нам трэффпунктом... хотя это уже следующая стадия операции... но, пожалуй, самая главная...

Я не заметил, как смел все. Включая пирожные. В брюхе возникла приятная тяжесть. Как это Ганс таскает свой дирижабль? Побегай-ка весь день... Закатное солнце отражалось в черно-зеркальных гранях небоскребов-близнецов: РТА и издательского комплекса «ИНФРА». На крышу «ИНФРА» садился вертолет. Четверть девятого. Ну, что? Все на сегодня? И, кроме того, здесь пять минут ходьбы... и деньги с собой... Почему-то сохло во рту. Я спустился в

бар, взял две банки пива и вернулся. Пять минут туда, и час там. Командор скучает в машине. Ну, поскучает еще. Как там, интересно, наши девочки? Наверняка в каком-нибудь дорогом ресторане – позволяют угощать себя. Да, и позвонить Кристе... с улицы позвоню. Идешь или нет? Ч-черт... Я продолжал сидеть и тупо дул пиво. Так. Случая больше может и не представиться, напомнил я себе. Последний тихий вечер. Появился Ганс, поманил: к телефону. Это была Валечка. Голосок у нее чуть подсел. Все замечательно, сказала она, как ты и говорил. Молодцы, сказал я, чего уж... успехов. Гад же ты, сказала она и повесила трубку. Я набрал номер Кристы. Занято. Посидел, о чем-то напряженно думая, и набрал еще раз. Опять занято. Ладно, Ганс, сказал я, пойду. Значит, завтра Сережа появится – часа в два. Да, забыл спросить: как с финансами? Нормально? А то мог бы подбросить...

Командор не скучал. В руках у него был вечерний выпуск «Садового кольца» на немецком, и читал он так внимательно, что не обратил на меня ни малейшего внимания. Я пристегнулся, пристегнул его, завел мотор. Командор продолжал читать. Пришлось вынуть из его рук газету.

– Куда едем? – голосом таксфарера осведомился Командор.

– К Пречистенским воротам.

И – хрен. Под сложносочиненным светофором при выезде на Никитские мы застряли. По бульвару валило какое-то шествие. Толстозадый фургон, стоящий перед нами, перекрывал почти весь обзор, а мою попытку выйти из машины пресек патруль. Что забавно – в колонне было немало негров, и флаги над головой развевались какие-то экзотические. Кричали, пели – не разобрать.

– Что интересного в газете? – спросил я.

– Вот это самое. – Командор ткнул пальцем вперед. – Почитай, почитай...

Ага, вот оно, это самое: сто сорок женщин в Москве объявили голодовку, чтобы не допустить отправку в Африку Русского территориального корпуса. На что фон Босков резонно замечал: если треть африканских концессий принадлежит русским промышленникам, если из белых фермеров каждый четвертый – русский, то почему бы русским юношам не поучаствовать в защите их интересов? Почему опять, в который уже раз, вся тяжесть периферийных войн должна лечь на немецкий народ? Комментатор газеты, некий Козлов, окольными, полуразмытыми фразами пытался объяснить и фон Боскову, и читателям, что это все верно, но при нынешних непростых обстоятельствах не лучше ли пренебречь формальной справедливостью, чтобы не утратить нечто большее? Полполосы занимала стилизованная карта мира: полосатый Союз Наций, красный Рейх, желтая Япония, зеленая Сибирь. Белыми оставались Британия, Африка и Европейская Россия. На них красовались жирные вопросительные знаки. Над картой было: «После Москвы...» Имелось в виду Совецание.

И-да... посидеть бы и подумать над этой картой. Чертова война в Африке – как бритва у горла этого старого мира, такого, казалось, прочного и надежного... три равновеликие империи и Сибирь между ними – Сибирь, делающая бизнес в том числе и на своем геополитическом положении – в центре мира... и вот теперь одно лишнее движение, и покатаются головы. Впрочем, наверное, война – только симптом, а на самом деле все сложнее, ведь, скажем, еще пять лет назад нынешняя ситуация – вся – была просто немыслима, а отправка территориального корпуса туда, куда требовали интересы всего Рейха, воспринималась бы как дело чести. Вспомнить Бирму, вспомнить Месопотамию... Нет, что-то происходит с людьми, и поэтому веселые послушные негры начинают резать белых, а британцам приходит в голову, что американцы их не столько защищают, сколько оккупируют, потому что страны, завоеванные когда-то Германией, живут лучше и свободнее, чем отстоявшая независимость Британия, а русских вдруг потянуло на воссоединение разделенной когда-то России, хотя вряд ли кто объяснит, какой в этом практический смысл, и уж подавно никто не скажет, как это можно сделать без массированного кровопролития. И еще я подумал, что в поведении больших масс людей –

народов, наций – проступает что-то общее с поведением человека, лишённого чувства боли. Никогда не знавшего, что такое боль. И потому способного на самые замечательные эксперименты над своим телом... Додумать я не успел: Командор, как гонщик, на вираже обошел фургон и погнал по бульвару. Я оглянулся и успел заметить: за колонной демонстрантов шла шеренга солдат в белой тропической форме.

– Дальше куда? – откинув голову и как бы принохиваясь, спросил Командор.

– До станции подземки.

– И?..

– Спустишься вниз, сядешь в поезд, доедешь до Кузнецкого, там пересядешь – и до конечной. Дальше – автобус сто двадцать девятый.

– То есть ты меня выгоняешь?

– Проследишь, чтобы живцов взяли гладко. И второе: надо найти два «мерседеса», за ночь перекрасить под полицейские, оборудовать соответственно. И поставить... – Я задумался.

– Можно оставить в том же боксе.

– Он что, такой большой?

– Семь на одиннадцать.

– Нормально. Хорошо, пусть там и стоят.

– Взять в прокате?

– Лучше просто угнать.

– Знаешь, у дорожной полиции есть еще «хейнкели-Ф». Я тут заметил один – в спортклубе. Может, его?

– Тесноват, пожалуй.

– Зато скорость.

– Тебе видней. Бери.

– Угм...

Мы въехали в туннель под проспектом Геринга. Не только при пулеметных гнездах на въезде, но и в самом туннеле стояли часовые. В плоских мембранных противогазах они походили на инопланетных завоевателей.

– На этой станции? – кивнул Командор на вход подземки.

– Зачем? – удивился я. – На Пречистенских – там без пересадки.

– Тьфу ты черт, – сказал Командор и действительно сплюнул в окно. – Топографический идиотизм: не могу запомнить схему подземки. Все помню, а это не могу.

– Ты еще в Мюнхене не был...

Все пустое пространство, от Пречистенских ворот и до набережной, было полно людей. К нам они стояли спиной, и нельзя было прочесть, что написано на их транспарантах. Во всю ширину Пречистенки тоже стояли люди и спокойно ждали, когда полиция перекроет движение и пропустит их. Мы на черепашьей скорости проползли мимо. Справа, возле самого тротуара, окруженный молодыми, как-то очень одинаково подстриженными ребятами, стоял старик в черном костюме; на левом борте его пиджака сверкала медаль «Золотая Звезда». Командор свернул на Остоженку, втиснулся между стоящими машинами и уступил мне место за рулем.

– Пойду послушаю, что говорят, – сказал он.

– Давай.

– Успехов.

– Будем надеяться.

– Пока.

Он сделал шагов пять и пропал из виду. Это особый талант: уметь затеряться мгновенно и даже не в толпе – просто среди прохожих на тротуаре. Ну а здесь... Море голов замедленно, осторожно растекалось по площади, и белая тонкая часовня, поставленная здесь в память о поруганных святынях, поднималась из моря одиноким утесом. Я долго смотрел на все это – до

ломоты в переносице. Потом вырулил на полосу и поехал прямо. Было светло, сухо, чисто, но почему-то хотелось включить то ли дворники, то ли фары.

Год 2002 Михаил

26.04. 15 час. Константинополь, Университет

На выходе меня перехватил Петька Млечный. Он был весь как не слишком дружеский шарж на примерного студента: косо сидящие круглые очки, торчащие уши, галстук на боку, противокислотные нарукавники (хотя занимался Петр Валерьевич отнюдь не химией, а историей). В свое время я для него добывал посредством раухера в закрытых библиотеках необходимые материалы.

– Миш, можно тебя? – робко.

Зойка на такое обычно отвечает: «Можно, только не здесь». Я посмотрел вдаль. «Опель» стоял пока еще пустой.

– What's that so black agin the sun? – на всякий случай поинтересовался я.

Он вздохнул. К языкам он не имел ни малейшей способности. В отличие от меня, он и родился в Константинополе (то есть, наверное, в Стамбуле?), но ни турецкого, ни немецкого, ни греческого не знал абсолютно. И русским он овладевал с трудом, как бы в нем сомневаясь. Когда родители разобрались, что мальчика надо не учить, а лечить, было уже поздно. Пароход ушел. Я не понимаю, как же так: вот рука, а называется по-разному, жаловался он. Не должно так быть... При всем при том память у него была феноменальная.

– Миш, тут такое дело... помнишь, мы как-то о всяких случайностях в истории рассуждали? Давно еще.

– Кажется, помню, – пожал я плечами. – А что?

– Ты мне еще программу составлял... ну, для поисков...

– Это помню.

– Вот посмотри... я тут обработал кое-что... – Он подал мне кассету для раухера. – Может быть... ну... интересно покажется...

Я взял. Покрутил в пальцах.

– Видишь ли, друг мой... Я сейчас не дома живу. Смотреть не на чем.

– Почему не дома? – в ужасе прошептал Петька.

– Да ничего особенного. Опять с маман поругался. Переселился на лодку. Но раухера там нет. Обычная история. Сапожник без сапог.

– А хочешь, я тебе свой дам? – с готовностью предложил Петька. – Альбом. На всю неделю. Хочешь?

– Тебе так надо, чтобы я это прочитал?

Петька кивнул.

– И если что-то непонятно будет – звони.

Из внутреннего кармана пиджачка он вытащил альбом: мощный, дорогой, фирмы «Идеал». В чехле тисненой кожи.

– Дня три тебе хватит?

– А там много?

– Нет, совсем нет. Двенадцать таблиц.

– Ладно, давай... – Я сгреб раухер, кассету, сунул их в сумку... но уйти не успел.

– Хорошо, что я тебя увидел, Михаил, – строго сказал, подходя, Стас Тхоржевский. – И тебя, Петр. Сегодня в девять собрание общества, и вас обоих я прошу быть обязательно.

Стас тоже являет собой шарж – на выпускника курсов «Юный вождь». То есть если бы курсы такие, конечно, были. Он высок, широкоплеч, белокур, у него открытое честное лицо, которое ничуть не меняется, когда он откровенно врет. Костюмы он носит с явным милитарным акцентом. Вокруг него постоянно крутятся пять-шесть ребят помельче. На моей памяти

он был скаутским орлом и капитаном сборной по гребле. Теперь он председатель монархического общества.

– В девять у меня уже назначено, – сказал я.

– Ты уже пропустил одно собрание, Михаил, и тебе следовало бы...

– Стас... – сказал я. – К идеям монархизма я индифферентен. Я принимаю его только с эстетической точки зрения. Принимаю, не более. Так что на всех этих собраниях мне делать будто бы нечего...

Он хитро ухмыльнулся, и это на полсекунды вернуло его официальному лицу нормальное человеческое выражение.

– Сегодня нашим гостем будет сам наследник, – сказал Стас. – Он приехал.

– О-о?

Ну что тут еще скажешь? Любопытство – оно, конечно, порок... хотя и не преследуется по закону... если не переходит разумные пределы...

– Ладно, – сказал я. – Убедил. Возможно, я буду не один.

– Но не толпой, – очень серьезно предупредил Стас. – Зал не слишком велик.

Он отошел, невидимо козырнув.

– Ты сейчас домой? – спросил я Петьку.

– Я... нет, мне еще долго... и это собрание. Если что – вы меня довезете хотя бы до моста?

– Думаешь, мы так долго будем встречаться с наследником? Большое ему до нас дело.

Полчаса, охмурил – и дальше. У него таких встреч, наверное, штук восемь в день.

– Да? – усомнился Петька. – Тогда зачем же... вообще?..

– Сложный вопрос. Потом обсудим. Пока!

Возле «опеля» уже маячила белая шляпа. Поворачивалась направо-налево и покачивалась. Этак медленно и плавно.

Сильно дымя, выезжали со стоянки угловатые разрисованные автобусы. Ими не любили пользоваться: слишком долго ехать. Было бы куда удобнее, если бы один маршрут, допустим, шел в Перу, другой – в Скутари, третий кружил по лабиринтам Старого города. Нет, нельзя, решили городские начальники, тогда получились бы отдельные автобусы для русских, для немцев, для турок, нет, сделаем единый маршрут... и вот в результате есть бедные студенты, которые добираются до дому два с лишним часа. Хотя имеется и плюс: можно готовиться к занятиям. Или смотреть кино.

Зойка была одна. Тедди свернул где-то и вот – пропал. С ним это происходило регулярно. Он мог так пропасть на целые недели, а потом от него получали открытку из Сиднея.

– Будем ждать? – решил уточнить я. Зойка не ответила, только посмотрела на меня задумчиво, смешно приподняв кончик носа указательным пальцем. – На наследника престола хочешь посмотреть?

– Я уже видела. Он в ректорате сидит. Я зашла, а он там. Парень и парень. На тебя похож. И с ним два таких робота... – Она изобразила лицом, каких именно робота.

Завершал телефон. Это был Тедди.

– Ребята, меня не ждите. Давайте в шесть часов в «Азиче». Пока.

Отбой. И все. Позвонить ему и уточнить обстоятельства невозможно: Тедди всегда держал сигнал вызова отключенным. Таковы были общие принципы его бытия.

– Значит, ты будешь меня развлекать, – распорядилась Зойка. – С чего начнем?

Я пожал плечами и сел за руль: Зойка машину не водила.

– Я бы поела жареной рыбы, – тут же сообщила она.

– Жареная рыба – это профанация, – сказал я. – Рыба должна быть только отварная.

Почитай Мелвилла.

– Зануда этот ваш Мелвилл. Другое дело – Эрментруда Вассен. Это я понимаю.

Она меня дразнила. Эрментруда Вассен была писательницей для умственно задержавшихся. Кроме шуток. По крайней мере, с этого она начинала – с сочинения историй для воспитанников специальных школ. Судя по ее нынешней популярности, треть населения причисляла себя к умственно задержавшимся.

Я не слишком этому удивлялся.

Год 1991 Игорь

07.06. Около 22 час. Улица Гёте, дом 17, квартира 3

Свечи воткнуты в бутылки – и свечи, и бутылки самых разных форм и размеров, и есть свечи, горящие цветным пламенем, – а на окнах красные шелковые шторы, а за окном – в упор – уличный фонарь, и потому на всем лежит багровый отсвет. Запахи воска и духов. Еще чего-то, знакомого смутно и напоминающего мельком о борделях Владика. Легион бутылок в баре, все наливают себе сами и пьют, смакуя. Вот, познакомьтесь, это Игорь, инженер из Сибири. О! Сибирь! Как вы там живете, там же холодно? Так и живем. Я никак не мог сосчитать гостей: приходили в гостиную, выходили из гостиной, стояли на балконе, жались в коридоре, из библиотеки доносились несуразные звуки... человек двадцать пять – тридцать? Где-то так... Единственное, что я установил точно, – это то, что компания смешанная: были здесь и немцы, и русские, и помесьята, и белесый скандинав, и негритянка, и два араба, кажется гомики. Кто-то, поминутно падая со стула, читал невразумительную поэму, в которой дух Гитлера спорил с Вельзевулом и доказывал, что в аду он горит совершенно напрасно, на что Вельзевул отвечал кратко: «Лекен мир арш!» – а кто-то другой демонстрировал русскую тоску, меланхолически и бесконечно повторяя на балалайке одну и ту же фразу: «Светит месяц, светит ясный...» Сплошной декаданс – еще бы, раз хозяйка встречает гостей в одних черных чулках и шляпе с вуалью. Арабеск. Курили травку – не скрываясь. Похоже, нюхали кокаин. Не все, но многие. Наверняка и кололись где-нибудь – благо темных углов хватало. Когда мне представляли кого-нибудь, обязательно называли профессию: актер, художник, преподаватель чего-то, студент чего-то, литератор, издатель, журналист... К журналисту я присмотрелся. Он старался казаться гораздо пьянее, чем был на самом деле. Не исключено, что он собирал материал для светской хроники... «полусветская хроника», забавно... Ко мне вдруг привязалась одинокая рыжая кошка, терлась об ноги и мяукала. Негритянка – на ней был длинный халат из тяжелого белого шелка без единой застежки – угостила меня черной марокканской сигареткой. Мы с ней покурили и поболтали о разном, а потом направились в ванную, чтобы углубить знакомство. Но в ванной подобное действие уже шло вовсю, мелькали белые ягодицы и смуглые груди, и ввинтиться туда не удалось. В библиотеке же было другое: там странно, жутковато шаманили. Двое, парень и девушка, очень похожие лицами и выражениями лиц, одетые в передники из грубой кожи и цепей, стоя спиной к спине, выбивали руками на передниках – звук получался сухой и четкий – монотонный изнурительный ритм и тянули неизвестные слова, на одной ноте и почти одним, совершенно нечеловеческим голосом, а ноги их, как бы сами по себе и почти наперекор тому, что отбивали руки и пели голоса, стремительно мелькали в невыносимой сложности танце... не знаю почему, но этот танец, и этот мерный ритм, и это нелюдское пение достали меня до самого нутра так, что мороз прошел по хребту. Что-то должно было произойти сейчас, сию секунду, что-то жуткое и упоительное одновременно... пойдём, пойдём отсюда, потащила меня за руку моя негритянка, пойдём, тут сейчас такое начнется... я хочу увидеть, сказал я, пойдём, не надо, не надо этого видеть, не надо на это смотреть, пойдём... Мы медленно выпятились из библиотеки – нас уже подперли сзади – миновали ванную, из которой толчками шел раскаленный воздух, и по бесконечно длинному коридору подошли к двустворчатой черной двери, я оглянулся: стены коридора были прозрачны, и за стенами видна была гостиная, и огромного размера журналист с огромным бокалом в руках смотрел на меня и явно хотел что-то сказать, но я погрозил ему пальцем, и мы вошли в дверь, за дверью стояла квадратная кровать, покрытая черным, на кровати мелькали задницы, я насчитал пять и сбился, а за кроватью стояла огромная, еще больше журналиста, голая Криста в черной шляпе с вуалью, держа руки перед собой, и к пальцам ее шли нити от кувыркающихся на кровати, и

мы прошли в следующую дверь, белую, за дверью было пустое пространство, белый туман, и, раздвигая его, мы дошли до красной двери, за которой почему-то опять оказалась гостиная, давай еще по одной, предложила моя негритянка, давай, согласился я, мы раскурили друг другу тонкие черные сигаретки и обменялись ими в знак дружбы, журналист не сводил с нас тяжелого взгляда, казалось, что глаза у него не только свинцового цвета, но и сделаны из свинца, перед нами опять была черная, маленькая, пришлось согнуться пополам, чтобы войти, дверь, и за дверью на четвереньках качалась Криста, а сзади к ней пристроилось лохматое облако, похожее на медведя, а поперек нашего пути лежала, как белуга на блюде, порезанная ровными ломтями пышная блондинка, и пришлось обходить ее, путаясь в складках черного бархата, и мы вползли в белую дверь, крошечную, как крысиная нора, и там, в плывущем белом тумане, сбросили с себя все, что могли, и получили наконец свое. Я тонул, тонул, тонул, загонял себя в глубину, а меня выталкивало вверх, втягивало и снова выталкивало, и вдруг я почувствовал, что отрываюсь от всего и парю без опоры, без верха и низа, и тут что-то глухо лопнуло во мне, рвануло беззвучно, и больше я ничего не помню.

Очнулся я от короткой маятной дурноты, она иногда возникает при переходе сердца с большего режима на меньший. Во рту запеклась желчная горечь. Под черепом бегали мурашки. Я осмотрелся. Лежал я на ковре, белом и лохматом – под мех полярного медведя. Ковер заливал молочный свет от похожего на гриб светильника: светящаяся ножка и темная шляпка. Негритянка моя лежала на животе, подтянув одно колено к груди. Гибкая она была неимоверно. Дальше, позади нее, виднелась кровать, и с кровати свисала чья-то волосатая нога. Мурашки превратились в пузырьки шампанского, налитого под череп. Значит, я успел подышать нейтрализатором... это хорошо, не будет отходняка... но когда же я успел? Разберемся... Я собрал одежду с пола и стал одеваться, оглядываясь. Комната маленькая: кровать и телевизор с ББГ-приставкой, здесь же горкой валяются десятка три кассет. Судя по черным ярлычкам на коробках – все порнуха. Вид из окна – как раз на консульство, если нужно наблюдать, то лучше не придумаешь... хотя кому это надо: наблюдать за консульством? За посольством – еще понятно... Цепочка полицейских стояла неподвижно. Фонари на территории не горели, в самом здании светились только окна, выходящие на лестницы. Баллончик с нейтрализатором лежал во внутреннем кармане. Когда же я все-таки успел подышать? Не важно. На кровати шевельнулись, приподнялась всклокоченная голова, упала. Тут же началась специфическая возня. Дверей было две: белая и красная. Я вышел через белую.

Наверное, я ожидал увидеть нечто невыразимое, потому что изумился простоте картины: на кровати по диагонали лежала Криста, рядом с кроватью, неловко подоткнув под живот руки, – очень длинный парень. И все. Я потрогал Кристу за плечо. Она недовольно промычала и повернулась на другой бок. Родимого пятна на левой лопатке у нее не было. Не было и рубца, даже самого нежного, который неизбежно остался бы после любой пластической операции. Тем более когда убирают кусок кожи площадью в пол-ладони. Наверное, я этого подсознательно ждал. И наверное, уже с утра. Хорошо. Такая ошибка лучше, чем, так сказать, в обратную сторону. Хорошо...

В гостиной дым стоял коромыслом. Шумели так, что нельзя было разобрать слов, кто-то визжал, все бурно жестикулировали. Внезапно замолкли, замерли и стали пятиться, и вдруг получилось, что образовался живой коридор, в одном конце которого стоял я, а в другом появилась та девушка, что шаманила в библиотеке. Парня я тоже увидел: он стоял у стены в такой позе, будто его пригвоздили к этой стене за нижнюю челюсть. Девушка шла ко мне вслепую: глаза ее были заведены, меж век виднелись только белки. Видимо, ей рассекли голову, волосы на лбу слиплись от крови, кровь стекала на лицо, капала с подбородка; выставленные вперед ладони тоже были в крови. В шаге от меня она остановилась, постояла неподвижно, потом опустилась на колени и, закрыв ладонями лицо, поклонилась мне. Когда она выпрямилась и отняла руки от лица, на ладонях у нее оказался черный туранский нож. Возьми, возьми, испуганно

зашептали вокруг. На меня никто не смотрел, все смотрели вниз, на нее, ловя каждое движение, каждый оттенок движения. Нож оказался неожиданно тяжелым, я его чуть не выронил. Девушка легко встала с колен, не встала даже, а всплыла, и неуловимым движением сбросила цепи с плеч. Нагрудник передника со звоном рухнул вниз и закачался. Она приложила окровавленный палец к ямке между ключиц. Режь, режь, зашептали все. Я осторожно поднял руку и кончиком ножа коснулся ее кожи там, куда указывал палец. Ощущение было такое, будто я дотронулся до стекла. С безумной улыбкой она стала наклоняться вперед, я захотел отдернуть руку, но не смог: судорога свела мышцы. Девушка уже просто лежала на ноже; наконец, чтобы сохранить равновесие, мне пришлось шагнуть вперед и, кончиком ножа надавливая на ее горло, вернуть ее в вертикальное положение. Тогда, с той же безумной улыбкой, она повела пальцем вниз, и моя рука, подчиняясь не мне, стала спускаться, скребя сталью ножа по остекленевшей коже. Грудь упруго прогибалась, но ни малейшего следа после лезвия не было. Палец миновал точку верхушки сердца, и тут вдруг улыбка ее стала не такой – я еще не понял, какой именно, – палец быстрее заскользил вниз, к подреберью, нож следовал за ним – и звук железа по стеклу вдруг исчез, а кончик ножа стал погружаться в тело! Нечеловеческим усилием я разжал пальцы – нож, звеня, запрыгал по полу. Всеобщий «А-ах!» – девушка сомкнула веки, что-то сделала с собой, лицо ее стало настоящим, дрогнули губы, и когда она открыла глаза, то в глазах этих были испуг и неистовая жалость. Бедный ты мой, прошептала она и вдруг повалилась вперед, я еле успел ее подхватить – и тут поймал взгляд парня. Он так и стоял, вдавившись в стену – только теперь спиной. У него был взгляд человека, узревшего конец света.

Год 1961 Зден

31.08. 10 час. 45 мин. Окрестности станции Шатилово

– Солдаты! – Полковник не повышал голоса, но слышно его было отменно. – Я обращаюсь к вам так, хотя и знаю: вы все по-прежнему продолжаете считать себя мирными обывателями, случайно оказавшимися на линии огня. Так вот: это не так. Сейчас вы именно солдаты, причем солдаты обученные. Такой подготовки, как у вас, не имеют многие регулярные армии. С этим не стыдно идти в бой. А бой нам сейчас предстоит самый жестокий. Те, кто захватил базу, только что сообщили: первая ракета будет выпущена по Токио в двадцать два часа. В Японии началась эвакуация жителей из городов. Их флот вышел в море, бомбардировщики патрулируют вдоль наших границ. Нет сомнения, что они совершат налет. Что они будут бросать и куда упадут бомбы... да и не важно – бомбы упадут на нашу землю. Что из этого получится, объяснять не надо. В свою очередь, на американском флоте сыграна боевая тревога. Большая война может начаться из-за резкого движения какого-нибудь нервного сержанта. Насколько нам эта война нужна, знаете сами. Верховный главнокомандующий приказал мне сделать все, чтобы не допустить такого исхода. А сделать мы можем одно: овладеть базой. Нам не приходится рассчитывать на подкрепления: кадровый полк прибудет не раньше наступления темноты. Взорван железнодорожный мост у станции Колямба... – Он помолчал, давая всем осмыслить услышанное. – Мы не можем рассчитывать на авиационную поддержку. Почему – тоже не надо объяснять. Единственное, что у командования имеется, кроме вашего полка, – это пять учебных танков и две роты саперов, строящих танкодром у станции Тихая. Сейчас они выдвигаются на рубеж атаки. Атака назначена на одиннадцать тридцать. Командирам подразделений – получить карты. От каждого взвода выделить двух лучших стрелков в снайперы. Винтовки подвезены, получить немедленно. Теперь так: обучавшиеся пулеметному делу – шаг вперед. Обучавшиеся минометному делу – три шага вперед. Хорошо. Пулеметчики – напра... минометчики – нале-во! Шагом марш! Поручик Лисицын, принять минометную команду. Поручик Хисиминдинов, принять пулеметчиков. Получить оружие. Егеря! Слушай приказ. Выдвинуться на рубеж атаки согласно обозначенному плану и атаковать базу по сигналу «зеленая ракета». Приказа к отходу не будет. Останавливаться для оказания помощи раненым запрещаю. Командирам отделений: разбить отделения на боевые звенья по три-четыре человека, назначить командиров. Командирам звеньев собраться на инструктаж через пять минут у штабной машины. Исполнять!

Косичка быстро пошел вдоль строя.

– ...Врангель, Валинецкий, Денисов, Поротов. Командир – Валинецкий...

Криволапов появился внезапно. Горелов заметил его на секунду позже меня. Ну да: у меня, наверное, изменилось лицо...

Пятнистая куртка поручика сделалась черной, левого рукава не было вообще, а сама рука стала похожа на обугленный окорок с висящими алыми клочьями. Точно так же левая половина лица лоснилась подобно начищенному сапогу...

– Господин капитан...

– Вы ранены, подпоручик. Врача, быстро!

Кто-то метнулся за врачом.

– Так точно, господин капитан. Ранен. Курсант Аздашев убит. В клочья. Фугасный огнемет. Брешь они заткнули. Не пройти. Без пушек – не пройти. Говорят по-русски, слышал сам...

Он вдруг как-то очень быстро упал. Никто не успел его поддержать.

Уже бежал врач, за ним двое санитаров со сложенными носилками.

– Отставить, – сказал Горелов нам и снова встал, заложив руки за спину. – Продолжаю инструктаж. После преодоления полосы проволочных заграждений...

Пахло обугленным мясом.

31.08. 11 час. 30 мин. Там же

– Все равно не могу поверить, – бормотал Поротов, глядя на меня своими узкими, странно блестящими неподвижными глазами. – Не могу, Зден. А ты можешь? Ты, наверное, тоже не можешь. Кто-то сейчас придет и разбудит...

Мы лежали в высокой траве у края вспаханной полосы. Пятьдесят метров, а дальше колья с колючкой, а дальше – бетонная стена с колючкой же по гребню, а дальше... дальше – бог знает что. В руках у нас были пээээры – несерьезно-легкие пукалки, похожие на гарпунные ружья для подводной охоты, разве что чуть потолще. Справа и слева лежали такие же, как мы, ребята с такими же пээээрами – и ждали зеленой ракеты.

– Вот видит бог, Зден, нас дурачат... сейчас придет тот полковник и скажет...

– Помолчи, а?

– Да, сейчас... сейчас я заткнусь. Ты не волнуйся так, Зден, ведь ничего страшного... если разобраться, то...

Пффф! Ракета проплыла над нами медленно, чуть виляя роскошным зеленым кометным хвостом, и вспыхнула яркой четырехлучевой звездой. Где-то вдали раздалось несколько выстрелов.

– Давай, – сказал я.

И сам – поднял пээээр, целясь примерно в гребень стены, и нажал спуск.

Пээээр бьет негромко. Вряд ли громче ракетницы. Собственно, это и есть ракетница, только со всяческим навесным оборудованием. Желтая искорка выскочила из ствола и прыгнула вперед по плавной дуге, волоча за собой тонкий серебристый шнур. Десятки таких шнуров взлетели над проволокой, опустились на нее – и вспыхнули разом белым, чуть с иззеленью, пламенем. Термит. Две... три секунды... все.

Проволочных заграждений больше не было. Стояли колья, местами с них свисали еще горящие лохмотья... Проволока обрезана начисто – как множеством ножей.

– Зажми уши, – сказал я. И сам, всовывая ладони под каску...

Едва успел.

Контрминные дорожки раскатали пять минут назад. Этакие широкие веревочные лестницы с черными, будто эбонитовыми, перекладинами. Они лежали поперек всей грязевой полосы, почти доходя до разрушенных уже проволочных заграждений.

Кто-то все-таки догадался подрывать их не сразу, а поочередно. Боюсь, если бы они рванули одновременно...

Нас и так приподняло над землей и куда-то втиснуло – грубо и плотно. Долго не было ничего, кроме тьмы во всем теле – и мгновенно-синих звезд перед глазами. Потом вдруг стало переворачивать и корезить, как корезит начавшую отходить затекшую ногу или руку...

Вставай! Вставай!

Встаю.

Медленно... так.

Черно. Вспышки над стеной. Заунывный вой где-то позади.

Смычком по медному котлу.

И тут же – длинная очередь за спиной. Воздух в клочья. Брызги от стены. «Березин» – страшная машина, недаром с той войны почти без изменений. Разве что – с небес на землю...

Вперед. Вижу круглую спину Косички. Перекатывается, залегает, ползет, вскакивает...

Вперед же. Ну. Вперед.

Косичка рядом. Лежу в грязи. Над головой визг невидимых пил.

Пулемет перекрывает другие голоса.

Встать. Бегом. На карачках – но бегом.

Дыры в стене.

Колючки впиваются в пузо. Не страшно. Полпути пройдено, пройдено, да?

Удар по каске. Я на земле. Вскакиваю на четвереньки. Наверное, отключался, потому что Косичка опять впереди, и не только он, еще чья-то задница...

Совершенно беззвучно человека приподнимает над землей – в облачке серенького дыма – и разрывает на части. Это происходит очень просто и деловито. Перед моим лицом голый торс и рука – загребает, загребает... И я – совершенно спокойно – вскакиваю, обегаю вокруг останков и вновь ложусь. Стена – вот она, совсем рядом.

Пулеметная очередь проходит по гребню. Летят куски бетона, и рушатся кронштейны с проволокой. Кто-то в черном на миг возникает над стеной, выгибается и пропадает.

Стреляют из дыр? Похоже, да.

Перехватываю автомат и выпускаю несколько коротких очередей по этим самым дырам. Оранжевые вспышки отмечают мои, в данном случае, промахи. Впрочем, что-то улетело и в дыры. В белый свет.

Вся стена в оранжевых вспышках, оставляющих после себя пятна копоти.

Над головой визг, перекрывающий все. И не грохот – резкие звонкие удары, от которых в глазах что-то вспыхивает и рассыпается. Вспыхивает и рассыпается. Вспыхивает и... Косичка бежит куда-то, каска улетает вперед, он пытается ее поймать. Вид у Косички совершенно неправильный, но я ничего не могу понять. Синий дым вокруг. Опять визг.

Это минометы. Или наши взяли неправильный прицел, или...

Вжимаюсь.

Подбрасывает...

Нет, живой. Вперед. Только вперед. Ребята, теперь только вперед.

И – падаю под стеной.

Визг.

Вот он, Косичка, – в двух шагах. Тоже добежал. Каска в вытянутых руках. Полная мозгов.

Взрывы. Белые звезды, в которые трудно поверить, и – черная стена. Потом она медленно разваливается и опадает – вниз и немного вправо. Остается низко плавающий дым.

Приподнимаюсь. Смотрю.

Лежат. Лежат мои егеря, лежат... Кто-то слепо ползет, тычется и замирает. Десять... двадцать... все.

Все убиты.

Без паники.

Так не бывает.

Визг. Падаю.

Голову в землю.

Удар. Ухо лопается. Не помня себя, оборачиваюсь. Прямо перед лицом из серого бетона торчит неровный осколок величиной в пол-ладони. Кажется, он весь дрожит.

Смотрю на него не отрываясь...

Сейчас должны быть визг и удары, крошащие сознание, визг и удары, все напрягается внутри... сейчас... нет. Нет. Тишина. Негромко долбит пулемет. Что-то дымно горит в траве.

Не знаю, сколько прошло времени. Много. Я встаю – как на счет «девять».

Бокс.

Стена серая, каркасная. То есть столбы и перекладины толстые, монолитные, а между ними сравнительно тонкие плиты, да еще с таким рельефным рисунком: ромбы. И там, где бетон совсем никакой, осколки и березинские пули его пробивают. Нахожу небольшую дырочку невысоко над землей и приникаю к ней.

Очень долго не могу понять, что вижу. Потом доходит. Это локоть. Человек стоит и курит. Стоит, привалившись спиной к стене (не к стене, поправляю себя, к столбу), – и курит, держа сигарку между большим и указательным пальцем. Из-под локтя видны рукоять и приклад автомата, потертый и выщербленный деревянный приклад со множеством зарубок... Автомат я не сразу, но узнаю: девятимиллиметровый «штайр» образца пятьдесят второго года. Состоял на вооружении десантных частей Рейха.

Дальше еще одна стенка, невысокая, и мешки с песком. Ну, это понятно...

Надо же что-то же делать... что?

Ах да. Совсем забыл, извините...

Сажусь на землю, снимаю вещмешок. Там два килограмма МЦ. Гремучий пластилин. Вынимаю грязно-синие брикетки, разворачиваю и прилепляю к бетону. Двадцать брикетиков.

Получается перевернутая буква «П» с короткими ножками и длинной перекладиной.

«Березин» выпускает очередь куда-то левее меня. Там стрельба и крики. Я уже могу слышать крики.

Теперь детонаторы. Очень похожи на елочную гирлянду: синий провод и маленькие острые лампочки, правда с черными непрозрачными цоколями. Равнодушно втыкаю лампочки в брикеты «МЦ».

Что-то происходит вокруг.

Визг.

Успеваю упасть.

Год 1991 Игорь

08.06. 02 час. 55 мин. Дмитровское шоссе, 400 метров до переезда через линию Ст. – Петербургской железной дороги

– Не придет, – сказал наконец журналист. Его звали Валерий, и мы были уже на «ты». – Все. Не придет.

Он поскреб пальцами скулы, потер глаза – с такой яростью, будто разрывал веки. Он страшно хотел спать.

– Паршиво, – сказал он через минуту. – Мы платим. Да, мы платим. Хорошо платим. Иногда – очень хорошо. За информацию. И люди, в общем-то, знают, на что идут. И все равно – так паршиво...

– Мало ли что могло случиться, – сказал я. – Упал, ногу сломал...

– Знаешь, – сказал он, – когда такое было в первый раз – я тоже надеялся. Но когда в пятый...

– Кто-то знал еще?

– Нет.

– Тогда?..

– Следили. Пасли. Вряд ли – гепо. Хотя... Впрочем, не знаю. Только это уже пятый случай.

– Валера, – сказал я, – тогда, может быть, ты мне расскажешь все так – без доказательств?

– Смысл?

– Н-ну... скажем так: есть смысл. Есть.

– Это просто бесполезно – без документов. Без доказательств.

– Но ты же знаешь, что доказательства есть.

– Были. Не есть, а были.

– Есть. Не эти, так другие. И если этим займутся профессионалы...

– У меня тоже есть контакты в гепо. Но там без хотя бы косвенных доказательств... –

Он махнул рукой.

– Немцы всегда любили порядок в делах.

– Ладно. Значит, так: внезапно и без видимых причин резко увеличились японские инвестиции в Индии. Причем в отрасли, не приносящие сейчас существенного дохода. И без особых перспектив на обозримое будущее. Не буду расписывать подробно, это, в конце концов, не так уж важно. Японцы вкладывают большие деньги – десятки миллиардов золотых марок – причем через подставных лиц – туда, откуда ждать прибыли не приходится ни при каком раскладе, за исключением единственного: что контроль над Индией переходит к Японии. Полный и безраздельный контроль. Такая вот уверенность – откуда? Мы стали думать. Получается вот что: допустим, Россия выходит из Рейха, причем хлопая дверью. Теперь все туранские эмираты и султанаты от Рейха отрезаны, ну да господь с ними, главное – отрезаны Туранская и Тянь-Шаньская группы армий. Снабжать их через Иран трудно, практически невозможно. И все: Индию можно брать голыми руками, потому что защищать ее нечем. Разве что флотом... И вот вам японцы упираются носом в нефтяные поля Ирана... Чуешь? Это страшнее, чем валерьянка для кошки. Значит, так вот мы рассудили. Стали оглядываться по сторонам. И нашли. Есть такое предприятие «Айфер», смешанный сибирско-российско-египетский капитал, в прошлом году проявляло интерес к якутским алмазам, не выгорело, но это не важно... так вот, оказалось, что они регулярно переводят очень приличные суммы, до миллиона марок в месяц, на счета «Патриотического фронта», «Единства» и «Муромца». И они же служат одним из каналов перекачки японских денег в Индию...

Я присвистнул. В общих чертах что-то такое намечалось, «собиралось стать известным», как говаривал Тарантул... но тем не менее – интересно.

– Это интересно, – сказал я. – Предприятие «Айфер». Запомню.

Мне вдруг стало скучно. Выключатель – шелк... и все вокруг заливают желтая скука. Бывает... и в последние месяцы – все чаще.

– А все-таки – зачем ты меня сюда потащил? – спросил я.

Скуке нельзя позволять распоряжаться собой, ее надо бить тем, что подворачивается под руку...

– Мне нужен был свидетель. Кроме того, меня не оставляет чувство, что ты вовсе не инженер.

– Интересно.

– Нет, я просто увидел, как ты подышал из баллончика.

– У меня тяжелый отходняк. Впрочем, где-то ты прав. Я инженер, но из подразделения «Таймыр».

– О! А я думал, вас давно распустили.

– Ну зачем же нас распускать, мы еще много пользы принесем.

– Скорее, не пользы, а добра.

Мы посмеялись. Подразделение «Таймыр», созданное еще в начале пятидесятых, занималось контрабандным ввозом изделий, технологий и прочих секретов. Сейчас это синекура для ожидающих пенсий чинов из разведки и МИДа.

– Кроме того, ты сибиряк, – продолжал Валерий, – а значит, патриотам заведомо не сочувствуешь.

– То есть?

– Ну, вряд ли много сибиряков хотят, чтобы их страна снова стала российской колонией.

– Мм... да, пожалуй, таких я не встречал. Но, как ты знаешь, азиатская партия у нас сильна.

– Это другое.

– Другое... Ты давно знаешь Кристу?

– Лет десять, наверное. А что?

– Да мне может понадобится человек, владеющий арабским. Я хотел поговорить с ней самой, но – ты же видел...

– Что я тебе скажу... Язык она, конечно, знает превосходно, но слишком много пьет и слабовата на передок. Если это тебя не смущает...

– Смущает. Это и смущает. А других, кто владел бы арабским, ты не знаешь?

– Пожалуй, нет. Но Криста должна знать. Поговори с ней.

– Поговорю... Ну что? Четверть четвертого. Поедем?

– Да. Да, надо ехать.

– Куда тебе?

– На Трубную.

– Там живешь?

– Нет, там редакция. Надо еще поработать.

Я завел мотор, прогрел его, потом оглянулся – чисто автоматически, – прежде чем выехать на полосу. Если бы я промедлил еще одну секунду, на этом все бы и кончилось.

– Прыгай!!! – заорал я, выбрасываясь на дорогу.

«Элефант»-тягач разгоняется до ста сорока; думаю, с такой скоростью он и шел. Наш «зоннабэнд» смяло, как пустую жестянку, и я уж не знаю, чем меня оглушило: грохотом, или воздушной волной, или это была просто психогенная реакция, – только я очнулся уже тогда, когда «элефант» развернулся и надвигался, ревя; я столбом стоял на осевой и тупо смотрел, как он быстро увеличивается в размерах, и на душе у меня было легко и спокойно, как бывало

разве что в том семеновском подвальчике. До тягача было рукой подать, когда я обманно вильнул корпусом вправо, а сам прыгнул влево. Голый автоматизм, этому нас учили. «Элефант» проскочил мимо и больше не возвращался – растаял во мраке, растворился, как призрак.

– Валера!

Он вылез из кювета – еще один призрак. Я его еле видел. В глазах плыли лиловые круги – и от напряжения, и от слепящих фар «эlefанта». И тут, понимаете, загорелся наш «зоннабенд» – сразу весь.

– А реакция у тебя хорошая, – сказал я.

Он промычал что-то в ответ. Даже в том красно-дымном свете, что исходил от нашего бедного «зоннабенда», видно было, что Валера бледнее смерти. Потом он сел прямо на асфальт.

– Ты что, ударился?

– Башкой... вот тут...

На темени у него вздулась шишка никак не меньше кедровой.

– Ничего, нормально, – выдохнул наконец он, когда я закончил осмотр. – Нормально, обойдется. Бывало хуже...

– Значит, они не убили твоего агента, – сказал я.

– Значит, так. Только ему вряд ли от этого лучше.

– Кто он? Как зовут и как выглядит? Говори скорее, вон уже полиция едет.

– Анжелика Папст. Тридцать лет, невысокая, полная, очки с толстыми стеклами, очень маленький нос. Специалист по налогообложению – в этой самой «Айфер»...

– Понятно, – сказал я.

Сразу четыре машины – по две с каждой стороны – подлетели к нам с визгом, ребята в черной коже выскочили с огнетушителями наперевес... Там никого нет! – крикнул я по-немецки. Все живые! Только сейчас у меня началась реакция, задрожали колени, зашумело в голове... все вокруг я видел чрезмерно четко и контрастно, но воспринимал полуосмысленно, и вопросы, которые мне задавал полицейский лейтенант, понимал не с первого раза. Да, стояли, вот тут, на обочине: на ходу открылся багажник, и остановились, чтобы закрыть, закрыли и только собрались ехать, как увидели... нет, еще не тронулись, нет... вот здесь. Битые стекла и брызги масла. Потом тягач развернулся вон там – и пытался наехать на меня, но я успел отскочить... нет, не ошибаюсь, он ехал прямо на меня, не снижая скорости... не знаю. Не заметил. Тоже не знаю. Много странного. Нет, у меня ни малейших подозрений...

08.06. Около 09 час. Турбаза «Тушино-Центр»

Живцов положили в коттедже, где жили Панин и Кучеренко. Вся операция прошла гладко, если не считать огрехом то, что самолюбивая Сашенька обошлась-таки без «лонжи», и Крупицыным осталось лишь перетащить ничего не понимающих грузин в другой коттедж. Тут они и лежали рядышком на сдвинутых кроватях и спали – усатые младенцы. Саша уколола их аббрутином – сильнейшим психомиметиком; в малых дозах он разгружает подкорку, и его раньше использовали для ускорения адаптации; в больших дозах – парализует волю, начисто отключая лобные доли. Часто этот эффект остается необратимым...

– Просыпайтесь, – сказал я негромко.

Они одновременно открыли глаза. Аббрутин мы между собой называем «буратин». Сделай из него «буратино». Делаю, начальник.

– Садитесь.

Они сели. Они улыбались мне. Искренние улыбки детей, еще не знающих, что мир не слишком добр. Я подал одному из них блокнот, ручку, сказал:

– Пиши по-русски: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя. То, как зверь, она завоет...» – Я продиктовал две строфы. – Передай блокнот соседу.

Улыбка – он сделал мне приятное. У соседа тоже улыбка – он готов сделать мне приятное.

– «Буря мглою небо кроет...» Передай...

Улыбки...

– «Буря мглою...» Дай ручку и блокнот мне.

Шквал улыбок. Так... делая поправку на «буратин»... вот этот.

– Вот этот, – сказал я Панину.

– Как тебя зовут?

– Меня зовут Тенгиз, – очень легкий акцент.

– А фамилия?

– Моя фамилия – Гурамишвили.

– Хорошо, Тенгиз. Меня зовут Сергей. Я твой лучший друг. Лучший друг. Ты должен делать все, что я тебе скажу. Запомни меня. А теперь отдыхай.

– Отдыхайте все, – сказал я.

Они улеглись и закрыли глаза.

Мы вышли на застекленную веранду. Дверь в комнату Крупицыных была приоткрыта. В душе обильно лилась вода.

– Очень внушаем, мягок, послушен, – сказал я. – Неплохая мышечная реакция. Прекрасная память, легко обучаем. Наверное, круглый отличник. Чем они там занимались?

– Не знаю, – сказал Панин. – А зачем это?

Я пожал плечами.

– Так, может, обойдемся без проволоки? – предложил Панин. – Раз такая хорошая внушаемость...

– Не стоит рисковать, – сказал я.

Наверное, Панин хотел возразить. По крайней мере, воздуху набрал. Возразить было что: введение проволоки вручную было никак не меньшим риском, а следовательно – переводом материала. Внушение же под аббрутином давало результаты немногим худшие, чем с проволокой. Однако в нынешнем нашем положении лучше было истребить без пользы десять живцов, чем промахнуться в решающий момент. А кроме того, Панин, наверное, вспомнил «Самсон» – вспомнил и решил не связываться с таким говном, как я. Я бы на его месте поступил так же.

Вода в душе перестала литься, дверь открылась, и предстали Дима Крупицын и Валечка, мокрые и очень веселые. Помахали нам ручками и побежали вытираться.

– А где Серега? – спросил я Панина.

– С Командором.

– Что – не появлялись еще?

– Нет, и не звонили. Впрочем, мы и не договаривались... Ха! Вон они идут.

От реки шли, почти бежали, перебрасываясь на ходу мячом – нет, не мячом, каким-то тютючком, – Командор и Серега Крупицын. Сзади шел Гера.

– Долго жить будешь, – сказал я Сереге, когда он вошел.

– Вспоминали уже?

– Вспоминали. Ну что? Все в порядке?

– Да, осталось только маячки и сирены пришабашить.

– Ну, это в багаже.

– Знаю.

– Слушай, Сережа. «Зоннабенд» ты брал?

– Я брал. А что?

– Я его гробанул вчистую. Уже на свалку увезли.

– Ну, Пан! – Серега с уважением посмотрел на меня. – Ты и силен! Не напасешься на тебя...

– Держи. – Я подал ему копию заключения дорожной полиции об аварии не по вине водителя. – Пусть оформят списание и дадут подмену.

– Ладно, – сказал Серега. – Я хоть переоденусь...

В дверях он притиснул выходящую Валечку. Валечка хихикнула и тут же повисла на мне.

– Пан, как тебе наши красавцы? – спросила она, жмурясь. – Неужели за таких мальчиков тебе жалко поцелуя, Пан?

– Мне для тебя ничего не жалко... никогда... и ничего... о-о-о... – Я изобразил последний вздох. Валечка отхлынула, глаза у нее были пьяные. – Все, спать, спать, – погнал я ее. – До обеда – даже не просыпаться. Нужна будет твоя снайперская точность. Поняла?

– Будем вставлять им проволоку?

– Да, и потому...

– Поняла, поняла. Я уже паинька. Так можно? – Она потупилась, сложила ручки на животики и ножкой заковыряла пол.

– Так можно. Беги.

Из коттеджа напротив вышел Командор, осмотрелся – будто бы любовался пейзажем. Увидел Валечку, пошел ей навстречу. О чем-то спросил, кивнул, так же неторопливо продолжил путь.

– Какой будет объект? – деловито спросил Панин.

– Скажу – нэ повэриш, дарагой. – Я достал из кармана пачку открыток с видами Москвы, нашел нужную, протянул ему.

– Ни хрена себе... – протянул Панин. – По крупной играем...

– По крупной, – согласился я.

Вошел Командор. Свежий, аки майская роза. Не представляю, как нужно укатать Командора, чтобы чуть-чуть помять ему морду. Даже небритый, он выглядит элегантно, словно мушкетер на балу.

– Телевизор не смотрели? – с порога спросил он. – Зря. Интереснейшие вещи творятся. Побоище в редакции «Садового кольца». Шесть человек убито. Потом – перестрелка с патрулем, ранено два солдата. А?

– Имена убитых не говорили?

– Нет, а что?

– Надо как-нибудь узнать. Валерий Кононыхин, обозреватель.

– Прямо сейчас?

– Как получится. Когда это было?

– В шесть тридцать. Обещали подробности в дневном выпуске.

– Поздновато... Гривенник у тебя есть?

– У меня есть, – сказал Панин.

Я набрал номер Кристи. После дюжины гудков она сняла трубку.

– Да?

– Доброе утро, Криста. Это я, Игорь.

– Ты? Разве ты еще не здесь? Вот здорово, а кто же тогда спит с Анни?

– Понятия не имею.

– Подожди, сейчас посмотрю...

– Ради всего святого, Криста! Пусть их спят. Посмотри лучше, нет ли где под столами Валерия, из газеты.

– Нет, он ушел ночью, это точно.

– А как мне его найти?

– Позвони в редакцию, он оттуда почти не вылезит.

– Я, наверное, неправильно записал телефон...

– Да? Знаешь что, мне лень искать телефонную книжку, а в памяти аппарата его номер есть – давай я ему позвоню и скажу, что нужно. Что именно?

– Мы должны были встретиться сегодня – пусть уточнит время и место.

– Понятно. Перезвони мне минут через десять.

– Спасибо, Криста.

– Да что ты, не за что. Зря ты так рано сбежал...

Я дал отбой и по бесплатному номеру позвонил в полицейский участок. Представился, назвал обстоятельства. Да, да, сказал приятный женский голос, к сожалению, результатов пока нет, по этому же делу работает бригада крипо, следователь хотел бы побеседовать с вами, позвоните ему, пожалуйста, номер такой-то...

Так. Ответ, можно сказать, есть. Теперь крипо...

Трубку взяли с полувзвонка.

– Следователь Зайферт слушает, – голос звонкий, четкий.

– Инженер Валинецкий. Как я понимаю, по делу...

– Да. Не нужно по телефону. Давайте встретимся и поговорим.

– Давайте. Где?

– Тот полицейский участок, где вы были ночью, подойдет?

– Вполне.

– Тогда там, скажем, в одиннадцать часов.

– Хорошо.

Я повесил трубку, посмотрел на часы. Через пять минут позвонить Кристе...

– Так что произошло, Пан? – спросил Командор.

Я начал рассказывать.

Год 1961 Зден

31.08. Около 14 час. База «Саян»

Я в этой жизни тонул дважды. Второй раз уже взрослым, и это почти не запомнилось. Не рассчитал силы, вот и все. Началась судорога. Сообразил, как можно отдохнуть... В общем, проза. Зато мой первый раз запомнился мне навсегда. Дед решил научить меня плавать. Для этого он отвез меня в лодке на середину своего пруда (дед был мельником) и бросил за борт. И я послушно пошел на дно. Был солнечный день, вода в пруду, вся пронизанная лучами, скорее напоминала воздух на кухне в момент большой выпечки пирогов и булок. Дно пруда, песчаное, галечное, очень чистое, надвинулось быстро, и я встал на него и оттолкнулся... Днище лодки казалось черным островом посреди зеркального моря. Я устремился к острову и ударился головой. Толстые рыбы подплывали ко мне и с интересом смотрели в лицо. И что-то еще происходило: трубили трубы, зеркало изнанки воды вдруг изогнулось, я будто бы смотрел в глубокие недра граммофонной воронки... А потом вышло, что я лежу в траве на боку, и толстая гусеница медленно ползет, изгибаясь крутой аркой. Ничего важнее этого не существовало...

Дед сидел надо мной. Белые его усы висели вниз, и с них стекала вода.

Я помнил что-то огромное, что-то невероятно важное, но не было ни слов, ни образов, чтобы это описать.

Но много дней потом и я, и дед ходили очень задумчивые...

Почему-то сейчас я все это вспомнил. И показалось даже, что вспомнил именно то важное... или пережил заново...

...Наши минометчики сумели все же подавить пристрелянные минометы базы, из которых нас так отделали вначале. Через несколько проломов в стене (в том числе и через мой) егеря ворвались на территорию. Лишь шесть трупов врагов были найдены, и осмотр их не дал ничего: отсутствовали обязательные для десантников Рейха татуировки с группой крови, стальные браслеты, медальоны. Смешно уже и говорить о документах...

Теперь противник удерживал городок, аэродром и кольцо укреплений вокруг ракетных капониров. Никаких вылазок он не предпринимал и даже постреливал вяло, и ясно было – тянет время. Мы занимали оборонительные сооружения вдоль стены: траншеи, пулеметные гнезда, две уцелевшие зенитные башни. И тоже почему-то тянули время.

Я числился уже командиром отделения, и в командирах звеньев у меня ходили Врангель и Поротов, оба исцарапанные и обожженные, но вполне боеспособные. Потери среди офицеров были очень велики, поэтому каждые две роты свели в одну, и все равно многими взводами командовали сержанты.

Городок на базе – восемь кварталов жилых и один коммунальный: школа, кинотеатр, что-то еще, – построен был в противодесантном стиле: каждый квартал – укрепрайон, окна-бойницы в толстых стенах, прочные высокие решетки между домами...

Где-то там заперты сейчас семьи офицеров базы.

Конечно, штурмовать городок вовсе не обязательно. Можно сразу навалиться на капониры. Но это значит, что мы во время атаки будем под непрерывным обстрелом сзади с дистанции меньше полукилометра, и притом с небольшой возвышенности...

– Курсант Валинецкий!

– Здесь.

Незнакомый поручик. Без каски, в панаме. В атаках явно не был.

– Вас требует к себе полковник Семенов. Следуйте за мной.

Я встал. На миг показалось, что, вставая, я пробил головой какую-то незримую поверхность и оказался непонятно где. Здесь все было точно такое же, но неуловимо другое. Или я мгновенно забыл, как мир выглядел секунду назад. Идеальная подделка...

– Есть, – сказал я. Голос тоже был не мой.

– Вы на гражданке были кем? – спросил, поворачиваясь, поручик.

– Наладчик счетных систем...

Панама поручика вдруг раскрылась весенним цветком и медленно воспарила. Сам он ссунулся на колени и повалился лицом в траву, обхватив руками голову. Я оказался рядом с ним. Готов... ах, черт. Поручик несколько секунд не двигался, потом зашарил руками по голове... Крови не было совсем, лишь вздувался синий желвак размером с яйцо, этакая выпуклая лысина – волосы вырвало с корнями.

– Повезло, – сказал я. – Вставайте, только не в полный рост. Иначе нас опять увидят с крыш.

Свой командный пункт полковник расположил на одной из двух зенитных башен. Вид отсюда был полный: укрепленный городок, аэродром с ангарами вдали, ракетные капониры. Вдали, за ангарами, где к базе подходит бетонка от станции, бухали орудия: уцелевшие танки, не приближаясь на дистанцию прямого выстрела, методично выбивали пулеметные гнезда. Три машины из пяти сгорели в первой же атаке.

Полковник стоял спиной ко всем и рассматривал что-то в стереотрубу. Я посмотрел на Горелова. Горелов мне кивнул и почти улыбнулся. Внизу, на лестнице, раздался шум, и в отверстии люка появился некто в синей фуражке с орлом и с незнакомой конфигурацией, но явно генеральскими погонами на плечах. За ним шел наш Тимоти, очень взволнованный. Полковник оторвался от созерцания:

– Господин бригадный генерал, позвольте приветствовать вас на вверенном вам объекте. – Он отдал честь коротким четким взмахом руки. – С обстановкой вас познакомили?

– Здравствуйтесь, господин полковник. – Генерал отсалютовал в ответ; говорил он почти без акцента. – Да, познакомили по дороге. Мы в глубоком дерьме, не так ли? – Он широко улыбнулся.

– Воистину так, – сказал Семенов. – Кстати, наденьте каску. Постреливают.

– Вы установили, кто захватил базу?

Полковник покачал головой:

– Нет. Можем только предположить, что это западные русские.

– Но как они могли попасть сюда? От Урала...

– Совершенно верно. Но изучение их маршрута – дело контрразведки. Вот у капитана есть соображения... – Полковник кивнул на того узкоглазого, которого я увидел еще при первом моем посещении штаба. – Наша с вами задача, как я понимаю, – не допустить пуска ракет.

– Да, разумеется, конечно. Но видите ли, дорогой полковник... – Генерал с сомнением посмотрел на окружающих, задержался взглядом на мне, а потом продолжил, что-то про себя решив: – Вы знаете, конечно, что база соединена прямой кабельной связью с моим президентом. И как раз перед моим вылетом сюда мне сообщили, что при проверке связи выявлено дополнительное индуктивное сопротивление. Вы понимаете, что это значит?

– Кто-то слушает переговоры бандитов с вашим президентом?

– Переговоров, в сущности, не ведется. Они направляют некие послания, некие обвинительные акты, однако никаких требований, условий... Но я не об этом. Целостность кабеля.

– Да, – сказал полковник. – Это, конечно, большая проблема. Но мне кажется, что это не насущная проблема, генерал. Давайте лучше о неотложном.

– Вы не правы. Вопрос доверия в нашем случае есть самое главное.

– Вот именно. Почему ваша охрана так легко пропустила машины на территорию?

- Не знаю. Но я узнаю. Я буду это знать.
- Вот видите. Так что все-таки давайте о деле. Мы ворвались на территорию и закрепились. Есть у нас возможность проникнуть в ракетные капониры каким-то другим путем – минуя укрепления?
- Нет.
- Только через шахту лифта, колпак которой отсюда виден левее вон той группы деревьев?
- Именно так. Да.
- И если закрыться изнутри, то уже никаким способом вас оттуда не выковырнуть? До того самого момента, когда ракета поедет на старт?
- Так это и было задумано. К современному сожалению.
- Но если я все правильно понимаю, в этот момент ракета в высшей степени уязвима? Ее можно расстрелять даже из пулемета?
- Да. Пятидесятый калибр пробивает ее навывлет.
- Надо полагать, наши оппоненты об этом знают – и тем не менее... Вам не кажется, генерал, что нам красноречиво предлагают подождать до самого последнего этапа?
- Мне многое кажется странным.
- Слушайте, но ведь это нонсенс: зарываться в землю на сто метров, чтобы в решающий момент выбираться оттуда и подставлять мягкое брюхо под пули?
- Вы абсолютно правы, полковник. К сожалению, разработчики не придумали ничего лучшего. На стартовой площадке постоянно дежурила одна заправленная ракета...
- Я знаю. Ее успели подорвать. Меня интересуют остальные. Какие-то меры по их защите в момент вывоза на старт и самого старта были предусмотрены?
- Только дым. Сверхплотная дымовая завеса.
- И все?
- Опыт показывает, что этого практически достаточно. В кампании пятьдесят шестого года ракеты базировались вообще на открытых площадках. И много ли их удалось уничтожить?
- А много ли, кстати?
- Шесть из пятидесяти у нас и четыре из тридцати шести у японцев. Морское базирование было менее надежным.
- Значит, дым...
- Кроме того, полковник, учтите вот что: ракета беззащитна только тогда, когда ее начинают ставить вертикально. А это занимает около полтора... я правильно сказал?... минут. Во время транспортировки по полю она лежит в лотке на транспортере и закрыта со всех сторон.
- Это ясно. Да, полную гарантию уничтожения тут не дать.
- Не дать. Даже если бы у вас была авиация.
- У нас.
- Разумеется. Конечно у нас. Да.
- Хотя в интересах дела вам, генерал, стоило бы попытаться мысленно сыграть сейчас за ту сторону.
- Трудно. Я не понимаю их целей.
- К сожалению, я тоже. Капитан, а у вас есть какое-нибудь мнение по поводу истинных целей наших оппонентов?
- Узкоглазый капитан чуть выдвинулся вперед. Я видел теперь, что на самом деле он не узкоглазый, а просто из тех людей, которые всегда смотрят вприщур.
- Они слишком стараются походить на придурков, – сказал он. – И вот это мне не нравится по-настоящему. Скажите, господин генерал, за те часы, которые якобы требуются им для заправки ракет, можно ли успеть снять с ракет боеголовки?
- Да, – медленно протянул генерал. – Не думаете ли вы, Овидий Андреевич, что?..

– Я думаю, что нам все это время показывают какое-то дурацкое кино, а самое интересное происходит за экраном. Пожалуй, пора и заглянуть туда. Как бы ненароком. Господин генерал, мы хотели бы получить в свое распоряжение реальный план базы.

Повисло молчание.

– Я уже потерял сто девяносто человек, – заговорил полковник очень спокойно, – только потому, что не знал систем обороны внешнего периметра. Эти люди, которые пошли под ваши мины, – не профессиональные солдаты, почти у всех есть жены и дети, у многих – свое дело. Но они лезли в ваши чертовы ловушки, которые все равно не обеспечивают надежной защиты вашей чертовой базы, а только... – Он задавил себя, как окурок. – Короче: в городке – ваши пленные и их семьи. Если есть хоть малейшая возможность не брать городок штурмом, я должен ее использовать.

– Вы знаете, что дорогу от базы к станции оседлали саперы, – сказал капитан-контрразведчик. – Так вот, они передали, что речка, которая огибает базу, очень глинистая. Свежая красная глина. Речка протекает через отвал, я не ошибаюсь? Значит, вы ведете какие-то новые подземные работы?

– Это тоже секретная информация, – сказал генерал.

– Вам так и не дали разрешения на снятие секретности?

– Нет.

– И это притом, что вы только что сообщили о кабеле прямой связи?..

– Да.

– Достаточно абсурдно, вы не находите?

– Я не имею права нарушить приказ президента, – сказал генерал угрюмо.

– В таком случае я отдаю приказ на атаку городка, – сказал полковник.

– Я также не вижу другого выхода, – сказал генерал. – Прошу вас, полковник, распорядиться, чтобы мне дали каску и автомат. В конце концов, это моя база. И в заложниках мои люди.

– Нет. Это было бы слишком просто для вас, – сказал полковник. Лицо его, особенно крылья носа, побелело, на скулах проступил румянец. – Капитан Горелов.

– Я.

– По плану.

– Есть.

– Старайтесь все же... гражданских...

– Есть. Разрешите идти?

– Идите. Теперь вы, курсант. Поступаете в распоряжение капитана Крестовикова.

– Так точно. Разрешите вопрос?

– Не разрешаю. Идите.

– Есть.

Год 1991 Игорь

08.06. 14 час. 30 мин. Лубянская площадь

Командор мягко свернул на Большую Лубянку, замедлил ход, прижимаясь к тротуару; я, фиксируя в центре видоискателя черный прямоугольник ворот, дал наплыв объективом – ворота бросились мне навстречу, желая принять в себя... нет уж, спасибо, постараемся обойтись. Опустил камеру. Еще разок? – спросил, глядя вперед, Командор. Бог троицу любит. Мы катились, как в ущелье. Нет, хватит, сказал я. Тормози. Он остановился. Дуй домой, настраивай аппаратуру, готовься. Я потолкаюсь тут.

– Хорошо, – сказал Командор. Он был чем-то недоволен.

Я постоял, глядя вслед машине. «Опель-зоннабэнд», цвет «вайсснахт», номер 104299 М... Мимо прошло машин пятнадцать – все незнакомые. Так что, похоже, слежка нам помешалась. Впрочем, в этом никогда нельзя быть уверенным до конца: наука умеет много гитик. Ладно, забудем пока об этом... Я вернулся к площади, прошел сквозь строй лотков с игрушками, сладостями и воздушными шариками – вопили дети, вопили родители – и спустился в длинный, как трубопровод, подземный переход; дошел, не оглядываясь, до эскалатора и спустился на второй уровень, где расположился юберляден «Охотный ряд». Здесь было очень светло и стояло множество зеркал. Я побродил между прилавков, отшутился от чересчур назойливой продавщицы шляп, покопался в обуви и уже почти на самом выходе неожиданно для себя прибахлился: купил куртку. Куртка была из какой-то мягкой синтетики: «сейден-ледер», «шелковая кожа», как значилось на ярлыке, темно-серая, на молнии, со множеством карманов и широкого покроя – под такой курткой можно спрятать не то что автомат, а целый егерский «горб». Чуть дальше «зеленого» выхода из юберлядена был лифт, которым редко пользовались: он вел, минуя поверхность, в центральный холл – на пятый этаж – «туры», делового здания, действительно похожего на шахматную ладью. В лифте я ехал один. С пятого этажа на третий спустился по лестнице. Здесь, на третьем, снимало помещение частное сыскное бюро «Феликс». С «Феликсом» на почве промышленного шпионажа завязалось когда-то подразделение «Таймыр»; под эту марку и мы покупали у него кой-какую информацию. Мне повезло: сам Феликс был на месте, а его помощник Давыдов и баба Катя, секретарша, отсутствовали.

– Привет, – сказал Феликс, усаживая меня в гостевое кресло и косясь, не виден ли мне экран раухера; экран виден не был. – Что нового? Рассказывай. Объединением пахнет, как потвоему? Или нет?

– Продолжаешь лысеть? – сказал я. – Я тебе золотой корень привез, на вот. – Я достал из сумки бутылку. – Втирай на ночь. Хотя, говорят, можно и внутрь, эффект тот же, а приятнее.

– Ну спасибо, – развел руками Феликс. – Не думал, что вспомнишь.

– Работа такая – все в памяти таскаю.

– Понятно. Что привело?

– Большое дело, Феликс. Фирма «Айфер» тебе известна?

– Н-ну... в общих чертах – да.

– Мне нужна вся ее подноготная. Через них сейчас прокачиваются миллиарды марок. Откуда и куда. Это раз. Второе: хотя бы приблизительный список компаний, делающих инвестиции в Индии. Это два. Потянешь?

– Как скоро?

– Если прямо сейчас – это было бы здорово. Так что...

– Дня три понадобится. – Феликс почесал в затылке. – Это все?

– Нет, старина, нет. Это половина. Слушай: сегодня ночью меня пытались убить. На Дмитровском шоссе, метрах в четырехстах от переезда через Питерскую железку. Тягач «электрант» – сзади – в стоящую легковую. Успели выскочить. Был я там с Валерием Кононыхиным...

– Которого сегодня?..

– Да, Феликс. Я думаю, это были те же самые люди.

– И что ты хочешь узнать?

– Дело в том, что мы ждали там его человека. Человек не пришел, а через двадцать минут появился этот самый грузовик...

– Тягач.

– Тягач. Предположим, этот человек выложил все, что знал, сразу, в первую же минуту. Но надо же сориентироваться, решить, что делать, достать где-то тягач...

– Понял, – сказал Феликс. – Откуда шел тягач? Со стороны центра?

– Да. Развернулся и ушел туда же.

– Ага... А откуда должен был появиться человек?

– Не знаю.

– Кто он хоть такой?

– Тоже не знаю. Он должен был принести какие-то документы.

– Понятно, что не бутерброды... Ладно, посиди полистай вон журналы, я попробую что-нибудь сообразить.

Я автоматически взял журналы – и отключился. Умный многоопытный организм не упустил возможности урвать кусочек сна. Иногда в такие вот «сонные хавы» – хавом у нас называется брикетик пищевого концентрата, размерами с ириску и по вкусу напоминающий ореховый жмых; схавал две такие ириски, запил водой – и сыт, – так вот иногда я успеваю посмотреть целый кинороман, почище «Унесенных ветром» или «Берега Новой Надежды». Но на этот раз мне приснилось всего лишь, что я упал – мордой об асфальт. Вздрогнул и проснулся. Феликс смотрел на меня. Глаза у него были как у совы.

– А я как раз думал, будить тебя или нет, – сказал он.

– Можно не будить, – сказал я.

– Значит, слушай меня. Если учесть все возможные потери времени и если не считать, что тягач стоял с работающим мотором и с шофером в кабине, то единственное место, откуда он мог выехать, – это гараж Скварыгина в Бутырском хуторе. Вот, я его пометил на карте. Все другие варианты требуют чрезмерных натяжек. Хотя... я не говорю, что они невозможны в принципе. Но фирма Скварыгина пользуется очень дурной славой. Известно, например, что они помогают избавляться от трупов. Вот, если желаешь, их досе. – Он протянул мне кассету. – Только верни потом, я не снимал копии.

– Верну. Спасибо, Феликс.

Я встал, достал конверт с деньгами:

– Здесь пять. Аванс. И – между нами, ладно? – фирма оплатит любой твой счет. Любой.

Можешь не стесняться.

– Спасибо, что сказал. Где тебя можно найти?

– Вещи лежат на турбазе «Тушино-Центр».

– Ясно. Тогда связывайся сам.

– И еще, Феликс, на всякий случай... Вдруг я не приду сам и никто не придет с моим паролем – помнишь его? – тогда переправь информацию, которую добудешь, в наше посольство – военно-воздушному атташе. Это будет, наверное, непросто сделать...

– Вряд ли у меня возникнет желание это делать. Я играю по правилам, а в этих правилах сказано, что я только добываю информацию, а дальнейшее использование ее – не мое дело. А ты хочешь, чтобы я эти правила нарушил...

- За отдельную плату, Феликс. Ты можешь обеспечить себя, детей и внуков. Подумай.
- Я подумаю. Хорошо. Я подумаю. Но не обещаю. Ты меня понимаешь?

08. 06. 17 час. Турбаза «Тушино-Центр»

Валечка сидела на полу в углу, вялая, как тряпичная кукла, и смотрела куда-то мимо нас всех. Панин налил ей стакан молока, дал выпить. Валечка пила жадно, молоко текло по подбородку. Еще? Она кивнула. Панин налил еще. Во-от, протянула наконец Валечка, полегчало...

- Можно работать? – спросил я.
- Валяйте, – кивнула Валечка, – я отсюда посмотрю.
- Ну смотри, – сказал я.
- А чего так двусмысленно? – обиделась Валечка. – У меня как в аптеке.
- Я с вас смеюсь.
- Смейся, смейся... сейчас посмотрим, как ты сам...

Грузин Тенгиз сидел на стуле, выпрямив спину и сложив на коленях руки. Кисти рук были узкие, пальцы тонкие – руки человека, видевшего лопату только в кино. На лице блуждала неопределенная улыбка, глаза смотрели ясно, только левый глаз был красноват, будто соринка попала, а из внешнего уголка к виску шел тонкий, чуть толще волоса, черный проводок; на виске проводок скрывался под квадратиком лейкопластыря. Из-под пластыря выходил провод потолще, Валечка подшила его к коже возле уха, а дальше он тянулся к пульту у меня в руке. Все было готово. Я медлил – не знаю почему. Где-то время? Вряд ли. Все просчитано еще дома. Все просчитано...

- Давай, – сказал я Панину.

Панин включил ББГ. На экране появилась дорога, ведущая от турбазы. Въезд на Волоколамское шоссе... по шоссе, переезд, мост за переездом, начинается Щукино: белые дома уступами, чем дальше, тем выше, красиво, особенно издали... комплекс «Цайтальтер»... начало Питерской, первые армейские посты, танки на обочинах... аэропорт имени Туполева, взлетает вертолет, флаги, огромные, как футбольные поля... танки на разделительных газонах, солдаты лежат на траве... «Спортвелт»... начинается Тверская, шлагбаумы подняты, пулеметные гнезда, панцервагены... Пушкинская, съезжаем в туннель, направо-направо-направо – выезжаем на Страстной, дальше, дальше – Петровский, до Неглинной, по Неглинной до Охотного ряда, налево – и вот оно, гепо, черный слепой зеркальный фасад, минуем «Детский мир», по Большой Лубянке, вот они, ворота, – в ворота! Пока все это крутилось на экране, я понемногу усилил ток и в тот момент, когда ворота бросились на нас, дал максимум. Мальчик издал горловой звук, на лице его проступили красные пятна, рот приоткрылся, глаза смотрели внутрь. Еще, еще, задыхаясь, шептал он. Неземное блаженство. Разумеется, еще. И не один раз. На экране вновь возникла дорога, идущая от турбазы, вновь мы выехали на шоссе – все повторилось, только в решающий момент я подержал кнопку нажатой секунд десять. Его буквально скрутило винтом. Еще, еще, пожалуйста, еще! Мы прокатились пять раз. Шел уже восьмой час вечера. Случается, что в десять Шонеберг уже выходит из кабинета.

- Все, парни, – сказал я. – Пошли. Время не ждет.
- Пойдем, Тенгиз, – сказал Панин. – Сейчас мы переберемся в другое место и там еще поиграем.

Мы слегка замаскировали мальчика: сбрили ему усы, нацепили черные очки. Вместо приметной бело-желтой курточки, в которой он пошел с нашими девочками, взяли для него полицейский мундир. Был у нас еще стилизованный под полицейский шлем шлем-ликвидатор, его Панин нес в сумке. Втроем мы сели в «зоннабэнд», поехали в лесопарк. Там, на хитрой полянке, нас ждал Гера в «хейнкеле», уже полностью переоборудованном в полицейский автомобиль: с мигалкой, сиреной и прожекторами. Гера был в бело-желтой курточке и при кавказских усах – вылитый наш Тенгиз. Настоящего Тенгиза переодели в мундир, нахлобучили

на голову шлем. Панин подтолкнул его: ну, давай. Тенгиз сел, Гера пристегнул его ремнем, подключил шлем к взрывателю. Тенгиз учащенно дышал, руки нетерпеливо ерзали по рулю. Вперед, сказал я. Тенгиз захлопнул дверцу и с места рванул так, что завизжали покрышки. Наверное, он не привык водить такие мощные машины. За уносящимся «хейнкелем» потянулась тонкая леска. Вот она напряглась и опала. Теперь чека выдернута, цепь замкнута. «Хейнкель» уносил в своем салоне двести пятьдесят килограммов «МЦ» – сила взрыва будет равна силе взрыва трех тонн тротила. Гера вылепил из «МЦ» корыто с толстыми стенками; взрывная волна пойдет вперед и вверх и, по расчетам, достигнет кабинета Шонеберга ослабленной не более чем наполовину. Взрывателя три: инерционный, деформационный в фаре, радиовзрыватель. Где-то неподалеку от цели болтается Командор с передатчиком; его страхует Саша, сидя в кафе на третьем этаже «Детского мира».

Гера, теперь уже без маскарада – усы сунул в карман, а курточку – в салон «хейнкеля», – сел за руль «зоннабенда», мы с Паниным – на заднее сиденье. Вот так-то, брат Панин, сказал я. Так-то, брат Пан, отозвался Панин. Я не видел другого выхода, неожиданно для себя сказал я. Ты же помнишь, был жуткий цейтнот. Помню, сказал Панин, все помню. Я даже понимаю, что ты был прав. Я просто злюсь. Прости, сказал я, не было времени просчитывать... да и обстановка не располагала. Это уже потом я понял, что твой вариант был лучше. Потом. Ничего, сказал Панин, я-то жив... Да, сказал я. Я тоже жив.

Крупницыны ждали нас у развилки. На плече у Димы висела голубая теннисная сумка. Я вышел из машины, Панин перебрался на переднее сиденье, Крупницыны сели сзади – и вдруг мне остро захотелось наплевать на собственный план и поехать с ними, остро, почти непреодолимо... нет, нельзя. Пока, ребята! Пока, Пан, пока... Они укатили. Я пошел напрямик сквозь лес и через четверть часа вышел к автостоянке. Здесь было ярко, шумно, весело, взад и вперед сновали разноцветные машины, из них выскакивали и в них скрывались разноцветные люди, все это шевелилось и пело – но мне вдруг померещилось, что я стою на пыльной сцене между дурными декорациями, в окружении кукол, участвуя в дурном скучном спектакле, – или что между мной и прочим миром поставили стекло... что-то подобное бывает, когда внезапно закладывает уши... хуже: когда ты вдруг обнаруживаешь себя в незнакомом месте и все вокруг говорят на чужом языке. Где я и что я делаю здесь? И кто это – я? И так далее... Очаровательная девушка в очень символическом наряде подошла и спросила меня о чем-то, я не понял. Потом оказалось, что я лежу на траве, а надо мной склоняются лица – плоские круглые лица, похожие на луны. Встаю, встаю, все хорошо... спасибо, не надо, прошу вас... не беспокойтесь... До реки близко, ближе, чем до дома, иду к реке, забредаю по колено, умываюсь, тру лицо, лью воду на затылок – легче. Легче, легче... Раздеваюсь, бросаю все на песок, захожу в воду, плыву. Плыву. Темп, старина, темп! Разгоняюсь, как глиссер. На тот берег, хорошо, теперь нырнем, под водой, пока есть дыхание, еще, еще, еще – вынырнули – отлично. Вдох-выдох, вдох-выдох. Темп! Опять я маленький глиссер... вот наконец и тяжесть в плечах. Теперь можно и расслабиться. Что плохо – не могу лежать на воде, ноги тонут. Приходится ими шевелить, поэтому полного расслабления не происходит. Плыву на спине, чуть шевеля плавниками. Где мои штаны? Возле штанов стоят Валечка и Яша и смотрят вдаль, приложив ладошки ко лбу.

Здесь я, здесь! Переворачиваюсь со спины на грудь и оказываюсь лицом к лицу с давешней очаровательной девушкой, которая, как вспоминаю, интересовалась, что со мной случилось и почему я такой бледный? Все в порядке, говорю я и улыбаюсь широко, как только могу, все в полном порядке...

Год 2002 Михаил

26.04. 16 час. Константинополь, сад Али Челиме и далее на север

В дороге Зойка все-таки сняла шляпу и перчатки. Эта роль ей надоела. Теперь она будет думать над следующей.

Мы подъехали к рыбному ресторану. То есть три столика, полукруглая стойка, жаровня и кухонька размером с телефонную будку. Над всем этим шатер – ветви исполинского клена. Справа стена из серого дикого камня, увитая плющом и виноградом, узорный парапет по верху стены, парочка сидит на парапете спиной к нам. Разноязыкие детские крики. Плеск воды – где-то рядом.

Зойка взяла жаренную в сухарях камбалу и белое вино, я – разварную кефаль и лимонную воду. Турецкая полиция не любит тех, кто пьет за рулем даже пиво. Константинополь в этом смысле очень строгий город. Вернее, быть пьяным за рулем можно, но тогда необходимо включить все фары и ехать не быстрее сорока километров в час. Днем я не мог себе этого позволить. Впрочем, я чувствовал, что мне еще предстоит многое наверстывать сегодня.

– Ты все время молчишь, – сказала она. – Уже несколько дней. Что-то случилось?

– Не могу понять. Кажется, нет.

– Врешь. Просто не хочешь говорить. Это из-за меня?

Я осторожно, чтобы не звякнуть, положил вилку на край тарелки. Там был нарисован веселый усатый рыбак в красной феске. Надпись гласила: «Когда Аллах создавал рыбу, Он создал ее очень вкусной».

– Нет. С чего ты взяла?

Она засмеялась. Как-то очень невесело.

– Есть много способов понять это. Вот. – Она протянула руку над столиком. – Попробуй-ка до меня дотронуться.

– Зачем?

– Ну давай, давай!

Я постарался сделать это как можно непринужденнее. Наверное, не получилось. Зойка вздохнула:

– Первый прыфинг не прошел. Второй прыфинг...

– Не надо, – сказал я. – Я не пройду и второй, и третий.

– Хорошо, – согласилась она. – Не надо, так и не надо... Здесь хорошо готовят. Надо запомнить место...

Мы садились в машину, когда я вдруг увидел Мехмеда Тунча, нашего соседа по дому, репортера уголовной хроники на одной из городских видеостудий. Я помахал ему рукой, он подошел к нам и поздоровался. Одет он был не в привычные всем зрителям клетчатый пиджак и клетчатую английскую кепку, а в черную трикотажную рубашку и белые брюки.

– Что в городе нового, Мехмед-эфенди? Такого, чего мы еще не знаем?

– Много нового, Миша. И это все длится и длится... – ответил он непонятно, возможно – цитатой из чего-то мне неизвестного. – Говорят, убили Сеит-Ибраима. Этой ночью. Полиция пока молчит, и райсы молчат. В дом никому нет хода...

– Откуда же известно?

– Велик Аллах! Разве может быть скрыто то, что произошло под небом? Все уже всё знают, но полиция молчит, и я не могу делать свой материал. Куда вы едете, дорогой сосед?

– Куда мы едем? – спросил я Зойку.

– Пока все равно, – сказала она.

– Мы можем ехать куда угодно, – предложил я. – Хоть в Абакан. Вы были на космодроме?

– Там нет для меня материала. Если вам не трудно, отвезите меня в Топхане.

– Абсолютно не трудно. Так что там случилось с Большим человеком?

– Найден утром в собственной спальне с перебитым кадыком. Задохнулся. Накануне ему привезли новую девочку. Именно девочку, одиннадцать лет. Теперь ее ищут.

– Девочку?

– Да. Утром девочки не оказалось ни в спальне, ни в доме, ни в парке. А под стеной лежала мертвая собака. Вот такая овчарка. И тоже с перебитым горлом. Раисы сейчас пытаются найти хозяина девочки, но того тоже след простыл. Такая история.

– Ничего себе, – сказала Зойка.

– Я что-то слышал о подобных убийствах, – сказал я. – Только не помню от кого.

– Вот и я помню что-то такое, однако смутно, – сказал Мехмед. – Попробую порыться в архиве. Там, в Топхане, архив городской прессы, – добавил он, как бы извиняясь.

Это я знал. В основном от Петра. Он в этом архиве дневал и ночевал одно время.

Поехал я почему-то не через новый «кружевной» мост, а через старый, султанши Валиде. Расстояние приблизительно такое же, но дорога здесь более тенистая и спокойная. Поэтому я даже удивился, когда навстречу нам попался полицейский мотоциклист, велевший всем освободить левый ряд. Навстречу медленно проехал давешний кортеж. Зойка помахала ручкой, и человек, сидевший в открытом автомобиле, помахал ей в ответ. Он действительно чем-то был похож на меня.

На мосту было много пешеходов. Рабочий день кончился, и многие, работающие в Галате или Пере, а живущие в Истамбуле, предпочитали не пользоваться перегруженной подземкой или вечно переполненными автобусами (парадокс нашего города: сколько бы автобусов ни было на его улицах, они переполнены всегда), а ходить пешком. Тем более что оба старых моста после реконструкции превратились в настоящие магазины. По ту сторону перил висели длинными цепями (разумеется, на неразводящейся части мостов) легкие модули-киоски, где можно было купить все, что угодно, причем дешевле, чем обычно: городской налог здесь не взимался.

Ездить по нему, правда, было тесновато.

Свернув с моста, я вырулил на набережную. Движение здесь было вообще никакое, потому что действовало ограничение скорости. Несколько пестрых туристских автобусов стояли у причала, и веселые голоногие немцы, скандируя: «Тюрингия, Тюрингия, ты всегда с нами!», фотографировались на фоне прогулочного катера. Катер назывался «Галатасарай». Примерно на середине бухты, чуть ближе к тому берегу, на якорях стоял барк «Легенда» – гордость нашего Морского кадетского корпуса. Его восстановили сами мальчишки-кадеты из сущего металлолома, поднятого со дна. Ну, не только кадеты, конечно, – их дядьки и преподаватели вкалывали как каторжные, и от посторонней помощи они не отказывались, так что и я постучал там молоточком и поработал проволочной щеткой, сгоняя ржавчину. Но все-таки кадеты, конечно, были главными. Теперь старшие классы ходили на барке и по Черному, и по Средиземному, а у меня был билет почетного гостя: во время якорной стоянки я мог посещать корабль в любое удобное для меня время...

Мы высадили Мехмеда около архива и поехали дальше. В зеркале я видел, как он остановился у входа и заговорил с кем-то в светлом костюме и больших солнцезащитных очках.

– Давай заедем в «Бальзам», – сказала Зойка.

– Давай... – Мне было все равно.

– У тебя есть деньги? У меня нет.

– Найдем, – сказал я.

«Бальзамом» называли почему-то подножие огромного стадиона, оставшегося от Олимпийских игр восемьдесят восьмого года. Там в дни, когда на стадионе никаких соревнований не происходило, действовал блошинный рынок. В прошлом году Зойка не очень дорого купила у пожилой турчанки грубый кустарный серебряный браслет с тусклыми красными стекляш-

ками. Она носила его несколько месяцев, пока кто-то не догадался рассмотреть поделку внимательнее. Серебро на поверку оказалось самородной платиной, а стекляшки – необработанными рубинами. Возраст браслета определили в тысячу лет, а залоговую цену – в сто пятьдесят тысяч рублей. Зойка до сих пор не решила, что ей с ним делать.

Перу я постарался проехать побыстрее. Я почему-то не люблю Перу. Здесь слишком шибаёт в нос чужое богатство. Впрочем, есть один уголок, в конце Большой улицы... но он просто связан с хорошими воспоминаниями. Позади весьма уродливого черного здания банка «Босфор» разбит садик: платаны и акация. Посреди садика крошечное озерцо, явно искусственное. На берегу его растет несколько очень старых ив. В озерце плавают белые лебеди. Дорожки посыпаны песком. Скамейки очень удобные, плетеные. Вполне достаточно, чтобы любить это место.

На «Бальзаме» было почти безлюдно. Это утром здесь весьма плотно, то же и вечером. Я отдал Зойке все содержимое карманов: сорок три рубля, – а сам остался в машине. Не любитель я антиквы...

Нет, вру: кое-что старое у меня есть. Но оно такое... специфическое.

Я сидел и о чем-то сосредоточенно думал, когда меня похлопали по плечу:

– Михель!

Это был Марцеллан, еще больший охотник за старьем, чем Зойка. Он называл себя художником и даже дважды организовывал свои выставки: композиции из всяческих ненужных вещей. Направление называлось «утилитализм». Кормила его жена, торговка.

– Я был тебе должен тридцать рублей, – строго сказал он и вынул блокнот. – Даже тридцать пять.

– Почему «был»? – удивился я.

– Потому что вот. – Из другого кармана он извлек пачку перехваченных резинкой бумажек. – Хожу и раздаю долги. Возвращаю. Задабриваю грядущих кредиторов.

– Получил наследство?

– Гораздо смешнее. Гораздо смешнее, Михель, и гораздо невероятнее. Представь себе. Ко мне приехал мой брат. Погостить. А он, знаешь ли, любит лошадей. Платонически, разумеется. А ты как подумал? И вот мы пошли на ипподром. А до этого отмечали встречу. Друг друга. Да. Два дня. И пошли посмотреть лошадок. И я вдруг ни с того ни с сего поставил все деньги. Которые у меня были. Не помню на кого. Вспышка доброты. На лошадь. Пьян был. А лошадь пришла первой. Какая-то кляча. И выдача – шестьдесят к одному. Протрезвел моментально. Сгрэб деньги – и драть оттуда. По-моему, за нами даже гнались. Но мы удрали. Какие-то мусорные баки. Роняли. Куда-то лезли...

– Повезло, – сказал я. – Поздравляю.

– Спасибо, – сказал он.

Вид у него был все еще ошалелый.

Вернулась Зойка. В руках ее был помятый зеленый медный кувшин. Глаза блестели.

– Марцеллан! – восхитилась она. – Посмотри, какая прелесть! А какой там уют есть! Настоящий «Титан»! Девятьсот десятый год! Тебе нужен уют?

– Вообще-то... Где?

Марцеллан решил и сделал стойку. Утюгов у него был полный гараж.

– Вон, видишь?..

Зойка стала объяснять, куда идти и куда поворачивать, а я вдруг странным образом оцепенел, словно в окружающей действительности вдруг выключили звук, а движения людей стали медленными и чрезвычайно плавными, как если бы воздух заменили медом. Я смотрел на Зойку, смотрел очень долго, так долго, как мне позволяло растянувшееся время... она одной рукой отводила волосы с лица, а другой прокладывала путь в лабиринте «Бальзама»... я с трудом отвел глаза и стал рассматривать приборную доску. Будто видя ее впервые. Ключ торчал в

замке. Никелированный старомодный ключ. Под ним покачивался брелок: тыквенно-желтый череп. Я уставился на него. Я совершенно уверен, что брелок у Тедди был другой. Но какой же? Черт. Забыл... Я протянул руку и обхватил брелок рукой. Он был теплый, будто только что из кармана. Рука сказала, что этот предмет ей знаком. Знаком. Я отпустил его и оставил раскачиваться. Да что за глупости со мной?..

Было как во сне: уснул и проснулся. Но что-то успел увидеть.

– Поедем? – Зойка занесла ногу над дверцей. Ей тоже всегда лень самой открывать. Нога была гладкая и блестящая. Выше лодыжки белели два шрамика – след неудачного уличного знакомства с дурной собакой. – Что с тобой, Миш? Ты вдруг какой-то...

– Все нормально, – сказал я. – Конечно поедем.

Год 1991 Игорь

08.06. 22 часа Турбаза «Тушино-Центр»

В девять тридцать показали интервью, данное Герингом Московскому телевидению. Девяностовосьмилетний старец выглядел еще вполне браво. Вопросы задавал Павлик Абрамян, человек, для которого не существовало закрытых дверей. Сначала шла дань вежливости: как самочувствие герра Геринга, чем он занимается, как объяснить его неприязнь к журналистской братии – ведь за последние семь лет... и так далее. Герр Геринг пишет мемуары – будет ли пролит наконец свет на события апреля сорок второго года? Герр Геринг улыбается: да, раздел мемуаров, где подробно рассказывается как об апреле, так и о декабре сорок второго – а события декабря были куда более значимы для истории Германии, да и всего мира, – этот раздел написан и будет опубликован – пауза – через двадцать пять лет после моей смерти. Но хоть намекните, просит Павлик, мы пойдем: самолет Гитлера просто разбился сам – или?.. Молодой человек, опять улыбается Геринг, улыбка хитрая-хитрая, разве же это много – двадцать пять лет? Зима-лето, зима-лето... Павлик в отчаянии. Геринг доволен: он опять всех провел. А что думает герр Геринг о ситуации в России? И в связи с этим – о политике фон Вайля? Геринг задумывается, молчит, вздыхает. Я старый человек, говорит наконец он, и я иногда жалею, что живу так долго. И иногда мне кажется, что я уже дожил до краха того дела, которому честно служил всю свою жизнь. В промежутках же между этими приступами отчаяния – а может быть, в моменты обострения моего сенильного оптимизма – я думаю, что это не крах, а кризис и что великая идея национал-социализма: создание Тысячелетнего Рейха арийской расы – возобладает над сепаратистскими устремлениями некоторых народов... к сожалению, и русского народа. Боюсь, однако, что нам еще предстоит пройти через многие испытания, прежде чем Истина предстанет пред всеми в великой своей простоте: нам не выстоять поодиночке. Сейчас, оглядываясь, можно увидеть множество ошибок, злоупотреблений и даже преступлений, совершенных нами, совершенных партией... увы, так сложилась жизнь, история делается смертными людьми, а не непогрешимыми богами, делается без черновиков. Многого хотелось бы избежать, о многом – просто забыть. А кое о чем и напомнить – например, о миллионе германских юношей, погибших или навек оставшихся калеками, – о цене, заплаченной за освобождение русского народа и других народов России от кошмара большевизма. Мне хотелось бы верить, что страдали и умерли они не напрасно. Что касается политики фон Вайля, то, мне кажется, для хорошего политика он слишком порывист и слишком много говорит. В то же время следует отдать ему должное: ни один рейхсканцлер не принимал дела у предшественника в таком плачевном состоянии и не встречался с такими трудностями во внешней и внутренней политике; и то, что не началась новая мировая война, и то, что Рейх все еще остается великой державой, и то, что есть народы, желающие войти в его состав, – я говорю, как вы понимаете, о Британии, – все это вызывает уважение и позволяет сохраняться надежде на лучшее будущее. Вы довольны таким ответом? О да, конечно! Еще вопрос, если позволите: что вы думаете о современном состоянии ближневосточной проблемы? Геринг разводит руками: к сожалению, у меня нет полной информации о событиях, да и голова уже не та... я не могу, не имею морального права предлагать какие-то рецепты, давать советы... Создавая Иудею, мы выполняли волю народов – кстати, и еврейского народа. Если вспомнить погромы в Польше, в Литве, на Украине, в России... если вспомнить то, что начинали делать Гитлер и Розенберг... я думаю, мы спасли евреев от тотального истребления. И я не вижу сегодня иного выхода из той ситуации. Другое дело, что идеального решения не бывает вообще. Да, евреи теперь говорят, что насильственная депортация – это геноцид, а арабы недовольны тем, что им пришлось потесниться – хотя всем переселенцам была выплачена солидная по тем временам компенса-

ция, – и те и другие обвиняют Берлин во всех смертных грехах, но только представьте, что начнется, если Берлину наконец все это надоест и он умоет руки... Павлик только открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, как трансляцию прервали и появился фон Босков собственной персоной. Дамы и господа, сказал он по-русски, несмотря на принимаемые нами меры, террористам удалось осуществить кровавую акцию. Начиненный взрывчаткой автомобиль взорвался у ворот здания тайной полиции. При взрыве погибло девять сотрудников гепо, в том числе шеф отдела по борьбе с наркотиками генерал Гюнтер Шонеберг, и шестнадцать ни в чем не повинных граждан, вышедших на митинг перед зданием гепо. Число раненых уточняется, хотя уже сейчас ясно, что их более ста человек. Многие из раненых – дети, находившиеся около юберлядена «Детский рай»: выбитые взрывом стекла... Что он несет, сказал Командор, какой митинг?.. В редакцию газеты «Москау цайтунг» позвонил неизвестный и заявил, что ответственность за взрыв берет на себя организация «ббб». В телефонной будке, из которой был произведен звонок, полиция обнаружила ББГ-кассету со следующей записью... Фон Босков исчез, экран зарыбил, потом появился наш Тенгиз, еще при усах и в бело-желтой курточке. Сначала по-грузински, потом по-русски он сказал (текст написал Командор, Тенгиз заучил его и перевел): наша организация начинает свои операции в Москве. Мы вынесли смертный приговор генералу Шонебергу, палачу Кахетии. Я иду приводить приговор в исполнение. Я горд и счастлив тем, что именно мне выпала эта честь. Высочайшее счастье – это умереть за родину, за ее свободу и независимость. Нас много, и все мы полны решимости не оставить в живых никого, на чьих руках кровь грузин. Вы все умрете. Да здравствует свободная независимая Грузия! Победа!

– Не было там никакого митинга! – горячился Командор. – Какие сотни раненых? Они что, совсем?..

– Подай протест, – посоветовал я.

Командор невесело хохотнул.

На экране шел репортаж с места события: полицейские и пожарные машины, «скорая помощь», носилки, прикрытые простынями, резкий свет, все мечутся, кричат, кто-то показывает рукой вверх, кто-то гонит оператора... – короче, как и должно быть в таких случаях. Все съемки – только у развороченных ворот, никакой площади не появляется, оно и понятно – там нечего показывать. Половинка автомобиля, застрявшая в окне второго этажа... – ага, это здание напротив. Ладно, ребята, говорю я, начали хорошо, теперь бы не сорваться...

08.06. 23 час. 55 мин. Автостоянка при ремонтной мастерской «Надежда», 150 метров до поворота на Можайское шоссе

Все кончено в пять секунд: моя очередь вскрыла полицейский вездеход, как жестянку, а тот парень, который успел выскочить, попал под очередь Командора. Из-за вездехода вылетел серый фургон «пони» – час назад Саша увела его с этой самой стоянки – и затормозил рядом с «мерседесом». Я уже стягивал с «мерседеса» тент. Сашенька выпрыгнула из «пони», за руку выволокла Петра, нашего второго живца. Он двигался вяло, но не упирался. Я схватил его за другую руку – она показалась мне ледяной, – и мы с Сашей зафиксировали его, прислонив грудью к передней дверце «мерседеса». Командор поднял пистолет убитого полицейского и выстрелил парню в спину. Он даже не дернулся – сразу стал мягкий, как тесто. Можно было не смотреть. Я отошел. Командор вложил пистолет в руку полицейского. Саша развернула «пони», мы вскочили на ходу – вперед! Командор, высунувшись по пояс из люка, вмазал в вездеход сзади – в баки. Глухой взрыв, пламя – баки почти полные, недавно заправились... Огненная лужа, и машина в ней – как босиком... Выезжаем на шоссе, Саша тормозит: ну, откуда же появятся? Со стороны города – одна. Полный газ – навстречу. Командор сидит на корточках на сиденье, я держу его за ремень. Двести метров... сто... пятьдесят... ну же! Командор высовывается из люка, как чертик из коробочки, и бьет навскидку из гранатомета. Магниевая вспышка в салоне, летят в стороны двери, стекла, горбом встает крыша... Мы про-

скакиваем мимо, я из автомата бью туда, в красный дым. Саша аккуратно, без юза, тормозит, разворачивается, и мы несемся обратно, на ту же стоянку, запираем машину и вталкиваем ее в огненную лужу, я окатываю нас всех одортелем – теперь мы невидимы не только для людей, но и для собак... и вот нас уже нет, мы уже в темноте, на шоссе вой сирен и синие проблески, а нас уже нет.

Оружие топим в болотце, и – сорок минут ночного бега. Командор ведет, Саша в центре, я замыкаю. Полная тишина. Где-то лают собаки – далеко. По тревоге слетаются полицейские патрули. Дороги перекрыты, по всему Кунцеву ловят неизвестную подозрительную машину. А мы уходим, мы, наверное, уже за кольцом оцепления. Собаки и сирены – где-то слева. Ночной бег. Все выверено до минут. Осталось мало. Все хорошо. В гараже множество следов. Пусть ищут, на двое суток это их отвлечет. Хороший пакет дез. Все выверено. Теперь шагом, шагом, лениво, нехотя... по две желатиновые виноградины на каждого – проглотили. Через пять минут от нас будет разить таким безумным перегаром... На обочине коллатерального шоссе номер четыре стоит наш «зоннабенд» без света в салоне и с поднятым капотом, и Гера пританцовывает рядом с ним, изображая ремонтную деятельность. Садимся все трое на заднее сиденье, в кармашке на дверце уже откупоренная бутылка «Очищенной», бумажные стаканчики... Ну, за успех, говорю я, разливая, и мы глотаем теплую водку – без удовольствия, как микстуру. Все, бутылка в ногах, о, и не одна, молодец, Гера, догадался, туда же летят стаканчики, быстро приводим себя в художественный беспорядок, Гера заводит мотор, мы катимся, катимся, катимся по коллатеральному шоссе номер четыре, ага, вот и застава, нам приказывают остановиться, а Командор уже спит на коленях у Саши, а Саша припала ко мне, а у меня остекленевшие глаза и еле ворочается язык, и трезвый Гера отвечает за всех...

Год 1961 Зден

31.08. 15 час. 45 мин. Деревня Сайги. Окрестности базы «Саян»

Дождь заливал стекла и глушил все звуки. Я не был уверен, доносится шум боя или это шуршат капли по кронам. По желтеющим кронам... Поэтому, пока капитан отсутствовал, я стал слушать радио. В «медведе» капитана Крестовикова стоял отличный приемник.

Мир был охвачен паникой. Люди бежали из городов, резервистов ставили в ряды, бомбардировщики взлетали в небо, флоты выходили в море... Всяческие канцлеры, президенты и императоры висели на телефонах горячих линий. Какие-то военные обозреватели, люди без малейших признаков стыда и интеллекта, пытались объяснить мне, как вести себя в момент ядерного нападения и сразу после оногo. Через двадцать минут меня уже трясло, и не знаю, от чего больше: от злости или от страха за родных... за все еще родных...

Звено Врангеля – он сам, Саша Балахнин и Макс Потылицын, давний друг Врангеля, – сидело в нашей машине, два других звена с хорошим ручным пулеметом РПВТ – во второй. Ребята тоже слушали радио...

Трудно поверить, но только сейчас до нас понемногу доходило все.

Вернулся капитан, а с ним – тот самый Выдра, на котором нынче сошелся клином свет. Они забрались в салон, сдирая с себя дождевики, и сразу запахло мокрым войлоком. Никогда до этого я Выдру, естественно, не видел, однако спутать его с кем-то было нереально. Выдра походил на ожившую каменную бабу, каких немало в здешних краях. Ниже меня, он весил, наверное, за сто пятьдесят. Черное, в оспинах лицо, маленькие глазки, руки до колен. Голенища чудовищных сапог были надрезаны и зашнурованы сыромятными ремешками – иначе не налезали на толстые икры. Хозяин Медной горы...

– Ага! – сказал он, увидев меня. – Ну, здравствуй, здравствуй...

Рукопожатие его было осторожным – он сознавал свою силу. Моя рука как бы побывала под паровым молотом, направляемым умелым кузнецом.

– А пройдет машинешка-то? – тут же обеспокоился Выдра. – Дорога там никака, а по дождю так вовсе смерть.

– Пройдет, – сказал капитан. – Значит, Тимофеич, говоришь – не геологи?

– Не. Геологов я за версту с подветра распознаю. А в тех, понимаешь, чё-то лажненькое тако вот... не объяснить. Ну все как у геологов, а – не геологи.

– Так заявить надо было.

– Не. Эт не по нам. Заявлять. Не.

Капитан втянул воздух уголком рта.

– Да, – сказал он. – Знакомо. Там, Тимофеич, под стенами – уже две сотни наших легло, а сколько еще ляжет – представить страшно.

– Эт так... – сказал Выдра и замолчал.

– Так куда ехать? – Капитан вздохнул, перебрался вперед, сел за руль.

– Сквозь деревню, и по леву руку просек увидишь...

Мы тронулись, и второй «медведь» тут же зарычал мотором.

Дорога и сквозь деревню была так себе, в выбоинах и ухабах, а по просеке, давно заросшей тонким осинником, шла и вовсе колея. «Медведь» нырнул в какие-то ямы, переваливался грузно с боку на бок, но пёр и пёр – вверх и вперед.

– Кто дорожку-то так разбил, а, Тимофеич? – пересиливая мотор, крикнул капитан.

– А лесовозы. Третье лето только, как кончили деляну сводить. Ангельску рощу продали, слышь. Вот так так... Така роща была! Эх, химики...

– Это где Агафонов скит стоял?

– Точно так. А ты почему про скит знаешь?

– Да кто же про него не знает... Зден Рышардович, перелазьте-ка сюда, на переднее, разговор есть.

– Слушаюсь... – Я полез на переднее – и крепко приложился теменем о трапецию, на которой в бою сидит пулеметчик. Боль была адская, а в следующую секунду на лоб хлынула кровь. – Матка бозка...

Меня тут же за штаны утянули назад, с прибаутками промыли водкой дыру в скальпе и перевязали зеленым полевым бинтом, и только минут через десять я выполнил приказ капитана: сел на переднее и приготовился к разговору.

– А щас во-он от того валуна направо, – показал Выдра.

Валуном Выдра назвал серую округлую скалу размером с четырехэтажный дом. Наверху синей краской кто-то написал: «Мы – колчаковцы». За скалой от разбитой лесовозной дороги по ложбине уходила зеленая тропа, по которой прежде ездили разве что на конях.

– Грибов-то! – восхитился капитан.

Тропа была красна от шляпок огромных сыроежек.

– А так грибной нынче год, – охотно отозвался Выдра. – Не знаю, куда и девать. Все бочата уже засолили. Вот ежели вернемся, рыжиками угощу. Со сметаной под семеновскую – ух как здорово хороши.

– Особенно после баньки, – сказал капитан.

– Эт ты верно подметил, капитан, – согласился Выдра. – Куда ж без баньки-то? Никак нельзя.

– Зден Рышардович, вы уже поняли, что нам предстоит? – спросил капитан, не поворачивая ко мне лица; я видел его в профиль: почти мефистофельское, только коротконосое.

– Идти под землей, – сказал я. – Авось куда-нибудь придем.

– И даже не совсем авось. Я сам удивился, когда узнал, сколько здесь было вырыто всяческих шахт и штолен. Что вы хотите, золотиносный когда-то участок. Да и сейчас кое-что попадается. Слышали, как один американский сержант нашел самородок?

– Слышал.

– Но черт бы с ним, с золотом. Тимофеич, однако, говорит, что знает вход в старую шахту. И что этот вход с месяц назад разыскивали какие-то люди.

– И это я слышал.

– Так вот: старая та шахта имеет коридоры, проходящие, видимо, неподалеку от капони-ров. Когда капониры строили, дважды натыкались на пустоты. Это генерал мне все-таки сказал. Ублюдок. Ненавижу таких. Знаете, как он вне базы оказался? А впрочем, черт с ним. Язык марасть не хочется. Должен сказать, дорогой мой Зден Рышардович, есть у меня одно ничем существенным не подкрепленное предположение, что новостройка... вернее, новокопка американцев с этой старой шахтой напрямую связана.

– Почему вы так думаете?

– Ну... например, самородок в отвале. И еще кое-что. Косвенные признаки. Всяческие умолчания. Интуиция, в конце концов. Да вы же и сами все понимаете...

Тимоти, подумал я. Ну конечно.

– Не все, – сказал я. – Например, не понимаю, почему вдруг именно я...

Капитан быстро посмотрел на меня, потом вновь уставился на дорогу.

– Главным образом потому, что вы единственный специалист по вычислительным системам в пределах досягаемости, – сказал он.

Так, подумал я.

– Значит, вы всерьез считаете, что мы имеем шанс попасть в командный бункер?

– А у нас просто нет другого выхода...

Он сказал это тихо и равнодушно, и я сразу понял – да, другого выхода нет.

Выдра просунулся сзади, навалился грудью на кожух мотора.

– Шас налево будет – вот там сторожно надо...

Пейзаж вдруг переменялся рывком – будто при склейке киноленты. Только что были березы, папоротники по горло – и вдруг ковер жесткого стелющегося кустарника, из которого высовываются темные камни. Дорога пропала совсем, «медведь» закачался и запрыгал резче, во-во-во! – ткнул куда-то в сторону толстым пальцем Выдра, мы резко свернули и вкатились в лощину, уходящую круто вниз, еще полсотни метров – и справа открылось вполне тяньшанского вида ущелье, серые осыпи и черные скалы-жандармы, редкие сосенки... Видно было, как дорога уходит на самое дно, в буро-зеленую пену, сквозь которую проступает черный извилистый пунктир речки.

Дорога была страшная. Мокрая глина, мокрый красноватый щебень, мокрые черные, изъеденные сверху бревна, укрепляющие край. Пешком в хорошую погоду – было бы жутковато идти...

– Проедем ли? – усомнился капитан.

– А чё нам? В гору влезли, под гору скатим. Позапрошлый год на старом «косаре» проезжали...

– Ну, если на «косаре»...

«Омь-1000», по-простому «косарь», был на редкость неудачной машиной, все это признавали, однако почему-то в свое время их наштамповали более чем достаточно. Не имея спроса в городах, для которых вроде бы и создавался, «косарь» неимоверно упал в цене (как раз до косаря – одной тысячи рублей) и потихоньку был раскуплен крестьянами. Они-то, бедные, с ним потом и мучились.

И все равно – спуск был кошмарный. Вездеходик наш царапал левым крылом о каменную стенку, а правые колеса, по моим ощущениям, временами шли по воздуху. Видит бог – я бы охотно вернулся под огонь...

31.08. 17 час. 20 мин. Окрестности базы «Саян». Старая шахта

– Вот, значит, здесь... – Выдра поводит лучом фонаря. – Было б чё другое – предложил бы, а так – нет.

М-да... И капитан, и егеря за моей спиной, и сам я, разумеется, – глазели молча на эту полураздавленную бревенчатую стену, в которой косо застряла такая же полураздавленная дверь. Пахло гнилью, грибами, еще какой-то тревожащей непонятной дрянью... Все было черное, и казалось: только тронь – и посыплется. Над головой был дощатый настил, на три четверти состоящий из дыр. Завал из ржавого железа доходил мне до плеча. Здесь были свалены какие-то колеса, бочки, кузова вагонеток, обрезки труб, бухты троса...

– Канатна дорога была, – сказал Выдра, проследив мой взгляд. – Вниз по речке запруда стояла, дробилка... Еще наши мужики на ей молоть пытались, да ничё не намололи.

– А что вы отсюда вывозили-то, Тимофеич? – спросил капитан. – В позапрошлом году?

– А насос тут паровой хороший оставался, – с готовностью отозвался Выдра. – Такой насос, сто лет ему в субботу, а качат и качат. Еще немецкий, еще с до позатой войны. Вешчь. И хошь дровами, хошь углем, хошь мазутой – ему по барабану.

– Значит, могло шахту и залить? – спросил капитан. – Без насоса?

– Не. Пересохло там все. Не зальет, нечем.

– И что же, ведет она под самую базу?

– Выходит так. Скрозь гору проходит, там вглубь сворачиват – и аккурат под американами разветвляется. Вправо широка штольня идет, а потом вниз штук шесть малых – местами лежкой кайлалаи.

– Как же ее так интересно вели...

– Вели как-то. До меня было. Куды! Табличку медну отодрал: одна тысяча восемьсот девяносто первый год, купец Бородин. А чё диву даваться – за живой жилой шли, за кварцем. Богата, видать, жила попала...

– Тимофеич, а когда ты последний раз туда спускался?

– Да... лет уж вроде пять...

– Понятно. Надо идти. Итак, боевая группа, слушай команду...

Как ни странно, сама шахта не производила такого руинного впечатления, как вход в постройку, прикрывающую ее сверху. Там действительно было очень сухо, а в сравнении с открытым воздухом и тепло: градусов восемь. Мы начали спускаться – первым Выдра, потом капитан, потом я – по крепкой деревянной лестнице, отгороженной решеткой от бесконечной цепи с помятыми ржавыми ковшами. Не знаю, как все это называется правильно.

– Командир! – крикнули вдруг сверху. – Господин капитан, тут...

– Разберитесь, – коротко велел мне капитан.

Сам он стоял перед входом в темную штольню. Вход обрамляла арка, сложенная из отесанных каменных глыб. В этом чувствовалась какая-то особая основательность давних шахтеров.

В штольню уходили рельсы – похожие на трамвайные, но еще с продольным желобом поверху. Колея была узенькая – сантиметров сорок. Вагонетки подкатывали сюда, опрокидывали в бункер, а из бункера руда ковшами выгребалась наверх, на-гора...

Выдра светил на потолок – здесь достаточно высокий – и что-то там рассматривал.

Я снова полез по лестнице – теперь вверх. Поротов посторонился, пропуская меня.

– Что там? – спросил я.

– Да вот... бывает, командир. Нервы...

Нервы оказались у Врангеля. Я только взглянул на него – и понял, что уговаривать и приказывать бесполезно. Такие белые глаза...

Клаустрофобия. Он рассказывал, а я забыл. А он, наверное – думал, что пересилит...

– Сережа... Ты меня слышишь?

Судорожный кивок.

– Под землю не пойдешь. Ты и... – поискал глазами, – курсант Потылицын. Возьмите пулемет. Гранаты. Прикрывайте нас отсюда. Но – чтоб железно.

– Есть.

– Есть, командир... – И тихо: – Спасибо, Зден...

– Проблемы? – спросил капитан, когда я вернулся вниз.

– Никак нет. Оставил прикрытие.

– Разумно... Вперед. Бегом. Марш!

И сам побежал первым.

Крепко строили пращуры. Лишь в двух местах крепь просела, и там пришлось пробираться ползком. После второго завала Выдра велел всем сесть, а сам ушел вперед и скоро вернулся верхом на дрезине.

– Жива старуха, – сказал он весело.

Я подумал вдруг, что шахта вовсе не так уж заброшена.

– Хичники лезют, – сказал он, будто отвечая на незаданный вопрос. – Все львину голову ищут, не найдут...

Хищниками, я знал, называли блуждающих старателей, не имеющих участков, а урывающих там, где удастся. На них приходилась немалая часть преступлений в тайге и горах; их же чаще всего находили на дальних тропах с зарядом картечи в груди или спине...

Как-то это не совмещалось: наличие множественного числа «хичников» и безуспешный розыск шахты ненастоящими геологами. Но думать я не мог, мысли отбило, и четко ощущалась какая-то крепкая перегородка, опущенная поперек мозгов... Впрочем, я слышал о подобных вещах: местные знали о явлении или объекте все, приезжие – ничего. Видимо, и в данном случае что-то подобное нами наблюдается...

– Что за львиная голова? – насторожился вдруг капитан. – Тот знаменитый самородок?

– Ага, – отозвался Выдра. – На который Бородину наворожили...

И он рассказал любопытную историю о том, как купцу Бородину наворожил какой-то старик: найдут на Бородинском прииске знатный самородок с голову рыси размером, а после этого перемрут один за другим сыновья купца, а жена решится умом, а чтобы поверил купец, то вот... И старик выдал какое-то бытовое предсказание, исполнившееся буквально в тот же день. А на следующий месяц доносят купцу: в глыбе кварца самородок найден, поболее кошачьей головы и на голову льва похожий. И вот распорядился как-то секретно купец – и не вынесли из шахты тот самородок, с почестью где-то похоронили... С тех пор истощилась шахта начисто, кварц и тот не попадает, а все же вот находятся люди, желающие поискать пропажу...

Случилось все это в начале семнадцатого года, а уже в двадцатом не осталось у купца ни одного сына, а жена решилась умом. Сам же Бородин пережил как-то и горе, и разорение, в сорок втором вернул все имущество, но к шахте с тех пор не подходил, не подъезжал. Не продавал ее и сам не пользовал. Умер он совсем недавно, лет шесть-семь назад...

Потом, передохнув, мы кое-как облепили дрезину, приспособили фонари, Выдра и Само-сенок, егерь из звена Поротова, крепкий квадратный парень, на гражданке путевой рабочий, сели на рычаги – и мы, скрежеща, медленно, все быстрее, быстрее покатались по глухо отдающим звук рельсам.

Все это было до жути нереально. Казалось, я опять смотрю кино.

Год 1991 Игорь

09.06. 02 час. Турбаза «Тушино-Центр»

Уговоров они слушать не хотели, и потому пришлось употребить власть: скомандовать отбой. Быть по местам, уточнил Панин, или?.. Или! – рявкнул я. Всем разойтись по бабам! И вести к себе! Чем больше, тем лучше! Пить водку! Ничем не выделяться! Кру-угом! Шагом – марш! Они ушли, остался один Командор. Он потыкался в углы, потом включил телевизор.

– Выруби, – попросил я. – Ну его на хер.

– Хорошо, – сказал он, но вместо этого стал переключать каналы. По шестому показывали какой-то рисованный фильм. – Может, оставим? – попросил он.

– Оставь.

Несколько минут мы тупо смотрели кино. Краснозаядая макака-сержант в фуражке со звездой обходила строй зверей-ополченцев: кому-то поправляла ремень, кому-то картуз, пыталась медведю поставить ноги по-строевому: пятки вместе... Пузатому пеликану ткнула кулаком в живот: подбери брюхо!

Пеликан втянул живот, но выпятил зоб. Невидимая аудитория заржала. Макака зашипела и пошла дальше...

– Что там Яков? – спросил я, хотя можно было и не спрашивать.

Командор молча пожал плечом.

– Ты заходил к нему?

– Он меня послал.

– Но сможет он это сделать?

– Яков, видишь ли, все может. Дело только в сроке.

– Об этом я и спрашиваю.

– Не знаю. Думаю, успеет.

– Слушай, старый. Давай напьемся.

– А есть?

– Как в Греции.

– Доставай. Что там у тебя?

– «Тифлис», десятилетний.

– Издеваешься?

– Отнюдь. Великолепный коньяк.

– Так, а стаканы?.. А, вот они.

– Мыл?

– Плевать.

– Ладно, поехали.

– Да здравствует Грузия!

– Виват!

– Правда хороший.

– Ты же меня знаешь.

– Надеюсь...

– На что?

– Что знаю.

– А-а...

– Давай дальше.

– Подставляй.

– За удачу.

- Будем жить.
- Чудесная штука.
- Мне тоже нравится.
- У меня еще есть.
- Ну и выпьем тогда весь.
- Мм...

На экране теперь была река. Львенок, опоясанный пулеметными лентами, держал в руках черепашку и что-то ей втолковывал. Черепашка истоиво кивала. Потом он размахнулся и пустил черепашку блинчиками по воде. На другом берегу ее поймал бегемотик. Черепашка, тыча ручкой вверх, объясняла бегемотику, что надо делать. Бегемотик кивнул и тем же манером отправил ее обратно...

– А молодцы наши девчонки, правда? – сказал Командор.

– Все молодцы, – сказал я.

– Но девчонки – особо.

– Особо.

– А Панин – слюнтяй.

– Панин – хороший мужик.

– А тебя ребята не любят, ты знаешь?

– Знаю.

– А знаешь почему?

– Знаю.

– Ну и..?

– А я не девочка, чтобы меня любить.

– Я тебя тоже не люблю. Это чтоб ты знал.

– Буду знать. Давай-ка еще по пять капель...

– Сейчас. Сосед! – крикнул Командор в приоткрытую дверь. Он там увидел кого-то, а я нет. – Выпить хотите?

Вошел наш сосед по домику. Я его еще не видел, не совпадали мы с ним в пространстве и времени. Мужчина лет пятидесяти, седоватый, в очках, но с торсом то ли боксера-профессионала, то ли лейббаумейстера. Был он в белых парусиновых брюках и черной безрукавке.

– Я с дамой, – сказал он по-русски, но с акцентом. Вряд ли немец, скорее прибалт. – Если вы не возражаете против дамы...

Против дамы мы не возражали, более того, как нарочно, у нас пропадала бутылка египетского ликера, не пить же это самим. Даме было самое большее семнадцать. Командор показал себя с лучшей стороны: представил даже меня, представился сам, представил нас с соседом друг другу: Игорь Валинецкий, инженер из Томска – Роберт Кайзер, издатель, из Риги. Дама представилась лично: Стелла, сказала она с прилепленной улыбочкой. О, звезда, воскликнул Командор, звезда любви, звезда заветная! Она не поняла, при чем тут звезда, и пришлось переводить. Тогда она стала смеяться. В ее личике, манере говорить и вести себя было что-то неистребимо малороссийское, хотя она и утверждала, что родом из Петербурга. Идиотка. Но ликер пила хорошо, и за это ей можно было многое простить.

Мультик между тем продолжался. Отряд зверей отдыхал. Спали обезьяны, обняв допотопные ружья, спал медведь, положив под голову пулемет, спали львы, тигры и носороги. Догорал костер. Две черепашки, взявшись за руки, на носочках прошмыгнули мимо спящего часового – громадного орла. Костер еле теплится... погас. И вдруг неожиданно – длинная пулеметная очередь. Все вскакивают, палят в воздух, суета – и вот все лежат в круговой обороне, ожидая врага. Очередь снова гремит. Львенок уползает в темноту, какая-то возня, визг... возвращается во весь рост, потрясая смущенными черепашками...

– А я думал, ты латыш, – сказал я Роберту, когда мы свернули голову третьей бутылке. – У немцев акцент не такой.

– А я и есть латыш, – сказал Роберт. – У меня только прадед был настоящий дейч, все остальные – латыши, а вот фамилия держится. Но у нас пока спокойно с этим делом.

– У нас тоже, – сказал Командор, и все засмеялись.

– А здесь, говорят, нет. Многие уже на чемоданах.

– Не знаю, – сказал я. – Вчера пили в большой и очень смешанной компании – ни малейших признаков дискриминации.

– Так то, наверное, была интеллигенция, – сказал Роберт.

– Скорее, богема.

– Страшно далеки они от народа... а на заводах, ребята, скверно. Да что на заводах, я в типографии в здешней вижу – скоро-скоро до ножей дойдет. А разобраться – зачем? Кому это выгодно?

– Кому? – спросил я.

– Большевистскую заразу с корнем не выдрали, – сказал Роберт. – Это вы молодцы, а тут толстый Герман не дал их на фонарях развешать...

– Что-то ты путаешь, – сказал я. – Большевики, они же это... «пролетариат не имеет отечества», «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и прочее...

– Нет, – помотал головой Роберт. – Они всегда были эти... куда ветер дует. Шла мировая война – подводили базу под дезертирство. Взяли власть – заделались оборонцами и патриотами. Германия в сорок первом напала – всех готовы были под танки кинуть, лишь бы власть сохранить. Оккупация – смерть коллаборантам, восстановили государственность – так и прут в правительство, из штанов выскакивают. Теперь вот объединением с Сибирью запахло... У них ведь вся их философия в два действия арифметики укладывается: отнять и разделить. И о чем бы речь ни шла, по этим двум действиям их, сук, всегда опознать можно. Ну выгонят они немцев из России – а дальше-то что? Сразу все проблемы как рукой?.. А-а, бесполезный этот разговор, трата слов... За что хоть пьем-то?

– Поминки, – сказал я.

– Вот как... – Он покусал губу. – Что же вы не сказали? Я тут разболтался... По ком поминки?

– По мне, – сказал я.

– То есть?

– Семь лет назад вот этого парня, – Командор показал на меня, – убили в Туве. Там была небольшая заварушка, а он занимался альпинизмом... его и убили. Тело вывезли вертолетом и только на другой день обратили внимание, что оно не остывает. А год назад он еще раз умер – от разрыва сердца. Натуральный разрыв – стенка в ключья... Теперь ходит с искусственным. Говорит, ничуть не хуже. Пан, покажи.

Я задрал рубаху и показал рубцы: на груди и под ребрами.

– А сегодня меня чуть не грохнули еще раз, – сказал я. – В мою машину врезался грузовик – еле успел выпрыгнуть.

– Да-а... – с уважением протянул Роберт. – Это надо пить, и пить, и пить. Такой день... А этот шрам от чего?

– Тут батарея для сердца. Изотопная. Сидя рядом со мной, вы получаете дозу облучения, как от цветного телевизора. По закону я обязан вас об этом предупредить.

– Тьфу, глупость, – сказал Роберт.

– Многие боятся, – сказал я.

– Да. – Роберт помолчал немного. – Давайте выпьем за то, чтобы людям не требовалась такая невероятная живучесть и чтобы мы все умерли один раз и только от старости...

Потом мы выпили за успех предприятий – Роберта и нашего. Стелла начала засыпать: клевала носом и вздрагивала. Толку от нее не было ни малейшего. Командор принялся травить анекдоты: встречаются русский, немец, хохол и еврей, немец несет гуся, хохол свинью, русский два каравая под мышками, а у еврея в руках ма-аленький пакетик из газеты... Звук у телевизора мы убрали, но на экран я волей-неволей смотрел. Там показывали сожженные машины – на дороге и на стоянке, внутренность нашего гаража, найденные в тайнике пистолеты и автоматы: на них обнаружат отпечатки пальцев двух весьма известных афганских боевиков, которых еще в январе Командор очень элегантно повязал в Бухаре, и бывшего кассира Варшавского отделения Рейхсбанка, пытавшегося пробраться через Сибирь в континентальную Японию; до Японии он не дошел, но об этом мало кто знает. Показали и фотографию убитого Петра. А что гепо рванули, так это правильно, доказывал Роберт мне и Командору, потому что... потому что... а-а, да все вы понимаете! Что правильно, что правильно, горячился Командор, это сколько же всего нужно взорвать, чтобы все было правильно?! А вот столько и нужно! Нет, молодцы эти ребята, что вы мне ни говорите! Ну их, эти взрывы, сказал Командор, давай лучше о бабах. В дверь развязно заколотили, открыто, крикнул я, и ввалилась Саша, пьяная в дым, белая блузка расстегнута до пупа и залита вином, с ходу шлепнулась мне на колени и впечатала могучий поцелуй в угол рта. Пойдем купаться! Пойдем купаться! – Командору. Пойдем купаться! – Роберту. Там и познакомимся, ха-ха! Ой, и девочка есть. Тогда давайте групповуху устроим! Девочка, просыпайся, будем устраивать групповуху! С обалдевшей, ничего не понимающей Стеллы она начала стягивать юбку. Эй, Саша, полегче, придержал я ее, девочка испугается. Ребята, мы, наверное, пойдем, сказал Роберт. А то, я смотрю, меня заставят участвовать в групповухе, а мне это ни по возрасту, ни по чину. Это она так шутит, сказал я. Шучу?! – взвилась Саша. Да я, если хочешь знать... Пойдем, пойдем, Роберт приобнял озирающуюся Стеллу за талию и повел к дверям. Пока, ребята, приятных развлечений! Пока, Роберт, зря ты испугался, это не больно... – Саша продолжала громко куражиться. Через минуту я выглянул на веранду. Там было пусто, темно, дверь в комнату Роберта плотно закрыта. Докладывай, сказал я, вернувшись. Командор переключил телевизор, набрел на какой-то пошлый концерт-«цукерторт» и прибавил звук. Пацан в красно-зеленом клетчатом пиджаке и девочка в черном балахоне с вырезами на самых необычных местах пели о том, как им хорошо вдвоем на этом необитаемом острове. Саша улыбнулась. Значит, так: клюнуло! Часа полтора назад Яша пролез-таки на районную телефонную станцию и подключился и вот только что перехватил разговор по-грузински: да, тех ребят видели в Тушине, в ресторане «Радуга», с ними был еще один грузин и две девушки, похоже немки. Ищи, ищи их, сказали звонившему, ты должен их найти! Найду, я напал на след... Звонили с такса из Тушина, от турколлектора, а вот по какому номеру – сказать трудно, стоит защита, раухер дал только три первые цифры: 1-7-1, это Замоскворечье... Понятно, сказал я, очень хорошо, они тоже молодцы, будем надеяться, что их поиски будут успешными. Обижаешь, Пан, сказала Саша, мы набросали на тропинку столько цветных камушков...

09.06. 07 час. 45 мин. Улица Черемисовская, 40. Меблированные комнаты Отта

Я позволил себе поспать полтора часа – и, должно быть, зря: воздух в подвале был тяжеловат, и теперь я никак не мог преодолеть чугунную тяжесть во лбу и висках. От этого, а может быть и от не до конца нейтрализованной вечерне-ночной выпивки, настроение было... о, именно в таком настроении господ гвардейские офицеры обожают пускать себе пули в благородные виски. Нам, к сожалению, такая роскошь недоступна, но помечтать – именно как о роскоши – почему бы и нет? Конечно, глоток коньяка смягчил бы мои страдания, но в быстрых ночных сборах я совсем забыл о своем переносном погребе, а среди всевозможных запасов, которыми был набит склад фирмы «Юп», спиртного не было ни капли. Душ не помог, из обоих кранов вяло сочилась тепловатая жидкость, из горячего – чуть более теплая. Тогда уж ничего не поделаешь – пришлось лезть в аптечку за эфедрином. Я уколол себя под язык – и скоро

застучало в висках, похолодели пальцы, зато кто-то внутри меня решительно содрал липкую паутину с мозгов, с глаз, чугуна куда-то вытек, вернулись силы. Я готов был к дальнейшему использованию...

Даже через эфедриную эйфорию меня царапнула эта мысль. Да, так оно и есть, никуда не денешься... горькая, последняя гордость солдата, знающего, что им затыкают губительный прорыв и что долг... Эй, там, сказал я себе, без патетики, пожалуйста. Разберемся позже.

Якову сделали выгородку из стеклоблоков, там он и сидел на пару с «КРК» – сверхмощным раухером, не чета переносному «Алконосту», который был у него на турбазе. Теперь Яков мог, наверное, все на свете.

– Пан, – сказал он, оборачиваясь, – я уже хотел тебя искать. – Лицо у него было черное, глаза ввалились. – Началось. Объект видел девочек, вызвал помощь. К нему едут еще двое. И знаешь что – я допер, что это за сто семьдесят один и прочее. Это «Алазани».

– А что? – сказал я. – Очень может быть.

– Еще хотя бы раз позвонят – тогда я точно пролезу.

– Смотри не засветись.

– Я невидим. Я растекся знаешь как – о, по всему городу. С такой машиной...

– Ладно, Яша. Я поднимусь в комнату – если что...

Комната, которую мы снимали как бы под контору, находилась на втором этаже. Здесь все было как надо: стол, шкафы, масса всяких бумаг, диван... Сейчас мне навстречу попались бэшники Говоруха и Мальцев, волокущие куда-то огромный деревянный ящик с иероглифами на боку. В конторе сидели Венерт, старший группы «Б», и Кучеренко с Герой.

– Ну, парни, – сказал я, – ваш выход.

Венерт тоже встал – хотя бэшникам в акциях участвовать не положено.

– Мне тоже придется ехать, – предупреждая вопрос, сказал он. – Не успели оформить доверенности на вождение.

– Как это?

Венерт развел руками.

– Да, Пан, – сказал Кучеренко. – Страшные очереди к нотариусам. Не знаю, что происходит.

– Придумай что-нибудь, Франц, – сказал я. – Дай на лапу.

– Придумаю, – пообещал Венерт.

Они ушли, я сел на диван и откинулся на спинку. Во рту стоял своеобразный эфедринный привкус. Не приятный и не противный – своеобразный. Так... сейчас важно не обмануться в своих ощущениях. Не принять ненароком ту легкую эйфорию, которую дает наркотик, за чувство удачи. Успеха. Да, и вот это... Я еще раз просмотрел составленный Яковым портрет человека, говорившего по телефону с номером 171-и-так-далее... Рост выше среднего, худой, лет двадцать восемь – тридцать, курит, родной язык грузинский, по-русски говорит свободно и почти без акцента, немецким владеет слабо, передние верхние зубы металлические... Н-да... С одной стороны – ничего существенного, а с другой – только по голосу... причем, сказал Яков, если он поговорит еще минут пять-семь, можно будет дать основные черты лица и кое-что из характера. Жаль, не получился второй собеседник, слишком скупые реплики... ну да ладно.

Нет, не это меня тревожило и не отпускало – тут мы все сделали правильно, разложили приманку и притаились в кустах... и вообще, не о близящемся контакте с неким грузином тридцати лет, владеющим русским свободно и имеющим металлические зубы, мне следовало беспокоиться, а о зависшей в неясном положении совсем другой игре...

... Что ж ты, калека, ни одного живого не взял, сказал Командор, хмурясь, так вот вышло, сказал Панин, вышло, проворчал Командор, вечно у вас выходит что-нибудь не то, ты просто не видел, что они с ней сделали, сказал Панин, ты думаешь, есть что-то, чего я не видел, воз-

разил Командор, не знаю, сказал Панин, есть или нет, а я в себя пришел, только когда патроны кончились, понятно, сказал Командор, душа у нас нежная, и тут Панин взорвался, таким я его еще не видел, я думал, он бросится на Командора, и Командор тоже, наверное, так думал, стоял и ждал, белый, как костяной, но я не дал им драться, выгнал Командора на улицу, и через двадцать минут, отдышавшись, мы уже говорили о другом, а потом вдруг Панин, закрыв глаза, повторил: вы просто не видели, что они с ней сделали, ты хоть ее добил, спросил Командор, да, конечно, сказал Панин...

Зря я влез в это дело. Зря. Был шанс приоткрыть глаза – но он упущен. Черт знает, что это все может значить. Ладно, поработаем. Будет день – будет пища...

Ага, и вот еще... Я взял трубку и набрал номер.

– Да-а? – Голос Кристи был сонный.

– Я тебя опять разбудил?

– Я еще не ложилась. Почему ты не пришел?

– Встретил старого друга и напился как сапожник.

– Врешь.

– По-моему, от меня должно разить перегаром даже по телефону.

– Надо было привести его сюда. Нас тут как раз две несчастные одинокие женщины...

– Может быть, сегодня... Да, Криста, а кто эта девушка, которую я резал ножом?

– Ты? Ножом?

– А, ну да, тебя не было в тот момент... Девушка, которая так странно танцевала в библиотеке.

– Поняла. Это Таня Розе, она ведьма. Но чтоб ты знал – с ней спать нельзя, потому что...

– Я пока не собираюсь. А где мне ее найти?

– Таня Розе. И с ней парень по имени Терс. Просто имя, ничего кроме. У них мистическая связь.

– Я спрашиваю – где мне ее найти?

– Не знаю. Ее Анни приглашала, а где сейчас сама Анни – не имею представления. Вечером сам у нее спросишь. Придешь?

– Опять будет нечто?

– Нет, будет тихо. Приходи, а? Что-то скучновато жить, понимаешь...

Жить ей скучновато... ах, елки... Я бросил трубку на рычаг, не попал – и еле успел остановить свою занесенную руку: хотел вмазать по аппарату. Стоп машина. Начинается отходняк. Надо повторить, иначе будет скверно. Колотья не буду, просто высосу...

Телефон зазвонил – как взорвался. Я схватил трубку. Это был Панин.

– Приехали, – сказал он. – Идут.

– Ну, с Богом... – У меня вдруг перехватило горло.

– Ничего, – сказал он. – Не волнуйся, Пан, все будет в порядке.

В порядке... в порядке... Что же, может быть, и будет все когда-нибудь в порядке – но без нас. Без нас.

Год 1961 Зден

31.08. 19 час. Старая шахта

– И какая же здесь глубина?

Капитан смотрел вверх. Туда уходил вертикальный колодец с непривычным шестиугольным срубом. Луч сильного фонаря терялся, не достигая края.

– Кто ж его мерил? – Выдра пожал плечами. – Маю, метров боле полста, но не сто.

– А колодец куда ведет?

– Камора там глухая, а для чего – не знаю, нет. Что-то тут все время рыли, землю вына́ли, железо вколачивали...

Последние две сотни метров мы продирались мимо завала из множества вагонеток. Похоже было на то, что их сюда специально стаскивали и переворачивали. И вот теперь рельсы окончились барьером из толстенных брусьев, штольня расширилась раза в два, крепеж стал чаще и как-то солиднее, на потолке лежал толстый слой сажи – будто здесь что-то долго и дымно горело. То есть почему «будто»? Именно горело.

– Надо торопиться, – сказал капитан. – Ребята! Смотреть под ноги, искать свежую землю. Вперед, шагом...

– Да вот же она, свежая, – сказал Поротов, наклоняясь.

Он распрямился. На ладони его была рыжая глина.

И все согласно подняли голову.

Я молча взялся за пэзээр. Он мог стрелять не только термитными шнурами, но и кошкой с прочным тросиком – чтобы зацеплять и утаскивать. Или как в нашем случае – подтягиваться самому.

«Глухая камора» таковой и оказалась: низкое, вряд ли три метра, сплошь уставленное деревянными подпорками помещение. В двух местах потолок был значительно выше. Видимо, здесь и собирались в давние времена что-то ставить, какие-нибудь дробилки, машины, котлы...

Под ногами тихо рассыпались комки глины.

Я вдруг поймал себя на том, что изо всех сил стараюсь не думать: а как оно там, наверху? Кто еще жив? И... вообще...

– Вот она! – свистяще прошептал капитан откуда-то издали.

Это был конец трубы – тонкостенной стальной трубы, выходящей из стенки на высоте колена. Капитан сидел перед нею на корточках и заглядывал внутрь.

– Ну что, Зден Рышардович? Дошли? – Он говорил едва слышно.

– Не знаю, – ответил я еще тише. А что тут скажешь?

Капитан встал, накинул на трубу свою куртку, поманил меня рукой. Мы отошли подальше от зева.

– Если наш друг ничего не напутал, то эта труба приведет нас прямо и непосредственно в хранилище ракет. Вот только... – Он раздвинул руки, показывая внутренний диаметр трубы. – Восемнадцать дюймов. Или девятнадцать. Ведь не пролезем.

– Зачем в ракетохранилище нужна такая труба?

– Хотел бы я знать... Или пролезем?

– Я-то пролезу.

– Думаю, что я тоже. А больше, пожалуй, никто. У вас какой размер костюма?

– Сорок шестой.

– У меня чуть больше. Придется вам идти первым, потому что закупоривать лучше пути отхода.

- Создаете заградотряд, капитан?
- Совершенно верно. Ну что? С Богом?
- Надо распорядиться отделением.
- Назначьте заместителя.
- Да. Сейчас...

Я вдруг понял, что ничего не могу. Была полная потеря ориентировки, контроля над собой... тихая паника.

- Распорядитесь: пусть поднимаются все сюда. Командуйте, прапорщик.
- Я курсант.
- Присваиваю вам внеочередное звание. Имею право.
- Не имеете.

– Ко всему прочему вы еще плохо помните Устав. Раздел семнадцатый. Действия в чрезвычайных обстоятельствах. Временные войсковые единицы...

- Понял.
- Отвечайте как положено.
- Служу Отечеству.
- Вот так-то. Командуйте, прапорщик...

Я по примеру капитана снял куртку, прикрыл ею трубу; потом подошел к колодцу, наклонился – и в лицо меня толкнуло слабой, но вполне ощутимой воздушной волной, принесшей отзвук далекого взрыва.

Тут же возникло бледное пятно опрокинутого лица. Это был Самосенок. Он молча выбрался из колодца.

- Сзади стреляли, командир, – сказал он. – Было слышно.
- Понятно, – сказал я. – Тихо, не шуми.

За ним выбирались остальные. Выдру вытянули, как бадью – в шесть рук.

– Стройся! – скомандовал я шепотом. И когда построились: – Ребята! Кто на гражданке носит сорок восьмой размер?

- Я, – сказал Поротов.
- У меня штаны сорок восьмой, – сказал Костя Пороховщиков, командир второго звена. Остальные промолчали.

– Суть дела следующая, – сказал я. – Дальше дорога идет по трубе диаметром меньше полуметра. Я, как самый тонкий, иду первым, господин капитан за мной, Вася – третьим. Остальные – как получится. Я протащу за собой трос...

- Все ясно, командир, – сказал кто-то.

– Те, кто остается здесь, прикрывают наш тыл. Боюсь, что первый заслон уже... все. За старшего... – Я обвел всех взглядом; выбрать следовало как самого крупного, так и самого стойкого. – Курсант Авхадеев.

- Есть, командир.
- Задача ясна?
- Так точно. Прикрывать ваши спины.
- Да. И... постарайся без потерь, Гарик. Здесь идеальная позиция...

Позиция была что надо. Главное – некуда отступить.

Авхадеева звали Гарри. Гарри Мамедович.

Мне показалось, что я полз вечность. Труба была шершавая, но вымазанная какой-то дрянью типа тавота или солидола – локти скользили. Если считать, что за каждое движение (как назвать квант ползанья?) я продвигался вперед сантиметров на двадцать, то длина трубы получилась сто шестьдесят метров. Но тросик к моей ноге был привязан стометровый, и я его так и не выбрал до конца.

Дважды мне пришлось перепиливать решетки – слава богу, редкие, из двух перекрещивающихся прутьев. Мне уже казалось, что трубе не будет конца и что я так и подохну в ней, не доползя. И все же я дополз. Сначала возник запах: острый, колющий. Я надел защитные очки, натянул респиратор. Потом стали доноситься звуки. Потом повеяло холодом. Наконец, появился свет.

Год 1991 Игорь

09.06. 15 час. Кафе «Гензель и Гретель»

– Прошу вас, княжна. – Иосиф придвинул стул, слегка поклонился. Княжна улыбнулась и села. Сели и мы. – Княжна, позвольте представить вам: Игорь Валинецкий, Вахтанг Петиашвили. Господа: княжна Дадешкелиани.

– Лучше просто Кето, – сказала княжна.

– О, не лишайте нас удовольствия называть вас княжной, – сказал я. – Поверьте, такое бывает не каждый день.

Наверное, я пялился на княжну просто неприлично: Иосиф неодобрительно поглядывал на меня. Но я просто не мог удержаться. О, как красива была княжна! Тревожно, я бы сказал – трагически красива. Бледное тонкое лицо, огромные темные глаза, нервный излом бровей. Тонкие пальцы, которым если что и держать, так гусиное перо. Между тем в материалах по «Пятому марта» имелся словесный портрет девушки-снайпера, составленный одним из немногих, кто уцелел после встречи с ней. Двадцать лет, волосы темные, вьющиеся... Возможно, это она и есть. Иосиф сидел по левую руку от нее, прямой, как шпага. Я еще раз восхитился мастерством Якова: Иосиф полностью совпадал со своим портретом. Единственное, чего Яков не мог уловить, был цвет волос: пегие, полуседые кудри Иосифа делали его значительно старше, чем он был на самом деле.

– В нашем распоряжении час, – сказал я. – На этот час мы можем гарантировать полную изоляцию этого помещения. Думаю, мы уложимся.

– Даже если и не уложимся, то сможем перенести разговор в другое место, – сказала княжна. – Не это главное. Как нам избавиться от взаимной подозрительности, я ничего не могу с собой поделать, но я не верю вам до конца...

– Согласитесь, что у нас больше оснований не верить вам, – сказал я.

– Да, больше, вы уже сказали свое слово здесь, в этом городе, а мы – мы должны молчать, пока – молчать... И даже более того: мы просим вас остановиться... поверьте, ненадолго, на два-три дня...

– Так, – сказал я. – А вы понимаете, что сейчас наши подозрения – лучше скажем, недоверие – крепнут?

– Да, понимаю, да, и все же – я буду продолжать просить вас, клянусь – ведь только так мы сможем добиться цели, иначе – все обернется прахом.

– Тогда объясните почему, – потребовал я.

– Иосиф, мы рискнем, да? – Голос княжны стал тихий, почти бессильный. – Мы объясним, но только – прошу вас! – сначала вы ответьте на вопросы, на несколько вопросов...

– Не обещаю.

– Пожалуйста! Нам это очень важно – понять...

– Давайте попробуем.

– Мы ничего не слышали о вас – узнали из теленовостей. Значит, вы базируетесь не на грузинской земле – иначе такого не могло произойти. Тогда?..

– Наша база в Польше. Где именно, я не могу сказать.

– Да, разумеется. И как давно вы существуете?

– Нынешний состав – год.

– Год... год... А мы уже четыре года. И как я понимаю, здесь у вас дебют, не так ли?

– Не совсем дебют... но крупная гастроль с афишами – первая.

– Как неудачно мы пересеклись! Или удачно?... Иосиф, ты все молчишь – скажи хоть что-нибудь, мужчина!

Иосиф кивнул и что-то по-грузински сказал Вахтангу. Вахтанг ответил длинной фразой, улыбнулся и сделал жест руками: будто повертел перед глазами, осматривая с разных сторон, небольшой арбуз.

– Скажите, – обратился Иосиф ко мне, – вот вы поляк, базируетесь вы в Польше, тогда почему же – месть за Грузию?

– «За вашу и нашу свободу», – помните?

– И все же?

– Я поляк только наполовину – у меня мать грузинка. В нашей группе есть грузины и абхазы. Наконец, в Грузии пролилась слишком большая кровь, чтобы оставить без ответа...

– Да, – сказала княжна и замолчала, прикрыв глаза. – Я была там, – добавила она после паузы.

– Он тоже, – кивнул я на Вахтанга.

Теперь княжна обратилась к нему по-грузински, Вахтанг кивнул и нехотя, короткими фразами, стал что-то рассказывать. Голос у него был нормальный, может быть чересчур ровный, и лицо хорошее, а что малоподвижное и невыразительное, так это – результат контузии... Мы накачали его так, что аббрутин только что из ушей не лился. Несколько часов он будет знать о себе, что он – боевик группы «666» и что он контужен под Телави.

– Все, кто командовал расправой, теперь здесь, – сказал я. – Приговоры вынесены, и я не вправе их отменить.

– У меня убили родителей, – сказала княжна, – мой брат умер в лагере, а о сестре я до сих пор ничего не знаю и надеюсь только, что она тоже умерла... И все равно я прошу вас – отложите возмездие. Не отмените, никто не говорит об отмене, но отложите. Потому что, если вы произведете еще один взрыв, совещание перенесут в другое место, и все наши труды пропадут... и шанс будет упущен, единственный шанс...

О! Это было как раз то, чего я ждал. Я откинулся на спинку стула и задумался. Княжна достала из сумочки сигареты, Иосиф услужливо щелкнул зажигалкой. Об этом мы тоже позаботились: на портрете, который они получают, будет лицо, как две капли воды похожее на фоторобот с плаката «Разыскивается!», которым оклеен весь Краков. Дерзкое ограбление банка.

– Болит? – спросил я Иосифа.

Он положил зажигалку в карман и поморщился.

– Ннэт, – тряхнул он пегой головой. – Ннэ болит.

Врал, конечно: после того как Крупицны завернули ему руки, плечевые суставы должны болеть минимум неделю.

– Могу предложить тибетский бальзам, – продолжал я. – Снимает любую боль.

– Спасибо, – сказала княжна. – Иосиф сам – фармаколог.

– Как хотите, – пожал я плечами. – Вернемся к нашим баранам. Лишних вопросов я задавать вам не буду, скажу все сам, и если очень уж ошибусь – поправите. Хорошо? Итак: вы намерены произвести покушение на кого-то из участников совещания. Вероятнее всего, на фон Вайля. Против этого возражений не имеем. Но вы просите нас приостановить на время нашу деятельность, лечь на дно – то есть рискнуть всем, что мы уже поставили на карту, потому что в гепо сидят не только глупые увальни, – для того, чтобы совещание состоялось и вы смогли произвести свою акцию. Но в таком случае объясните мне, почему ликвидация политического деятеля для вас важнее, чем возмездие десятку палачей? Ну не будет фон Вайля, так будет Шрёдер, уберете Шрёдера – будет Дорн. Какая вам разница?

– Если вы позволите, я скажу. – Княжна подняла руку ладонью вперед. – Из всего того, что вы перечислили, верно лишь одно: да, возмездие палачам у нас сейчас стоит на предпоследнем месте.

– А на последнем?

– Вязание на спицах.

– Мм...

– Не делайте такое лицо и выслушайте то, что я скажу. Да, еще весной мы пошли бы с вами, мы мстили бы, и лучшей цели не было бы для нас – лучшей цели и лучшей судьбы. Но – появилась иная и ваши цели и наши – те, которые были прежде, – заслонила. Мы увидели вдруг... простите... – Она смяла сигарету. – Я вдруг заволновалась, вот как... эта цель... Эта святая цель – независимость родины, независимость Грузии, и сейчас она стала достижимой, да... И вдруг – вы, братья, но как же вы можете помешать! Сейчас, сейчас – я все объясню. Весь Рейх трещит по швам, и он развалится, клянусь, если все будет идти так, как идет сегодня... война в Африке тому доказательство... Что было в позапрошлом году в Кахетии, невозможно сегодня, солдаты не станут стрелять, и офицеры не отдадут таких приказов, но и народ не поднимется еще раз – на такое... нужна пауза, нужен еще год бессилия Берлина!.. И все – тогда – свобода. Но если четверо договорятся, Рейх устоит, потому что развал его опасен и невыгоден даже врагам. Фон Вайль и Толстой секретно сговорились образовать союз, стереть границы – так будет разрешен неразрешимый, казалось, русский вопрос – и уцелеет Рейх. Но мало кто из собственных же партий поддерживает и Толстого, и фон Вайля, и, если мы устраним обоих, события пойдут естественным путем, Россия выйдет из состава Рейха – клянусь, тогда Берлину не дотянуться будет до маленькой Грузии! И разве только Грузия сможет обрести тогда свободу? О нет – все, кто достоин. И ваша Польша, Игорь...

– Да, наша Польша...

Неслышно ступая, подошел Ганс и поставил на стол чашечки с дымящимся кофе и блюдо с пирожными. Я взглянул на пирожные: четыре меренги и четыре шоколадных эклера. Впрочем, я и так чувствовал, что террористы – настоящие.

– Спасибо, Ганс, – сказал я. – А нельзя еще какой-нибудь воды?

Это значило, что мое мнение не противоречит результатам проверки.

– Значит, вы хотите перевернуть мир – и вот обнаружили точку опоры? – спросил я.

– Да, – улыбнулась княжна.

– Достойная цель... Ну что же... Я еще не готов дать вам ответ, кого именно вы в нас встретили: союзников или нейтралов. Но не противников, это точно. Мы проанализируем ситуацию, посоветуемся... Назначайте время и место, где мы сможем дать вам ответ. Гарантирую, что в течение суток мы воздержимся от акций. Дальше – как получится.

– Хорошо. Место встречи – ресторан «Алазани». Время: четыре часа дня. Вы будете в этом же составе?

– Скорее, с девушкой. Вахтанг, ты не в обиде?

– Мое дело солдатское, – сказал Вахтанг и улыбнулся княжне.

09.06. 19 час. Черемисовская, 40

Днем телефон Феликса не отвечал, а сейчас был занят. Я подключил свой маленький раухер к телефонной сети и заставил его постоянно набирать этот номер, а сам пока занялся просмотром дополнительных материалов по «Пятому марта», которые сегодня достал из тайника Венерт. Я смотрел на снимки и злился. Передача информации – самое тонкое место, поэтому мы стараемся работать максимально автономно. Две трети провалов происходят именно на передаче материалов и информации. И вот база идет на этот риск – и для чего? Чтобы я полюбовался на сцену расстрела генерал-губернатора Египта и его семьи? Четыре снимка, сделанные, кажется, с экрана телевизора – там весь парк был утыкан телекамерами, и что? – и обработанные на раухере. Четкость изображения изумительная... Вот генерал-губернатор под руку с супругой, девочка рядом с матерью, мальчик шагах в трех впереди, а сзади две тени бегущих людей, только тени, самих фигур не видно. Второй снимок: семейство в той же позиции, а теней уже четыре, две сзади и две слева, видны стволы какого-то оружия. Третий: генерал лежит скорчившись, женщина падает на него, раскинув руки, девочка закрывает лицо ладонями, мальчик бежит, оглядываясь на бегу. Четвертый: все лежат, только мальчик

стоит на коленях, к нему подходят двое с автоматами, еще двое стреляют в лежащих. Все. Новых информации нет. Я присмотрелся к террористам: мешковатые комбинезоны, скрывающие все особенности фигур, не понять даже, мужчина или женщина перед тобой; шапочки-маски с затянутыми черной кисеей окошечками для глаз. Оружие: «шмайссер» образца семьдесят восьмого года, калибр шесть с половиной, дульная энергия всего сорок килограммометров, зато – тридцать выстрелов в секунду и магазин на сто сорок патронов; весьма популярен у бойцов спецподразделений; в армии применения не нашел...

Мой аппарат отзвонил: на том конце провода сняли трубку. Оказалась баба Катя. Нет, Феликса Ефимовича нет и сегодня не будет. Что-нибудь передать? Спасибо, ничего.

Стукнули в дверь, я отозвался. Вошел Кучеренко:

– Ну что, пойдём?

– Уже?

– Да, все готово.

Мы прошли через пустой магазинчик и поднялись наверх. У входа стоял «волгарь» образца пятьдесят шестого года, но с новенькой фанерной будкой, обрызганной веселенькой светло-зеленой краской. Будка была сплошь облеплена эмблемами «ЮП». За рулем сидел Венерт. Мы с Сережей залезли в будку.

Весь пол занимала огромная карта Москвы. Цветными линиями были отмечены маршруты трех автомобилей, в которые Сережа вставил передатчики: машины Иосифа, машины княжны и машины, на которой в помощь Иосифу приехали два боевика – одному из них Командор сломал руку и потом долго извинялся: но мы же приняли вас за агентов гепо, вы так странно себя вели... Итак, пока княжна и Иосиф вели с нами переговоры, их машины не стояли на месте: съездили к трем вокзалам – не очень ясно, к какому именно, система давала точность до нескольких десятков метров, – затем к «Алазани» на Пятницкую, потом одна из машин вернулась на Бронную, где подобрала княжну и Иосифа, а вторая ушла в Лосиноостровский парк и долго стояла в ничем не примечательном месте. Третья машина тем временем смоталась в Мытищи, развернулась там, не теряя ни минуты, и направилась тоже в Лосинный Остров, соединилась со второй, и они вместе совершили три ездки между некими пунктами А и Б; на карте в этих местах ничего не было. Потом машина за номером «два» вернулась к «Алазани», а та, которая побывала в Мытищах, пошла к Киевскому вокзалу, простояла полтора часа и тоже вернулась в район «Алазани». Наконец машина, взявшая княжну и Иосифа, отправилась в Лефортово, минут десять простояла на набережной напротив парка – и тоже, как и предыдущие, стала на стоянку гостиничного комплекса на Пятницкой. И вот уже час все три помеченные машины стоят неподвижно...

– Видимо, где-то тут у них штаб, – сказал я. – Это ясно. Но вот эти челночные рейсы... – Я ткнул пальцем в Лосинный Остров.

– Я думаю, выгружали что-то из грузовика и свозили в тайник, – предположил Кучеренко. – Надо будет смотреть и посмотреть.

– Сейчас важнее не спугнуть, – сказал я. – А вот кого они встречали...

– Или провожали. Или сдавали что-нибудь в камеру хранения.

– Хорошая мысль. Ладно. Надо посмотреть, что там у «Алазани». Сходишь?

– А как же.

– Только без малейшего напряжения. Просто посмотреть.

– Хорошо, Пан. И что?

– Ничего. Завтра решим.

– Хорошее задание.

– Угм. Конечно, если найдешь место, чтобы поставить «волгаря»...

– Так бы сразу и говорил.

Я вернулся вниз. Яков спал, уронив голову на пульт. Командор уже пытался отвезти его на турбазу, выкупать и выспать, но Яков уперся, как козел, и никуда не поехал. Так что Командор и Панин играли в шахматы. Девочки с Крупицыными отработывали новые приемы. Гера что-то читал, лежа на надувном матрасе. Похоже, что все пребывали в полной готовности к боям и маршам.

– Народ! – сказал я, встав посреди всего этого безобразия. – Сегодня уже ничего не будет. Приказ – всем развлекаться. Разбрестись попарно. Рассредоточиться по всему городу. Не мельтешить на этом пяточке. И вообще – почему забросили турбазу? Кто там дежурит сегодня?

– Раз начальство так велит... – проворчал Панин и встал. – Ну как, ничья или отложим?

– Отложим, – сказал Командор. – Хотя нет – дурная примета. Ничья.

– Согласен. – Панин смахнул шахматы с доски.

– Гера, – сказал Командор. – Ты остаешься при Якове, карауль его, чтоб чего не натворил. Все. Остальные свободны, сюда не возвращаться, в семь утра быть по койкам. Панин, проследишь.

– Дети они, что ли, – следить за ними...

– Р-разговорчики!..

– Та-ак точно, разговорчики!

– Приеду, проверю.

– Мы уже ушли. Вот нас нет, вот мы далече...

Сашенька остановилась передо мной, наклонила голову, спросила:

– Ты чего такой, Пан?

– Какой?

– Да вот... стукнутый чем-то.

– Нет, это я так мысль думаю.

– Надо, наверное, тебя встряхнуть немного. Хочешь, составлю компанию?

– Давай. Ты, я и Командор.

– Втроем?

– Он мне для дела нужен.

– Хм... Ладно. Он для дела, я для удовольствия. Годится.

– Кстати, пока я не забыл. Завтра мы с тобой идем в ресторан «Алазани».

– Ты меня приглашаешь?

– Можно сказать и так.

– И опять втроем?

– Нет уж, нет уж.

– О-о!

– Так вот.

– А тогда давай и сегодня в ресторанчик завалимся? Пригласишь?

– Но только не в «Алазани».

– В «Марсель».

– Губа не дура. Годится.

– Тогда надень что-нибудь поприличнее. В «Марсель» так не ходят.

09.06. Около 21 час. Набережная Геринга, 11. Ресторан «Марсель»

Солнце садилось во мглу, на полнеба висело багровое зарево, все в розово-сиреневых рубцах высоких облаков, и само солнце, застрявшее между одинаковыми, как бетонные шпалы, «сорокапятками» Пресни, имело цвет остывшего металла, и такого же цвета блики дрожали на воде, и мерещилось, что это от воды веет огненно-кирпичным зноем. Будет ветер, сказала Саша. Она стояла спиной к реке и смотрела в другую сторону. Пан, какой ужас, ты такого не видел, наверное... Я оглянулся. Красно-черно-зеркальные небоскребы проспекта Геринга, и без того бьющие по нервам, сейчас казались раскаленными и накренившимися, падающими

на нас. Ничего себе пейзажик, согласился я. Не для впечатлительных. В далекой перспективе проспекта на фоне густо-синего непрозрачного неба ослепительно белела километровая Измайловская Игла. На двух третях высоты ее перечеркивала черная полоска: обзорная палуба, остекленная поляризованным глянсетом. Именно там будет проходить историческое совещание глав четырех держав... полюс недоступности, подумал я, у фон Боскова неплохие мозги... и тем не менее японские фирмы перекачивают капиталы в Индию, будто план фон Вайля – Толстого сорван. Ну-ну. Оркестр играл что-то из репертуара Виктора Эннса. Кто-то из танцующих подпевал вполголоса. Командор, как в трансе, раскачивался, объяв пышную блондинку. Потанцуем, предложил я. Саша молча направилась к лестнице. На ней был белый с блестками комбинезон, закрытый спереди и с глубоким вырезом на спине. Танцевала Саша легко и гибко, и, если бы не тень ожесточения на лице, все было бы хорошо. Потом мы церемонно раскланялись друг с другом и пошли к нашему столику. Командор приглашал новую партнершу. Я помахал официанту, одетому матросом. Еще два двойных «Бисквита». Слушай, Пан, сказала Саша, а почему ты такой... всегда впереди, на лихом коне? Мы что, тебе неинтересны? Честно? – спросил я. Официант принес заказ. Честно, сказала Саша. Потому что в противном случае я не смогу расхотать вас, когда это понадобится. И поэтому я стараюсь относиться к вам как к фишкам на игровой доске. Спасибо, усмехнулась Саша. Не за что, сказал я. Помнишь, как в парках играют в шашки: по рублю за съеденную? Кто жалеет отдавать, тот и проигрывает. Понятно, опять усмехнулась Саша. Чтобы выиграть, тебе надо быть свободным от жалости... понятно. Да, сказал я, но есть еще один очень существенный момент: я очень люблю выигрывать всухую. Но ты хоть понимаешь, что это ужасно унижительно? – спросила Саша. Понимаю, сказал я, но это меньшее зло, чем... Это страшное зло, сказала Саша, это раздражение, которое копится, копится... когда координатором шел Рыбаков... Я знаю, сказал я, Рыбакова все очень любили, но однажды он проиграл. Ты тоже когда-нибудь проиграешь, сказала Саша. Я пожал плечами. Да, наверное, но не потому, что буду стоять в позе буриданова осла и думать, кого мне не так жалко, – и в результате потеряю всех... Не надо так про Рыбакова, сказала Саша, никто ведь не знает по-настоящему, что там было. Хорошо, сказал я, не буду. На самом деле я знал, как погибла группа Рыбакова, вспомнил, задумался на миг – и Саша не упустила этого момента. Пан, скажи правду: мы играем по форме «сокол»? Соврать я не смог. Да, по форме «сокол». Саша вздохнула. Я так и думала почему-то, сказала она. Это еще ничего не значит, возразил я. Я вас вытащу. Знаешь, в который раз я уже играю по «соколу»? В Иерусалиме, в Бухаре, оба раза в Кабуле, в Тегеране... Про Тегеран я вспомнил зря: там нас уцелело только трое. В конце концов, ВВС от нас еще не отказались... Саша промолчала. Она смотрела куда-то мимо меня. Вернулся Командор. Что это вы такие грустные? – спросил он. Хочешь мой коньяк? – спросила Саша. На, бери. Спасибо, сказал Командор. За удачу. За удачу, согласился я. Давайте съедим что-нибудь, сказал он, тут как-никак, а французская кухня. Ты ешь, сказала Саша, а мы пойдем с Паном еще потанцуем...

Там, где танцевали, пол светился изнутри бледным пламенем, и по пламени лениво бродили, изгибаясь, цветные полосы и пятна. Оркестр заиграл медленный вальс, и пятна, слившись попарно в красно-синие, желто-зеленые и сиренево-оранжевые уроборосы, закружились в танце. Мы прошли несколько кругов и только потом заметили, что никто больше не танцует, все стоят и смотрят на нас. Было неловко в этой толчее взглядов, но мы дотанцевали до конца – и раздались аплодисменты! Золотая пара! – крикнул кто-то. Еще, еще – требовали зрители. Ну вот, сказал я, как бывает... Саша смеялась. Оркестр заиграл снова, и мне показалось, что я упал. «Спит гаолян...» Мы прошли только один круг, больше я не смог. На обзорной площадке мне стало чуть легче. Над культурным центром горела составленная из тысяч огненных точек Эйфелева башня, вокруг которой медленно кружилась надпись: «Всемирная выставка, Париж, 1992». Картина получалась благодаря интерференции пересекающихся релихт-лучей. И в том же темпе, что и надпись, в голове моей кружилось: «Спит гаолян, сопки покрыты мглой...»

В Туве не было гаоляна, но я не мог ничего поделаться с собой. Красиво, сказала Саша. Что – красиво? – не понял я. Все вокруг. Посмотри. Я посмотрел. Было много света и бегущих огней, много выдумки и вкуса. Тихо вокруг... Вода в реке теперь отливала холодной ртутью. Что-то не получается, да? Что-то не так? Да, не так, сказал я. Все не так. Не грусти, сказала Саша, все мы – только покойники в отпуске, а отпуска тем и хороши, что кончаются когда-нибудь. Не грусти. Давай поедем куда-нибудь, где никого нет. Хочешь, я сделаю так, что ты все забудешь? Хочешь? Ты же... – Я замялся. Глупый, сказала Саша, вот в этом ты ничего не понимаешь, поэтому просто доверься знающему человеку. А? Вообще-то, сказал я, мы и движемся сейчас к такому вот мероприятию... Это я поняла, сказала Саша, поэтому и хочу... ведь то будет потом, а пока... тут наверху есть комнаты, я знаю... Метрдотель-капитан поднял глаза к потолку, я дал ему четвертной билет, билет исчез, по винтовой лестнице на третий этаж, скажите, от Валентина, приятного отдыха... Не зажигай, не надо, попросила Саша, смотри, как светло: за окном горела, пылала Эйфелева башня, и кружилось вокруг: на сопках Маньчжурии воины спят, и русских не слышно слез... пусть гаолян навеет вам сладкие сны... меня стянуло в комок, и Саша все поняла, задернула шторы, зажгла свечу, в свете свечи комната съжилась, и только зеркало черной пылью... спите, герои русской земли... бедный ты мой, бедный, шептала Саша, там было очень страшно?... отчизны родной сыны... страшно, сказал я, но это не главное, это не главное, это можно пережить... я не мог сказать того, что хотел: стыдно, или: противно, или: сам себя презираю... это застряло во мне, и тогда я сказал: я там умер.

Год 2002 Михаил

26.04. 19 час. Константинополь. Площадь Каракёй, ресторан «Азич»

Говорят, «Азич» стоит на крыше утонувшего в земле византийского дворца. И все залы и комнаты дворца – теперь подвалы этого ресторана. Будто бы там иногда... для особо посвященных... но тсс! Никому ни слова!.. Не знаю, не знаю. По-моему, в этом городе нельзя скрыть ничего. То есть нет: скрыть можно. Но об этом все равно будут знать все.

Так или иначе, благодаря ли невероятным подвалам или особой конфигурации стен, но акустика там хороша, а потому и музыка в «Азиче» исключительная. В этом зале любят выступать приезжие, но и собственный ресторанный оркестрик никому не позволит заткнуть себя за пояс. Сюда приходили не столько пить и есть – хотя и без этого не обходилось, – сколько слушать музыку и танцевать до утра.

Когда мы вошли, как раз играли «Ночь после долгого дня», свет был приглушен, пары покачивались, Керем душу вынимал из своей гитары и тянул: «...все, что уйдет со мной... все, что со мной... все, что уйдет...» Мы нашли свободный столик и сели. Подошел кравчий со своей тележкой. В «Азиче» вообще не подавали вино в бутылках, только в кувшинах и только из своих бочек. Бокалы здесь были огромны: литое зеленоватое стекло. Их можно было потом взять с собой как сувениры. Мы попросили «Черные глаза», по обычаю слили первые капли на пол. Я махнул полбокала залпом, вкус пыли изо рта исчез. Зойка пила мелкими глотками, озираясь в поисках знакомых.

– Посмотри, – сказала она, – какое платье.

Я посмотрел. Платье было ничего себе. На эстраде Керем вытягивал уже совершенно нечеловечески: «...И никогда не зови то, что ушло со мной... то, что ушло со мной... то, что ушло... ты никогда не зови...»

Глаза только успели привыкнуть к полумраку, как свет набрал силу, Керем громко выдохнул: «Антракт – двадцать минут», танцующие побрели к столикам. За соседний с нами села чуть знакомая компания, три парня и две девушки, я их не знал по именам, но помнил лица; они были с факультета журналистики. У них тут же возобновился прерванный танцем разговор.

– ...Слова «позор» я употреблять бы не стал, но что-то от позора во всем этом есть...

– ...Совершенно никакого этического наполнения. Это вообще лежит вне плоскости этики. Вопрос качества работы. Все равно что строгать доску...

– ...Чуть иначе. Этично ли быть богатым, когда существуют бедные? Наслаждаться жизнью, когда кто-то не очень далеко – на соседней улице – не может позволить себе лишний кусок хлеба? Этично? Справедливо?

– Нет. Но...

– Но именно отсюда методом последовательного приближения мы выведем: «Любое богатство несправедливо» и «Грабь награбленное». Так или нет?

– Об этом я и пытаюсь сказать – и если бы меня не перебивали постоянно...

– Ты очень долго пытаешься это сказать. А по-моему, когда чья-либо хорошая работа сама по себе приводит к этически провальному результату, следует усомниться в самих принципах этой работы.

– Ого!

– Ого. И тем не менее: именно благодаря блестящей работе видеорепортеров война, кровопролитие, смерть превратились в спортивное состязание. Ты за кого болеешь: за японцев или за немцев? И так далее...

– Мальчики, дайте я скажу...

– Молчи, женщина. Видишь: мужчины спорят. Мысли делят. Не каждый день. Явление.
– Нет, вы все правильно говорите. Но – что взамен?
– Не знаю. Но мы потакаем смертному греху: любопытству. Причем, как правило, праздному любопытству. И это повод пораскинуть мозгами.

– Я понял. Ты хочешь перевестись на другой факультет и готовишь речь перед деканом.
– Я не хочу переводиться. Я люблю эту работу. Я ее делал уже и буду делать. Но сомневаться...

– Вкладывать персты в раны.

– Да нет никаких ран! И Христа тоже нет перед нами, вот в чем беда...

Так они могли до бесконечности. Они – и еще философы.

Подошел официант. Зойка заказала долму, и я тоже заказал долму. Мне было все равно, что есть.

Тедди не появлялся и не звонил.

– Вот такой он, – сказал я.

– Да. – Она развела руки, будто выпускала птицу. – Я уже обратила внимание.

– Тебе налить еще?

– Налей. Очень хорошее вино. Здесь оно всегда хорошее. А что у тебя все-таки случилось дома?

– Ничего особенного. Не хочу мозолить матери глаза, вот и все. После... нет, все это чушь. Все это чушь, Зойка. Jazz. Все это jazz. Пойдем потанцуем?

– Мне нужно съесть вот это. А это выпить. Иначе из меня танцор как из мыла затычка. Зря ты не собираешь антикву. Этот кувшин очень украсил бы твою комнату. Давай я тебе его подарю.

– Он будет очень глупо смотреться в каюте.

– Он будет замечательно смотреться в каюте! Ты просто ничего не понимаешь в таких вещах.

– Тогда подари, – сказал я.

– Вот, – сказала она. – От всего сердца.

– Спасибо...

Мы доели долму. Порции были небольшие: чтобы не перегружать танцоров. Если вы хотели здесь именно поесть, надо было предупредить официанта, и тогда принесли бы настоящие порции. Как полагается, мы посидели несколько минут неподвижно и выпили еще по полбокала «Черных глаз». Вернулся оркестрик, вышел Керем. Они заиграли «Скорый поезд опаздывает навсегда».

– Пойдем?

– Пойдем... – Я встал, подал Зойке руку.

– Уже легче? – спросила она потом.

– Да.

– Это пройдет. Это всегда проходит.

– Сложно мы живем, – сказал я.

Тедди так и не пришел. Мы прождали его до десяти. Зойка больше со мной не танцевала, ее подхватили ребята-журналисты. Я сидел, медленно пил вино и медленно пьянел. Становилось все жарче. На всякий случай (вдруг мне не захочется возвращаться?) я оставил на столе десятку и отошел к выходу покурить. Здесь была маленькая выносная стойка для таких, как я, или для тех, кто просто проходит мимо. Таких было много. Я как-то пытался обойти за вечер все рестораны, ресторанчики, кофейни и подвальчики на Каракёй, но у меня ничего не получилось. Было очень светло, отовсюду неслась музыка. В пивной «Медведь» хором пели

немцы. Две полицейские машины стояли посередине площади. Наряды скучали. На Каракёй редко что-либо происходило.

Медленно проехала извозчичья пролетка. В ней стоял Ганс Айсман, знаменитый комик, и что-то произносил в пространство. Его облепили четыре девушки. Он возвышался над ними, будто выныривал из волны.

Мне остро захотелось искупаться. С наступлением темноты совсем не посвежело, даже наоборот. Возможно, близилась гроза.

– Хотите стаканчик, эфендим? – предложил бармен за выносной стойкой. – Чем возвращаться в темень и духоту – смотрите, какое небо!

Я посмотрел. Неба не было видно совсем.

– Давайте, – согласился я. Напьюсь. – Ваше здоровье, эфендим.

– И ваше, и всех ваших близких...

Стаканчик был мизерный, но виноградная водка в нем – очень крепкая. И очень ароматная.

Потом я вернулся. Скулы у меня одеревенели. Зойка сидела за столом журналистов. Кто-то еще подсаживался. Она, как всегда, стягивала народ.

– Хочешь потанцевать? – спросил я одну из отодвинутых журналистских девочек.

Она согласилась. Ее звали Тина. Она приехала недавно из Симферополя.

– Зоя с вами? – спросила она.

– Скорее наоборот, – сказал я.

– Вот как?

– Да. Я ее раб... – Я врал, но даже как-то не слишком врал. По-настоящему соврать не получалось. – Я проиграл ей два месяца личной свободы.

– Проиграли?!

– В карты. Она слишком хорошо играет в карты. Я не знал. Не думал, что так вообще можно играть.

– А... э-э...

– У нее есть друг. Если вас интересует именно это. Он скоро придет сюда и разрушит ее чары.

– А у вас? Кто-то есть тоже?

– Не знаю. Кажется, нет.

– Разве можно этого не знать?

– Иногда так получается. Вот у вас – есть?

Она оглянулась через плечо.

– Кажется, я вас понимаю...

– Нет, – сказал я. – Вовсе не то, что вы подумали.

Год 1961 Зден

31.08. 20 час. 45 мин. База «Саян». Ракетный капонир

Я не сразу понял, что именно вижу перед собой, и с минуту, не меньше, всего лишь тупо всматривался в открывшуюся мне картину. Перед глазами была зеленого цвета заиндевевшая металлическая стена в строчках точечных сварных швов, в стене зияли люки, к люкам тянулись разноцветные шланги, вздрагивающие от внутренней пульсации. Висели гроздь проводов. В промежуток между концом трубы, из которой я очень осторожно высовывался, и зеленой стеной – неширокий такой промежуток, рукой не дотянуться, но не дотянуться совсем чуть-чуть – слева врезался безумно белый свет. Пар от дыхания пылал в этом свете... Я лежал и смотрел и пытался понять, что же я перед собой вижу такое странное и что вообще мне дальше делать. Наконец дошло: это была ракета, но не лежащая в лотке на спине транспортера, как ей положено, а стоящая вертикально, в позиции готовности к пуску. Я понял это и внезапно успокоился.

Сзади меня тронули за сапог. Капитан. Отлично.

Я высунулся до плеч и огляделся. От трубы вниз шел ряд железных скоб, окруженных крупноячеистой предохранительной сеткой. Точно такая же лесенка вела и вверх. Я перевернулся на спину, взялся за скобу над трубой – она была мертвенно-стылой – и осторожно вытянул свое тело наружу. Отцепил от ноги тросик. Передвинул кобуру со спины на живот. Проверил, как ходят в ножнах ножи. Сумку с автоматом, гранатами и патронами оставил пока в трубе: капитан спустит.

Скоб оказалось двадцать четыре. Они оканчивались метрах в двух над полом. Я повис на последней и носками ботинок дотянулся до бетона.

Теперь можно было осмотреться.

Ракета покоилась не на полу, а на массивном треножнике, выкрашенном в красный цвет. Нижний край ее дюз, черных снаружи и золотистых изнутри, находился на уровне моего плеча. Под дюзами лежала решетка, закрывавшая широкое отверстие в полу. Похоже, что называемое мною «полом» было всего-навсего нешироким выступом, круговым балкончиком над еще черт знает какой бездной...

Из дюз в эту бездну медленно тек, клубясь, рыжеватый пар. Обросшая густым инеем труба выходила оттуда, из бездны, и поднималась вверх. Свет прожектора не позволял увидеть, где и как она там соединялась с ракетой.

Не вызывало сомнений, что людей здесь, кроме нас, нет.

Было вроде бы не шумно, но как подошел капитан, я не услышал. И в разговоре приходилось почти кричать. Из-под респираторов речь звучала гнусаво. От дыхания образовывался густой пар. Здесь было, наверное, минус десять. Без ветра.

– Вот кое-что и встало на места, – сказал капитан. – Потайная пусковая установка. Прямо из-под земли. Остроумно, ничего не скажешь...

– Будем взрывать? – предложил я.

– Ну, судя по шлангам, они ее еще не заправили, – сказал капитан. – Думаю, где-то рядом должна быть еще одна такая же. Та может оказаться в большей готовности. Вообще-то, я бы предпочел ничего не взрывать, а захватить пост управления. Как вы на это смотрите?

– Было бы нас человек двадцать...

– Суворов Александр Васильевич нас как учил?

– Правильно учил: после бани укради, но выпей!

Капитан хмыкнул. Спустился Поротов. Он был только в респираторе, без очков. Подал нам наши сумки.

- Все, Вася?
- Все. Костя пытался, но сразу застрял. Выволокли за штаны.
- Наденьте очки, курсант, – сказал капитан.
- А давайте-ка мы ее все-таки заминировем, – сказал я. – Мало ли что.
- Резонно. Действуйте, прапорщик.

Поротов посмотрел на меня, значительно покачал головой и чуть подмигнул. Вынул из кармашка изолирующие очки, натянул. Теперь мы все были неотличимы.

Я подлез под ракету. Здесь было тяжело дышать даже в респираторе. Быстро, как мог, впрессовал десяток брикетов «МЦ» в какую-то нишу рядом с двигателями, а потом в этот пластинин вдавил противопехотную мину «Гвоздь». Снял колпачок и тихо-тихо выполз из-под ракеты. «Гвоздик» – мина слабая, ранящая. Их никогда не извлекают, потому что они чрезвычайно чувствительны. Это их достоинство быстро переходит в недостаток: они детонируют даже от слабых сотрясений – скажем, от проходящего метра в десяти танка. Когда заработают двигатели ракеты... или если кто-то не в меру добросовестный заглянет сюда...

Двигатели оторвет к чертовой матери. Топливо полыхнет. Я даже не в силах представить, как оно полыхнет. Бог его знает, есть ли другие каналы отвода пламени (наверняка есть, и наверняка в ту же самую шахту, только ниже), но и в трубу, по которой приползли мы, дунет как следует.

Простите, ребята...

Капитан протянул мне автомат. Я повесил его на шею и стал прилаживать боевой пояс. Это такой нагрудник на ляпочках с широкой стальной пластиной, по идее защищающей сердце, карманами для магазинов и подвесками для гранат.

Я только-только закончил это делать, как в стене шахты – вернее, в железных воротах, отделяющих ее от каких-то соседних помещений (как-то же они втаскивали сюда и устанавливали эту ракету... даже если и по частям), открылась маленькая овальная дверца с кремальберой, и в шахту вошли двое в темно-серых комбинезонах и немецкого образца противогазах. Наверное, секунды три или четыре они не замечали нас...

Схватка была короткой. Теперь Поротов растирал ушибленную кисть. Один из «серых» был мертв (сдуру схватился за пистолет), а второй покамест не пришел в себя.

– А вы заметили, что стало тише? – спросил капитан.

Пожалуй, он был прав. Все еще что-то гудело, но уже не так многогласно.

– Заправка закончилась, – предположил Вася. – Наверное, эти ребята должны были отсоединить шланги.

– Боюсь, мы не сумеем их заменить на этом благородном поприще, – сказал я. – Не слишком ли сильно ты ему вмазал?

– Как мог, – сказал скромный Вася.

В ранней молодости он был очень известным боксером-мухачом, метил в профессионалы, выступал в подпольных боях с тотализатором – но однажды его хитрым образом подпоили, и очнулся он с разможенными запястьями. С тоски он и подался в провизоры, в семейное дело.

– Желательно отсюда уйти, – сказал капитан. – И – не переодеться ли нам?

– Там темно, – сказал я. – А без света не отличить – зеленый ты или серый.

– Возможно...

Он открыл дверцу, посмотрел. Сделал приглашающий жест. Я вздохнул, подхватил языка (пока еще совершенно бесполезного) на плечо и шагнул вслед за ним. Вася прикрывал.

Здесь были одни, а через десяток шагов вторые ворота. Тамбур, высокий и широкий. Мостовой кран под потолком. Пожалуй, теперь понятно, как устанавливали в шахте ракету. К тому же пустая ракета, очевидно, весит не так уж много.

За вторыми воротами открывался... я бы сказал: ангар. Если без трибун, то футбольное поле вполне можно было разместить на этом пространстве. Разве что мешала бы игре шеренга колонн посередине...

Четыре гусеничных транспортера «геркулес» стояли в два ряда носом к выходу. Ракеты с тянущимися к ним из-под земли трубами как-то очень внушительно лежали в лотках. Мерное гудение насосов здесь казалось тихим, бархатным. Конусы света упирались вершинами в высокий потолок. Белесый туман окутывал ракеты, медленно сплывал вниз.

И – никого.

Мы стояли и смотрели на это. Кадр из кино. Происходит не с нами.

Не бывает.

Язык дернулся и застонал. Потом его вырвало в противогаз. Я опустил его на пол и сорвал маску.

Во всех смыслах.

Да, Зденек. Ты совсем утратил чутье. Носил на руках и ничего не понял. Умотала тебя война.

Женщина.

– Капитан, – позвал я.

Он секунду раздумывал.

– Кляп. И вперед. Все равно – только вперед. Иметь глаза на затылке...

Первый мертвец попался нам у самого входа в туннель. Он лежал в тени, и лишь краем глаза я успел заметить его. У меня вообще сумеречное зрение очень неплохое, а сегодня, очевидно, со страху включились и все резервы.

– Сюда!

Мужчина лет тридцати, с бородой. Все в том же сером комбинезоне. Глаза страшно раскрыты. Убит ударом ножа под лопатку. Судя по разрезу – очень широкое обоюдоострое лезвие. Я приложил свой нож. Да, совсем не то.

– Так... – Капитан нагнулся над ним и тут же выпрямился. – Все страньше и страньше.

– Вон еще, – сказал Вася.

На пути к бункеру нам попало шесть мертвецов.

– Это не нож, – вдруг на ходу сообщил Вася. – Это копьё. Саатанг. Я видел такие.

– И где же?

– В Африке. Когда служил действительную...

– Как ты мог действительную служить в Африке?

– Не всю, конечно. Но в Абиссинию нас посылали.

– Не болтать! – распорядился капитан, и Вася немедленно прекратил распространять секретную информацию. У него даже глаза стали оловянные. Хотя капитан просто призывал нас к тишине и повышенному вниманию. Но мы, кажется, уже перешагнули в себе какой-то порог.

Огромное подземелье было кем-то тщательно обезлюжено. Это было странно. Более чем странно.

В бункер нас вез бронированный лифт. На случай отключения электропитания лифт был снабжен ручной лебедкой. Я представил себе, как придется ее накручивать, чтобы поднять на свет божий такую тяжесть...

В бункере было как на скотобойне. Даже не сразу поймешь, сколько тел. Расчлененка. Кто-то лупил в упор из чего-то скорострельного. Как бы не из чешского «брабеца». Весной на вечерних стрельбах нам его показывали. Калибр шесть и тридцать пять, вращающиеся стволы, ленточная подача. Пятьдесят выстрелов в секунду.

Я еще по наивности подумал тогда: зачем столько?..

– Вот этот мне знаком, – сказал капитан. Голос его (со странной интонацией; и я вдруг подумал, что капитану приходится прилагать немалые усилия, чтобы сохранять самообладание) доносился как будто издалека. – Если не ошибаюсь, бывший полковник Русского территориального корпуса Юрий Давыдович Меретин, он же Августин, он же Зильбертодт, он же Тополь. Легендарнейшая в своем роде личность. Кхама, Шошонг... Расцвет карьеры – Вторая бурская война, пятьдесят седьмой год. Классик диверсионной работы. Изучал его деяния в академии, так что – польщен, крайне польщен...

Я свалил свою ношу в угол и сел сам. Поспешно натянул респиратор. Но кажется, и сквозь фильтры пробивался незабываемый запах.

– Она приходит в себя, – сказал Вася.

– Меня не интересует, кто вы, сколько вас и каковы ваши цели, – сказал капитан. – Просто постарайтесь понять, что вы уже проиграли. Ракеты заминированы. Достаточно одного неловкого движения, и все взлетит на воздух. Мои люди контролируют ситуацию. Я представляю здесь контрразведку округа и готов дать любые гарантии, что все вы будете в целостности и сохранности доставлены туда, куда пожелаете. Хоть на Каймановы острова. Вы меня поняли? Если поняли, кивните.

Кивок. В глазах, однако, только ненависть.

– Выньте кляп, прапорщик.

Развязываю тесемки, выдергиваю мячик. Громкий чпок, как при откупоривании бутылки.

– Боже, – хрипит она, – боже, боже... Как вы сюда попали? И... где Шмель?

– Ваш спутник?

– Да. Где он?

– Мергв.

– Вы... убили его? Вы? Господи, что же... да вы все ногтя его не стоите, ногтя! Что же вы наделали, сволочи! Теперь все пропало, вот теперь все по-настоящему пропало...

– Замолчите. И – быстро: кто вы? Откуда? Гепо? Курои-тебукуро? Си-ай-эй?

– Что? А... Нет. Это не важно. Подождите... да помогите же мне встать.

– Нет, леди, вам придется встать самой. Я не хочу давать вам шанс. Если это вы разобрались с теми, в коридоре...

– Да, я! И с этими ублюдками тоже! Я и Шмель! У нас уже все было в руках, все сделано, и вдруг ниоткуда, из ничего возникают три дебила...

– Врете, леди. У вас не было в руках того оружия. Есть кто-то третий? И – повторяю: кто вы?

– Я не смогу объяснить быстро, а на подробности нет времени. Ладно... – Она тяжело поднялась. Левая сторона лица ее покраснела и оплыла, глаз уже не смотрел. У Васи хорошо поставлен удар... – Нет никого третьего. Просто внизу живых не осталось. Вот Шмель и бросил алебарду. Чтоб не мешала. А в «брабеце» кончились патроны... Дура, надо было догадаться, что какие-нибудь козлы просочатся в щели. Не догадалась. Все. Та-ак... – Нагнулась над пультом, капитан сделал мне знак: не мешай. – Ни черта не выйдет. Тополь запустил программу. До первого пуска тридцать четыре минуты, до второго – час двадцать. Хотела бы я знать, где он взял коды...

– Это как раз можно выяснить, – сказал капитан. – Но сейчас нам нужны коды отмены.

– Нам много чего нужно...

– Вы их знаете?

– Откуда? Откуда я, едрена мать, могу знать это? Никто не удосужился мне их сообщить...

– Зден Рышардович... – перебил ее капитан. – Попробуйте что-нибудь сделать.

Я уже думал вовсю. Мозги военных кибернетиков устроены одинаково, и нет разницы, как называется то, на чем (или над чем) они работают: вычислитель, компьютер, рико-на хако или «курильщик» (который на самом деле, конечно, «счетное-автоматическое-универсальное-помогающее-одно-устройство»; просто аббревиатура звучит как «курильщик» и пишется почти так же: RAUHER). С военными вычислителями мне регулярно приходится иметь дело, и не могу сказать, что я хотя бы раз получил от этого удовольствие. Тупые и упорные в своих намерениях машины, такие же программы... чего, впрочем, не скажешь об авторах программ. Будем хотя бы справедливыми.

Так. Все забыли. Нигде никого и ничего нет.

Сам вычислитель, надо полагать, для нас сейчас недоступен. Он или под полом, или за стеной, за бронированной дверью... а даже если и под пультом (я слышал, есть такие маленькие) – прикасаться к нему опасно. По самым очевидным причинам. Если вывести из строя центральный вычислитель или прервать его связь с ракетами, те переходят на полностью автономный режим. Я не знаю, какая именно у них программа, но вполне может стать, что параноидальная. То есть вплоть до самоподрыва. Поэтому забудем о вычислителе. Перед нами пульт. Девяносто шесть клавиш. Американский стандарт. На наших сто девять. Явный перебор. Зеленый экран, по которому бегут два ряда белых чисел. С пульта отдается команда на маленькие и еще более тупые вычислители самих ракет.

Коды вводятся магнитным способом – просто нажатием клавиш. А могло ведь и с помощью перфокарт. Вот было бы весело...

Думай, обезьяна.

Тополь – террорист – знал коды запуска. По идее, их мог знать только президент. И начальник штабов. Даже наш знакомец, командующий базой, знать их не должен. В действительности, конечно, их знает несколько десятков человек – всякие техники, программисты, криптографы...

Не о том думаешь.

Да. Это коды пуска. Коды пуска совершенно секретны. Но коды отмены должны знать и на базе. Из самых общих соображений. Уж этот хренов генерал – точно...

– Господин капитан! А не попробовать ли нам позвонить американскому президенту и прямо у него спросить коды отмены пуска?

– З-зараза... поймет ли он мой английский?

– Я могу перевести.

– Ну так звоните сами, – сказал капитан с каким-то непонятным облегчением.

Красная трубка в гнезде. Судя по весу и прохладности – металл. Никаких кнопок – зуммер в наушнике должен звучать сразу. Горячая линия.

Тишина.

– Связи нет, – сказала наша... пленная. – Тополь велел перерубить кабель.

– Перерубить? Когда?

– Рано утром. Почти сразу.

– А с кем же тогда?.. – Капитан замолчал. Все было и так предельно ясно – с кем. С дядей Федей... – Вообще какая-нибудь связь с внешним миром оставлена? Радио?

– Думаю, что нет. Тополь – он... был... сумасшедший. Ему казалось, что... что по телефону или по радио можно отдать такой приказ... ну, которому человек не в силах сопротивляться. Он всегда уничтожал все линии связи.

– Которая ракета стартует первой? – спросил я. – Та, к которой вы шли? Где мы вас взяли?

– Да.

– Ну что ж... Даже если ничего не получится, она взорвется, когда заработают двигатели. Вряд ли американцы такие идиоты, чтобы не обеспечить защиту боеголовки при аварийном старте... – Это я говорю только для того, чтобы успокоить себя. Чтобы перестали дрожать руки.

Хотя, скажите мне, какая разница – сгореть в атомном пламени или в керосиновом? Или как там называется эта дрянь, что налита в баки? Но вот поди ж ты...

Все, меня нет.

Думай, обезьяна, думай....

Двадцать пять минут.

– На что вы рассчитывали? – спросил капитан где-то вдали.

– Шмель намеревался вскрыть компьютер ракеты и перепрограммировать его. Он знал, как это делается.

На это нет времени, подумал я. Пожалуй, ни на что уже нет времени. Даже чтобы удрать...

Будем надеяться, что просто рванет топливо.

Ребята сгорят там, в шахте. В камере.

И мы, вполне возможно, сгорим здесь.

Забыл об этом. Раз... два... забыл.

Пароли отмены. Должно быть что-то очень простое.

Как огнетушитель. Понимаете? На случай внезапного нежданчика. Перевернул, штырем об пол...

Двадцать четыре.

«Скажи пароль? – Пароль. – Проходи...»

Старый анекдот.

Что-то очень простое. Известное всем. Чего нельзя забыть. В горячке, в аварии. Что вот оно – протяни руку...

Вашингтон. Линкольн. Эйзенхауэр.

Нет. Это все агрессия, нападение.

Символ сдержанности —?..

Какой-нибудь индейский вождь?.. Ой не знаю. Вряд ли.

Думай, обезьяна.

Думай.

Отмена. Символ отмены. Ну? Самое простое.

Стоп. Вот оно – рядом. Чувствую...

Скажем, из истории: сорок первый год, «Ниитака-яма агате е кудасай» – и следом: «Хана га саку, хана га саку...» И эскадра адмирала Нагумо разворачивается на запад, домой, бомбардировщики сбрасывают бомбы в море и на последних каплях бензина садятся на палубы авианосцев...

Нет. Малоизвестный эпизод несостоявшейся войны.

Сейчас... проблеск...

Вот оно! Сорок шестой год. Последняя попытка Германии продвинуться на восток – и осязаемое желание Сибири (с Америкой за спиной) подраться с давним врагом. До сих пор спорят: а что было бы, если?..

Силы сторон примерно равны, танки на рубежах атаки, бомбардировщики посменно дежурят в воздухе, шестьсот Б-29 перелетают в Сибирь и размещаются на аэродромах, американская и канадская пехота выгружается во Владивостоке...

«Слово Твердо» – сигнал отмены всяческих военных приготовлений. Две недели жуткой балансировки на грани столкновения, две недели паузы в переброске мобильных американских соединений в Сибирь – генералы седели, кто-то даже застрелился, чтоб не мучиться... две недели нечеловеческой сдержанности... и – секретный прилет Геринга в Томск, быстрые переговоры...

Двадцать две минуты.

Так. «Ввод».

«Знаете ли вы пароль?» – «Да».

«Введите пароль».

Рука трясется.

«Слово Твердо» – латинскими буквами. «SLOVO TVERDO».

«Пароль принят».

Дружный ах за спиной.

«Отменить программу активизации взрывателей боеголовок?»

«Да».

«Программа активизации взрывателей отменена. Отменить программу запуска?»

«Да».

«Для отмены программы запуска введите специальный дополнительный пароль».

Так... Я вдруг понял: финита. Исчезает воздух. Я выдал все, что мог. Мозг отжат. Сухое вещество.

Команда на пуск поступит. Тут же рванет моя бомба, и десяток тонн жидкого огня наполнят подземелье. А потом – еще сто тонн...

Мы уцелеем. Наверное. Скорее всего. На пожар бункер должен быть рассчитан. Но...

Я оглянулся. Будто хотел что-то увидеть. Только забыл, что именно.

Карта на стене. План базы: капониров, аэродрома, городка...

– Капитан... Овидий Андреевич...

– Что? – бледен.

– Посмотрите сюда. Туннель – видите? Ведет от капониров к административному корпусу городка. Когда ракеты рванут, все пламя будет там. Нужно закрыть вот эти ворота. И если успеете, вот эти.

Он невыносимо долго всматривается в план.

– Да. Вы... будете продолжать?.. – Кивок на пульт.

– Есть смысл попытаться.

– Тогда... ни пуха.

– К черту.

– Я... восхищен вами. Даст Бог... Курсант, за мной.

Масляно закрывается тяжелая дверь. Крутится кремальера – нас заперли снаружи.

Забота...

Зашумел, поднимаясь, лифт.

Остаемся вдвоем с... пленной? Какая уж она пленная...

Забыли.

«Хана га саку».

«Пароль неверный. Введите правильный пароль».

Ах, черт... Откидываюсь на спинку. Просто слышно, как трещат мозги. Надо сказать, это очень больно.

Отмена... отмена пуска ракет... Вот они стоят частоколом, и запальщики с длинными факелами в руках – ждут команду. «Товьсь... пали!» Но в последний момент: «Отставить пали!»

Нет, конечно. Это слишком примитивно.

Хотя... Ввожу: «Отставить».

«Пароль неверный. Введите правильный пароль».

Попробуем. Ввожу: «Правильный пароль».

«Пароль неверный. Введите...»

– Не хотите развлечься? У меня пропало вдохновение.

Встаю. Она смотрит, то ли не понимая, то ли понимая неправильно. Для наглядности – указываю ей на креслице.

– Ах, вы об этом... – Качает головой. У нее короткая стрижка и светло-каштановые волосы. Этот цвет имеет какое-то свое название, но я его забыл. – Вряд ли от меня будет толк. Шмель бы... да.

– Поскольку нет гербовой, пишем на пипифаксе. Попробуйте, мы уже ничем не рискуем. Я пуст, как дирижабль. – И добавляю улыбку.

Она смотрит на меня очень странно, да я и сам чувствую себя странно. Меня ведет вбок, я хватаюсь за пульт и кое-как удерживаю тело на ногах. Все пробковое.

– Дерзайте, – говорю я. Голос чужой и доносится черт знает откуда.

Она садится.

«Пасифик».

«Пароль неверен. Введите правильный пароль».

В углу экрана возникает число 1000. И тут же – 999... 998...

Шестнадцать минут.

«Слово Твердо».

Молодец, я не сообразил, что может быть дубль.

Нет. «Пароль неверен...»

Что-нибудь библейское. Это же американцы...

Оглядывается на меня. Я сказал вслух? Не заметил...

«Авраам».

«Пароль неве...»

«Исаак».

«Пароль...»

«Десять праведников».

«Пароль неверен. Введите правильный пароль. У вас осталось три попытки».

919... 918...

Помяни царя Соломона и всю мудрость его, помяни царя Давида и всю кротость его...

Стишки из американских хрестоматий. Каждый должен знать... Кто там? Братец Лис?

Никого больше не знаю.

– Я... не могу...

Тишина давит.

Я тоже не могу. Три попытки. 700... 699...

Отменил. Удержал. И тем прославился. Кто?

Мог, но не сумел – Понтий Пилат.

«Понтий Пилат» – появляется на экране. Чтение мыслей? Все может быть при таком напряжении.

«Пароль неверен...»

Заикнулись на Библии. Что может быть еще? Детские стишки (которых мы не знаем), строчка из национального гимна, исторический персонаж... герой анекдотов... фильмов...

Стоп. Первым паролем был сигнал, не допустивший рецидива мировой войны. Символ. Но были и конкретные люди, подавшие и принявшие этот сигнал. Геринг, Сальников, Тагуэлл, Тодзио...

Две попытки, да?

– Попробуйте «Тагуэлл», – шепчу я.

Она не слышит. Снимаю маску и повторяю. Жуткий смрад. Сырое мясо, кровь, дерьмо.

Она набирает... Смотрю на экран: 110... 109... 108...

«Пароль принят».

Цифры перестают мигать и замирают: 101.

«Отменить программу запуска?»

Она смотрит на меня, и глаза ее...

– Просто скажите «да». Не надо меня пока обнимать...

«Да».

«Программа запуска отменена. Начать слив топлива?»

Не успеваю сообразить. А сообразив, не успеваю крикнуть.

«Да».

Команда уходит на исполнительные органы. Где-то метрах в трехстах от нас за толщиной грунта и бетона начинаются переключения контактов, останавливаются одни насосы и стартуют другие, и вот сейчас...

Леди в сером медленно встает из-за пульта. Она, кажется, тоже все поняла. Поздно.

Там, далеко, срабатывают клапаны высокого давления. Струя сжатого азота идет на лопатки турбины. Экстренный слив топлива осуществляется тем же насосом, который питает двигатель. Турбина набирает обороты, и вот частота ее вращения попадает на короткое время в резонанс с корпусом. Вибрация, дрожь...

Звук взрыва не доходит, но пол доносит далекий удар. Какая-то жуткая пауза. Мы вцепляемся друг в друга. И – нас сплющивает безумным ревом, бьющим отовсюду. Когда-то меня, мальчишку, такие же – чуть постарше – идиоты засунули в железную бочку и стали в десять рук колотить по ней досками и кусками труб. Такая была игра...

И сейчас кто-то, глумясь, встряхивал нас в коробочке вперемешку с пятью или шестью разодранными на куски покойниками...

Я не знаю, как долго это продолжалось. Погас свет и загорелся вновь, уже другой, желтый. Что-то мигало на стенах, на пультах...

Ударило еще, еще и еще. А потом... Вот потом ударило по-настоящему.

Год 1991 Игорь

10.06. Около 08 час. Улица Гёте, 17, кв. 3

Я проснулся, как всплыл – не помню откуда, не помню, что там было, но именно всплыл: с радостью, с облегчением, хватая ртом воздух... все было родное, свое: и помойка во рту, и свинцовые шарики позади глаз, и восприятие действительности, откровенное, как мат. Но – родное, свое. Только здесь, в России... Я даже не пытался вспомнить, что видел во сне. Вылез оттуда – слава Аллаху – без потерь, и вовсе я не желаю знать, что было бы, продлись очарование... обкурился, понял я, обкурился, как пацан. Шторы сочлились светом. Уже день? Ох как не хочется поднимать голову... поднял. Так... отдохнули, отвязались... расслабились. Пейзаж после битвы: пустые бутылки и бокалы, целые и битые, окурки и сигареты россыпью, чулки, мусор; в углу опадает надувной фаллос ростом с крокодила. И тела, оттрепетавшие: Командор в позе подстреленного на бегу – и вокруг, как обрамление, переплетаясь и приникнув, молочно-белая Криста, бронзовая Сашенька и черная Анни, – и я на периферии, выброшенный центробежной силой за пределы райского сада, но зато я могу тихонечко, никого не тревожа, спустить ноги на ковер и осторожно, стараясь не наступить на битое стекло, пробраться в ванную и там, встав под душ, предаться обливанию сначала горячей, потом холодной, потом опять горячей... блаженство, господа, подлинное блаженство... Кое-как обтершись крошечным полотенцем, я вернулся в гостиную и встал у окна.

Солнце, висящее весьма высоко, припекало даже сквозь стекло. Свет его был неприятный, режущий, как край жести. Я хотел отойти, вернуться в уютный полумрак за красными шторами, но что-то было не так, я стал присматриваться... Не было полицейского поста у консульства, а вместо этого по тротуару медленно шла пятерка наших морских пехотинцев, все с короткоствольными АК. Это выходило за рамки всяческих соглашений и протоколов; похоже, ночью произошло нечто, заставившее фон Боскова обратиться к послу с такой вот нескромной просьбой... Нет, стоять у окна было поистине невыносимо. Я отвернулся. Замкнутый в шести плоскостях мирок устраивал меня куда больше. Здесь были мягкие диваны и почти полная пачка черных марокканских сигарет. Не было спичек, поэтому пришлось шлепать на кухню и прикуривать от газовой плиты. Глубокомысленно рассуждая, что газовая плита – это самая большая зажигалка, если не считать таковой огнеметный танк «Горыныч», я вернулся к своим диванам и лег, распрямившись и вытянувшись, расслабившись и раскрывшись, – следя, впрочем, за тем, чтобы выкурить не более половины сигаретки. Хорош. Тяжесть понемногу вытекала из тела через пробитую где-то внизу дырочку, и вот уже только непонятное упрямство диванных пружин не позволяет им распрямиться и послать меня к потолку. Вместе с тяжестью вытекала боль, и раскаленная паутина на мозгах сменилась другой паутиной, мягкой и прохладной. Пришла тихая радость – не та короткая и судорожная радость избавления от чего-то жуткого, но неизвестного, а несуетная радость мирного и мерного существования... я жил, и этого с меня было довольно. Я лежал замерев, чтобы не расплескать себя. Но что-то шевельнулось внутри, двинулось, рванулось – сильно, неподконтрольно, – и в один миг я будто вывернулся наизнанку... даже не так: мой черепаший панцирь раскрылся – сломалась застежка – и распахнулся, как чемодан, и я предстал голый под стрелами... я был вне кожи, вне защиты, вне того привычного твердого кокона, который мы сами сплетаем вокруг себя из навыков, привычек и наработанных рефлексов, а потом приходят наши умельцы-психodelы и укрепляют его, цементируют, обвешивают стальными бляшками... превращая нас в надежные и трудноуязвимые боевые машины... Такое раскрытие на операции со мной случилось впервые, хотя я слышал про подобные случаи с другими... мы раскрываемся в Гвоздево – там, где абсолютно безопасно и где каждый может подставить свету себя самого, а не свою броню и

свое оружие. Мы выбираемся из панцирей, беззащитные, бледные, как новорожденные морские свинки, и тычемся друг в друга и в ласковые, добрые руки доктора Мориты и всей его банды, и эти руки поглаживают и ласкают нас, и похлопывают ободряюще, и чешут, где надо, да, в Гвоздево мы совсем не похожи на себя же, но в иных географических точках... потому что там, в иных точках, мы сделаны, а в Гвоздево – мы то, что мы есть. Крупицыны, например, будут там сильно не любить друг друга и хоть раз, но подерутся: неуклюже, неумело, но зло и отчаянно; Гера будет приставать ко всем с плоскими шуточками и обижаться, что его отовсюду пинают; Командор найдет себе пожилую шлюху и будет каждую ночь рыдать у нее на груди; Панин уйдет в лес и в лесу будет прятаться от всех, там у него есть землянка, маленькая, как могила, и там ему спокойно... Люди мы только там, здесь мы боевые единицы, но вот не все это понимают... иногда не понимает Командор, и совсем не понимает Саша... здесь мы сделанные, слепленные: вот как мы лепим «буратино», так слепили и нас: на раз. Если уцелеем – а я постараюсь, чтобы уцелели, – с нас снимут посеченные панцири и потом спелят новые: может быть, такие же, а может, совсем другие, непохожие... спелят камикадзе, и мы, ликуя... за Родину!

10.06. 13 час. 40 мин. Черемисовская, 40. Фирма «ЮП»

Яков, ты золото, сказал я. Тебе цены нет, ты это знаешь? И место тебе в Золотой палате, как достоянию республики... Яков засмутился. Ночью он сумел взломать защиту телефонного номера, по которому звонил Иосиф, установил его номинал: 171-65-65 – и локализацию: гостиница «Алазани-2», служебное помещение, третий этаж. Но на этом Яков не остановился, проявил настойчивость – и сумел незаметно залезть в память самого телефонного аппарата. Память была на тридцать два номера, и все их Яков списал. Более того: по степени следовой намагниченности он определил, какими номерами пользовались чаще. Таких оказалось шесть: один здесь же, в гостинице, два в шлафтбоке Центрального рынка, два – в коммерческом центре «Восток», и последний – на стадионе общества «Гром» в Лефортово. Кроме того, там были телефоны камер хранения на всех вокзалах Москвы и в речных портах. Были телефоны трех частных квартир и телефон бюро погоды. И был, наконец, телефон посреднического агентства «Арфа»: продажа и прокат недвижимости и транспортных средств. Кучеренко, получив эту информацию, отправился в «Арфу», представился сотрудником крипо и переписал из регистрационного журнала все имевшиеся там кавказские фамилии. За последние десять дней кавказцы купили или арендовали четыре легковых автомобиля, грузовик, речной катер и три частные квартиры – именно те квартиры, которые попали в список Якова. Яков понял, что ухватил удачу за хвост, и рискнул: влез в память раухера паспортного отдела городского полицейского управления. Риск его оправдался: он скопировал регистрационные карточки всех ребят, попавших в список Кучеренко. Двоих – взявшего катер и купившего легковушку – можно было исключить из наших интересных: они имели давнюю московскую прописку; все прочие прибыли почти одновременно: двадцать восьмого и двадцать девятого мая. Итак, трое, снявшие квартиры, вне всяких сомнений, принадлежали к «Пятому марта»; взявший грузовик жил в шлафтбоке Центрального рынка; одну из легковушек арендовал врач тифлисской команды кетчистов, которые на стадионе «Гром» готовились к показательным выступлениям... наконец, две легковушки не номерами, но цветом и моделью совпадали с теми, которые Кучеренко пометил маячками.

Итак, итак, итак... Я стал раскладывать свой пасьянс. Иосиф Агладзе, двадцать семь лет, прибыл второго июня – из Пишпека. Живет в «Алазани» в дорогом одноместном номере. В группе выполняет функции, условно говоря, шефа контрразведки. Подлежит захвату или ликвидации в первую очередь. Дальше: Кетеван Дадешкелиани, девятнадцать лет, прибыла двадцать восьмого, самолетом, из Хельсинки. Живет в «Алазани-2», занимая одна двухместный номер. Функция в группе неясна; безусловно, имеет отношение к руководству, но чем именно занимается и как влияет на принятие решений – вопрос. Возможно, главную роль играет ее

княжеский титул, и тогда она сама – знамя или талисман группы... Ираклий Хорава, Георгий Мирава, Сакуа Оникашвили, восемнадцати, девятнадцати и двадцати лет соответственно; прибыли двадцать девятого, поездом, из Тифлиса. Через бюро «Арфа» сняли квартиры в фешенебельном районе между Смоленской площадью и Смоленской набережной. Леван Лежава, двадцать два года, прибыл вместе с ними, но живет при Центральном рынке, арендует грузовик. Александр Калабадзе, двадцать лет, Акакий Даушвили, двадцать три года. Самолетом, двадцать восьмого. Живут в кемпинге «Тайнинка» на Ярославском шоссе. Арендуют легковой полупургон «Опель-пони-800» и спортивный «центавр». Доктор Самсон Шанидзе, тридцать семь лет, спортивный врач, прибыл из Ростова самолетом двадцать девятого; живет в спортивной гостинице на стадионе «Гром». Пустые карты: абонент еще одного номера в шлафтблоке Центрального рынка, два неустановленных парня, прикрывавшие Иосифа на контакте (одному из них Командор сломал руку), и, главное, сам абонент номера 171-65-65...

Яков и Кучеренко сидели рядком на диване и, сияя, посматривали на меня. Свою работу они сделали блестяще.

– Яша, тащи сюда Панина, – велел я Якову, и Яков, герой дня, побежал вниз – выполнять. Сзади Яков был безумно похож на большую собаку колли, занявшуюся прямохождением.

– Что они могут возить на грузовике? – задал я вопрос Кучеренке, и Кучеренко, конечно же, пожал плечами. – И вообще – какой у них грузовик?

– Нижегородская полуторка с крытой платформой.

Он произнес эти слова, и мы уставились друг на друга, потому что здесь уже мог быть готовый ответ на многие вопросы: дело в том, что у Русского территориального корпуса на вооружении состояли шестидесятимиллиметровые минометы, смонтированные именно на нижегородских полуторках...

– Та-ак... чем дальше, тем смешнее...

– Может, пометим грузовичок, Пан?

– А ты его найдешь?

– Попытка не пытка.

– Па-апитка нэ питка... вэрно, Лаврентий?

– Так я поищу?

– Сережа... хорошо бы не в ущерб остальному.

– Обижаешь, начальник.

В дверях Кучеренко посторонился, пропуская Панина. Панин хлопнул его по плечу – так, что задребезжали оконные стекла. Кучеренко покачнулся, но устоял на ногах.

– Высший пилотаж! – сказал Панин.

– Это не я, – сказал Кучеренко, огибая Панина по дуге. – Это все Яков...

Он ускользнул от второго поощрительного тумака и затопал по лестнице. Лестница была непарадная, с железными решетчатыми ступеньками, удивительно громкая.

– Ну вот, Сережа. – Я широким жестом предъявил ему свой пасьянс. – Работа по твоей основной специальности. Выбирай: этот, этот или этот. – Я показал на тех троих, которые снимали квартиры. – Выбирай. Надо будет его тихонечко исчезнуть, квартиру осмотреть, а самого допросить и потом куда-нибудь незаметно пристроить.

– Три карты, три карты, три карты... – пропел Панин хорошим, едва ли не профессиональным баритоном. Я никогда не слышал, чтобы он пел. – Понятно. Возьмем... вот этого.

Он протянул руку и подцепил карточку Оникашвили. На фотографии был очкастый, начинающий лысеть мальчик.

– Попробуй управиться до полуночи, – сказал я.

– Это уж, Пан, как получится, – сказал Панин, не отрывая взгляда от карточки. – Как получится, как пойдет масть... нет, Пан, за сроки не ручаюсь.

– А ты попробуй, – зачем-то сказал я.

Панин быстро взглянул на меня, хотел сказать что-то злое, но промолчал.

10.06. 16 час. Ресторан «Алазани»

Машину пришлось оставить на стоянке на набережной и топтать пешком: и Ордынка, и Пятницкая были забиты грандиозными пробками. Вроде как через мосты пускали уже только по пропускам... Хвоста за собой мы не видели, но, с другой стороны, если «Алазани» под превентивным наблюдением – а Кучеренко был уверен, что так оно и есть, – то и подходы к нему могут скрытно контролироваться через оптику, а это такой способ наблюдения, от которого не оторвешься. С другой стороны – ну и что? Даже если гепо сфотографирует нас входящими в ресторан... пусть. Такие методы разработки требуют значительного времени, а нас, если все пойдет, как задумано, завтра здесь уже не будет.

Было знойно. Мы старались прятаться в куцые тени домов и редких деревьев. Кто придумал этот город, заворчала Саша, Томск куда лучше... Она запрыгала на одной ноге, вытряхивая камешек из туфли. Томск действительно был лучше: плотный, чистый, зеленый, очень удобный для житья город – только вот мне он изредка начинал давить на виски, и хотелось попасть куда-нибудь, где смешались времена и стили, проросли, проломилась одно сквозь другое... побыть там сколько-нибудь времени и вернуться. В Томске – да и в других наших городах – я ловлю себя на чувстве, будто попал на страницы рекламного каталога «Ваш дом», или «Уют», или даже «Шик», – все чуть-чуть слишком: слишком красиво, слишком уютно и слишком продуманно. Когда я говорю, что у меня дом в Старом Томске – с печным отоплением, без горячей воды, но зато с садом, – на меня смотрят как на ненормального. У тебя что, с деньгами туго? Нет, с деньгами у меня полный порядок. Так зачем тебе этот хлам, посмотри, какой домик можно за две недели... Зато у меня есть баня и кузница, говорю я. Может, у тебя и сортир во дворе? – смотрят подозрительно. Нет, сортир теплый, есть у меня слабость к теплым сортирам... Мало кто понимает, что я не могу видеть над собой гладкий, без малой трещинки, потолок – и поэтому у меня самый-самый удобный и уютный – для меня одного – дом...

В этом ресторане горное эхо начиналось от самого входа. Замечательно пахло пряным. Метр, похожий на генерального директора процветающего концерна, проводил нас к сервированному на четверых столику. Первым делом я налил Саше и себе по бокалу фруктовой воды. Потом достал из кармана детектор микрофонов, поводил им над столом, под столом, над диваном – чисто. С точки зрения скрытности столик был очень неплох: его окружал С-образный диван с высокой, выше головы, спинкой. Поэтому дистантный аудиоконтроль был, мягко говоря, затруднителен – если, конечно, не ввинтить направленный микрофон в потолок над нами... что маловероятно: ведь если гепо распоряжается здесь, как у себя на Лубянке, то на кой черт наружные посты? Мы с Сашей потягивали фруктовую, я изредка смотрел на часы: наши хозяева задерживались. Это было против всех и всяческих законов разведок и контрразведок, и если следовать им, то нам сейчас надо было удалиться и никогда здесь не показываться. Но мы, слава Всемогущему, были не разведкой-контрразведкой; мы были, если формально, вольнонаемными служащими ВВС, «отделом особых операций», или «Трио» – «Три-О» – наследниками знаменитой «Бригады „Сокол“», той самой, которая в шестьдесят шестом отбила у мятежников Гурьянова, тогдашнего президента, вытащила его из зоны боевых действий – и при этом полегла практически вся. Почему-то имя той бригады досталось пресловутой форме «сокол» – самому грязному, на мой взгляд, изобретению Тарантула. Суть формы заключалась в том, что группа, выполнившая задание, не эвакуировалась, а ликвидировалась на месте. Правда, за всю историю «Трио» форма «сокол» в полном виде применена была только один раз: в семьдесят третьем году в Гамбурге. Усеченная, повседневная разновидность формы – это когда все заботы по эвакуации перекадываются на саму группу. Конечно, сознание того, что тебе купили билет только в один конец, не радует; но почему-то всегда получается так, что группы, работающие по стандартным формам, несут немалые потери...

Княжна и ее спутник, среднего роста человек в светло-сером костюме-тройке, похожий более всего на преподавателя гимназии, появились через полчаса после назначенного срока. Я сравнил портрет абонента номера 171-65-65, составленный Яковом, со спутником княжны – совпало. Средний рост, короткая шея, лицо квадратное, тонкие губы, мимика бедная, не жестикулирует. По-русски говорит грамматически правильно и почти без акцента, свободно владеет немецким, английским и, возможно, итальянским... Да, Яков, сказал я, вряд ли мне удастся это проверить, Яков посмотрел на меня и пожал плечами: твои проблемы...

– Здравствуйте, – сказала княжна, – извините нас, но мы даже не имели возможности предупредить вас о задержке... спасибо вам, что дождались. Позвольте представить: Нодар Александрович Гургенидзе.

– Меня вы знаете, – я пожал руку Нодару Александровичу, – а это Саша Полякова.

Нодар Александрович поклонился и поцеловал Саше запястье.

– Какие красавицы посещают иногда наши места! – восхитился он. – Зураб, сделайте музыку, – не оборачиваясь, бросил он метрдотелю. – Что будут пить дамы? Я порекомендовал бы «Напареули», почему-то в этих погребках оно совершенно необыкновенное...

Полилась музыка. Под такую музыку, обняв рог с добрым вином, следует плакать от любви и счастья, клясться в вечной дружбе или уж если драться – то на саблях и на краю ущелья... Мы же под эту музыку – под такую музыку! – творили медленный иудин поцелуй.

– Теперь можно говорить все, – улыбнулся Нодар Александрович. – Как раз над этим столиком образуется интерферентный звуковой купол.

– Глухая зона? Замечательно. Видите ли, на улице мы засекли два поста аудиоконтроля, – сказал я.

– Там их семь, – сказала княжна. – До вашей акции был один.

– Ага, – сказал я. – То есть мы в осаде.

– Да. Они думают, что мы в осаде. У нас по этому поводу несколько отличное мнение. Давайте выпьем вот этого великолепного коньяка – и потом поговорим о деле.

– Это чем-то напоминает мне пирушку трех мушкетеров и д'Артаньяна в обстреливаемом бастионе.

– Причины те же, – улыбнулась княжна.

– О деле, – сказал я. – Мы обсудили ваше предложение и решили согласиться на него. Более того: мы готовы помочь вам... секунду. – Я жестом остановил Нодара Александровича, который хотел что-то сказать. – Нам не нужны ни ваши планы, ни ваши лавры. Мы просто пришли к выводу, что в обстановке, которая создастся в результате вашей акции, у нас будет больше шансов на успех. Больше, больше, не сомневайтесь. Поэтому мы хотим предложить вам вот что: непосредственно перед вашей акцией провести нашу акцию и отвлечь на себя внимание гепо и полиции.

Княжна и Нодар Александрович переглянулись. Княжна что-то сказала по-грузински, тут же повернулась к нам:

– Извините, забылась. Я сказала, что нужно обдумать это...

– Это очень интересное предложение, – сказал Нодар Александрович. – Сейчас мы попробуем взвесить все «про» и «контра»... При разработке нашего плана мы намечали проведение отвлекающей акции, но нам не удалось перебросить сюда достаточно людей. Поэтому ваше предложение... давайте понемногу пить, есть и думать.

Мы пили, ели и думали, изредка перебрасываясь короткими репликами. Соглашайтесь, думал я, чего тянете, соглашайтесь. Но тогда надо будет вставать и выходить на жару... Ладно, думайте дальше. Думайте еще... Официант принес блюдо с шашлыком. Как интересно, сказала Саша, я думала, шашлык едят прямо с шампуров. О нет, сказал Нодар Александрович, так едят только на... забыл, не в походе, а на... на пикнике, подсказал я, да, на пикнике, да и то не всегда, и не всякий шашлык можно так есть, вот этот, царский, так есть нельзя... Нежнейшее

мясо таяло во рту, и я тут же пустился в рассуждения о том, что прогресса в кулинарии нет и в этом наше немалое счастье, да, подхватил Нодар Александрович, это как в поэзии: все лучшее уже написано – много веков назад... он стал декламировать, гортанная речь лилась четко и завораживающе красиво, это как музыка, сказал я, это и есть музыка, согласился он, где вы сейчас услышите такое? Великий Шота из Рустави написал это восемьсот лет назад, и с тех пор никто не мог подняться на такую высоту... почему? Потому что это от Бога, сказала Саша, тогда еще был Бог, а теперь Его нет. Нодар Александрович с уважением посмотрел на нее: я тоже так думаю – и думаю, что именно поэтому за последние двести лет было столько претендентов на эту вакансию. Если Бога нет, то все дозволено – так, кажется, писал ваш Достоевский? Не писал так Достоевский, давя в себе внезапное раздражение, сказал я. Это слова одного из его героев, некоего Смердякова, который, в свою очередь, переиначивает, подгоняя по себе, философию Ивана Карамазова... по-моему, это тайный ужас Достоевского: что все дозволено, потому что Бог есть... Давайте вернемся к более частным проблемам, предложила княжна. Сможете ли вы устроить небольшой фейерверк где-нибудь в центре во второй половине дня? Почему нет? – сказал я. В любое время и там, где скажете. Тогда нерешенных вопросов больше нет, сказал Нодар Александрович. Но неплохо бы устроить нам «горячую линию» – как вы думаете? Давайте обменяемся телефонами, сказал я. Это проще всего. Проще – да... – сказал Нодар Александрович и задумался. Нет, давайте иначе. Давайте обменяемся людьми: ваш человек будет с нами и наоборот. Что-то в этом есть, сказал я. На старом Востоке вожди, заключая союзы, обменивались детьми, сказал он. Детей у нас под рукой нет, а вот дамы... Мы с ним одновременно посмотрели на дам. Княжна согласно кивнула. Саша пожала плечами – якобы равнодушно. Мы обсуждали этот вариант, но не предполагали даже, что инициатива будет исходить от противника. Хорошо, сказал я, дамы меняют кавалеров – и расходимся. И вообще, вы планируете отход после акции? Нет, сказал он, какой уж тут отход, а вы? С нашим образом действий вы знакомы, сказал я. Надеюсь, Игорь, у вас найдется и для меня место в одной из торпед? – спросила княжна ровным голосом. Ты ведь не станешь возражать, Гриф? Нет, девочка, сказал Нодар Александрович. Да и стала бы ты меня слушать...

10.06. 23 час. Турбаза «Тушино-Центр»

– А здесь и был аэродром. До войны и немного после. А когда заключили Дрезденское соглашение и иметь авиацию стало нельзя, на месте аэродрома разбили парк. Так и осталось.

– Очень неудобно без гор. – Княжна приподнялась на локте. – Подсознательно: чего-то не хватает, отсюда – постоянная тревога... Зато какие роскошные сумерки – этого мы лишены. Какие закаты!..

– А в Петербурге вы были?

– Да, но только зимой, к сожалению. Пойдемте еще в воду, там хорошо...

– Будет холоднее – не простыть бы вам.

– Никто не простывает на войне.

– Это правда. Пойдем купаться, старый. – Я ткнул Командора пяткой в бок.

– Нет, я тут полежу, – сказал Командор. – Я, наверное, и правда старый...

– Я пойду.

Из-под покрывала вылезла Валечка. Единственная из всех нас, она сохранила верность натуральному стилю. Мы с Командором, ренегаты, в присутствии гостя со строгого нравами Востока облачились в плавки; на самой же госте был черный глухой купальник с короткими рукавами и штанишками – в таком можно гулять по городу, и никто не оглянется. У лавочника выпали глаза, когда он понял, что эту реликвию мы действительно хотим взять и даже отдать за нее какие-то деньги. Так мы и поплыли, живая диаграмма прироста трикотажа на душу населения: слева голая Валечка, в центре я – в очень экономной, но уже одежде, справа княжна как символ грядущих достижений. Дно ушло из-под ног, но впереди, метрах в сорока, угадывалась песчаная отмель, где можно будет постоять и передохнуть: княжна плавала плохо, по-собачьи.

– Странно, – сказала она, – мы жили так близко от моря... два часа на машине... и так редко бывали там... три раза всего. Не понимаю, клянусь...

– Не надо разговаривать в воде, – сказал я. – Потеряете дыхание.

Валечке надоело плестись наравне с нами, она молча нырнула и через минуту вынырнула далеко впереди, прямо в лунной дорожке. Там уже шла отмель, и Валечка стала, приседая, выпрыгивать из воды – почти вся целиком.

– Вы все так... хорошо плаваете...

– У нас отличные реки. У нас океан. У нас столько озер.

– У нас море... в двух часах... Папе просто... не хотелось... не любил моря... и нам не давал...

– Давайте руку.

На короткий миг она потеряла контроль над собой: судорожно вцепилась мне в кисть. Но тут же расслабила пальцы и дальше держалась почти спокойно.

– Расслабьтесь, Кето, расслабьтесь, – сказал я. – Не держите так высоко голову, не прогибайтесь так сильно, свободнее, свободнее...

Я греб одной левой, и так, гребков в двадцать, мы добрались до Валечки. Почувствовав песок под ногами, княжна отпустила мою руку и приложила ладони к щекам.

– Я вдруг испугалась, – сказала она. – Я вдруг чего-то испугалась. Не боялась ничего, и вот пожалуйста...

– Постоим, отдышимся, а потом обратно мы отвезем вас на буксире, – сказал я.

– Нет, я поплыву сама... рядом, но сама... надо же учиться плавать. Я уже поняла, что неправильно делаю. И... вот... – Она стояла по шею в воде, и я видел только ее лицо с виноватой улыбкой, но понял – она выбирается из своего костюма. – О-о, я и не знала... не знала вовсе... мы всегда так запираемся от природы, от Бога... это же – как лететь, лететь самому...

Валечка скользнула к ней и за руку потянула ее от глубины, на мелководье, а я лег на спину, раскинув руки крестом, и поплыл по течению, чуть шевеля ногами, и позади остались две девы в лунном свете, а слева висела сама госпожа луна, голубоватая, как свежий снег, а справа проступали крупные и мелкие звезды, и под всем этим великолепием плыл я, раскинув руки, и уже не плыл, а висел, висел без опоры – это было упоительно. Не знаю, сколько времени я провисел так. Наверное, долго, потому что отнесло меня довольно далеко. Я возвращался тихим брассом, глядя вперед, потому что там было на что посмотреть: Валечка и Кето, взявшись за руки, взмывали над водой, как молодые дельфины, и плюхались обратно, поднимая фонтаны серебряных искр. Девочки, сказал я, наконец выныривая позади них и приобнимая обеих за плечи, нам пора. Командор стоял на берегу и махал рукой. Не хочу уходить, сказала княжна, просто не хочу... Ее колотила легкая дрожь. Еще пять минут. Еще пять, согласился я. Но из веселья уже вышел пар, мы попрыгали, побрызгались и поныряли – без былого восторга, – потом шагнули на глубину и поплыли.

– Никогда не думала, что может... быть такое наслаждение... – сказала княжна. – Наверное, когда всегда так... это не так остро... а когда первый раз... и последний... очень остро... очень сильно... спасибо...

На берегу княжна с Валечкой забрались под одно покрывало и вздрагивали там, согреваясь. Вода была куда теплее воздуха. Я насухо протер себя полотенцем и натянул футболку.

– Панин идет, – сказал Командор.

Вдали действительно кто-то шуршал по песку.

– Нюхом учуял? – не поверил я.

– Говорю – Панин...

Это действительно оказался Панин.

– Вот вы где, – сказал он, подходя. – А я ищу на обычном месте.

Обычным было место на траверзе затопленного контейнера со снаряжением. Мы ушли оттуда на случай, если Панину понадобится что-нибудь спрятать или взять. Не понадобилось: Панин был сух.

– Командор тебя метров с двухсот опознал, – сказал я.

– А у него в левый глаз ноктоскоп вставлен, – сказал Панин. – Это чтоб ты знал.

– Княжна, – сказал я, – позвольте представить: Сергей Панин, наш лучший актер. Княжна Дадешкелиани.

– Можно просто Кето.

Высвободив из-под покрывала руку, княжна подала ее Панину. Панин тут же продемонстрировал, что он актер и в старом смысле этого слова: пал на колени и приложился к ручке так, как не снилось и д'Артаньяну.

– Как работа? – спросил я его, когда он наконец оторвался – вернее сказать, отвалился – от руки.

– Более-менее, – сказал Панин. – Но это нужно видеть глазами. Гера там сейчас кипятком брызжет.

– Гера? Интересно... Княжна, оставляю вас на Командора, извините...

– Она что, настоящая княжна? – спросил Панин, когда мы отошли метров на двести.

– Да, вполне.

– Странные вещи творятся на этом свете... Так вот, о деле. Мальчика мы взяли очень тихо, хорошо взяли... но подержаться нам за него не удалось.

– То есть?!

– Анафилаксия.

– На аббрутин?

– Да. Сдох на игле.

– Но-омер... вот это номер... – Я даже остановился. До сих пор считалось – не без оснований, – что выработка непереносимости к аббрутину – монополия нашей фирмы. Никого из нас нельзя превратить в «буратино»: смерть наступает мгновенно. Значит, теперь и в этом мы не одиноки...

– В квартире мы нашли одну штуку, но пока не скажу что – сам увидишь.

– Труп куда дели?

– С трупом все в порядке: продали мусорщикам.

– Сколько они сейчас берут?

– За все – две с половиной.

– Нормально.

– А знаешь, откуда пришла дробилка? Из гаража Скварыгина. Страшный народ эти мусорщики... Ну, документы мы забрали, купили билет в Бейрут на сегодня... в общем, мальчик улетел.

– Ну, Серега, все-таки – что вы там нашли?

– Нет, все сам – и посмотришь, и пощупаешь, и полижешь – все сам. Гера бродит вокруг нее, как кот вокруг сала...

– Бомба небось?

– Угм.

– А кроме?

– Вещественного – ничего. Абсолютно чисто. А вот обозвал он нас – как бы ты думал?

– Как?

– Японскими болванами.

– Японскими?

– Вот и я удивился. Очень. Понимаешь, когда я уже воткнул в него иглу, он выпихнул кляп и крикнул: «Позовите... а, дураки, японские болваны!» – и все.

– Интересненько... Да, жалко, что так вот...

– Неожиданно, правда?

– Весьма неожиданно... японские болваны... Может быть, это просто идиома? Типа «японский городской»?

– Почему это у грузин должны быть японские идиомы? Тьфу, черт – не японские, а русские...

– Русские... За кого он вас мог принять? По мордам видно, что не японцы...

– В том-то и дело. Мы его ждали в квартире. Я и Гера. Эта штука, бомба, – мы ее распадавали, и она лежала прямо по центру. Он это видел, когда мы его вязали. Он даже не сильно сопротивлялся. Вырваться стал, когда я взял шприц...

– Все забавнее... Ладно, показывай, что вы добыли...

Панин постучал сложным стуком, а потом отпер дверь своим ключом. Гера неподвижно сидел в позе роденовского Мыслителя над предметом, размерами и формой похожим на пятилитровый молочный бидон. Японский городской... Я нашарил сзади какой-то стул и сел. Правильно Панин темнил – я все равно не поверил бы. Именно такую форму и размер – пятилитрового молочного бидона имела японская атомная фугасная мина «Тама»: плутониевая, тротиловый эквивалент восемь тысяч тонн...

– Получилось? – спросил Панин.

Гера молча протянул ему кусок фотопленки – совершенно прозрачный.

– Тогда я ничего не понимаю, – сказал Панин.

– Я тоже, – сказал я. – Нельзя ли чуть подробнее?

– Когда мы ехали, – сказал Гера, – в одном месте машины проверяли радиометрами. Я думал – все. Но нас пропустили, хотя, вообще-то, «Тама» очень сильно светит: до пяти рентген в час. Плутоний, сам понимаешь, а свинца в ней всего двадцать килограммов. Ну, вот я решил проверить...

– Фотопленкой?

– Да. И получается, что так и есть – никакого излучения.

– Тогда, значит...

– Надо лезть внутрь, – сказал Гера. – Надо лезть внутрь, и все. Плутония там нет, это ясно, а остальное... В общем, ребята, вы пока погуляйте, я вас позову.

Мы отошли от дома метров на сорок и остановились. За деревьями играла музыка и бродили цветные сполохи – там танцевали. Кто-то громко смеялся рядом – громко, заливисто, пьяно.

– Водочки бы, – сказал Панин. – Как твое мнение?

– Не возражаю. Вот сейчас с Герой и возьмем на троих.

– А девочек?

– Не знаю, пьют ли княжны водку.

– Спросим. Она настоящая княжна?

– Ты уже интересовался.

– Ну и что? Я свободный гражданин свободной страны...

– Настоящая.

– Тогда надо будет найти еще двух девочек.

– Подождем, чем там кончится у Геры, – может, эта штука оторвет ему яйца...

Мы оглянулись на дом, и мне вдруг представилось: окна вспыхивают магнием, и все вокруг становится черным, и из черного пространства начинают медленно выплывать багровые ключья... Но вместо этого открылась дверь, и возникший на желтом фоне истонченный светом силуэт Геры дал нам понять, что все в порядке.

Все в порядке... Под предохранительной крышкой имелся вполне работоспособный подрывной блок тройного действия, но под блоком не было ничего: колодец, куда помещается

собственно заряд, титановый стакан с плутонием и взрывчаткой, – этот колодец был до краев наполнен крупной свинцовой дробью...

Год 1961 Зден

01.09. Около 03 час. База «Саян». Командный пункт

Все это, конечно, было пустым и бессмысленным барахтаньем, но почему-то помогло. Не помню, кто оказался инициатором уборки – наверное, оба. От ужаса.

Тела мы затолкали в стенной шкаф, выкинув оттуда какие-то коробки и выломав железные решетчатые полки. Шкаф закрывался плотно, хотя вряд ли герметично. Простынями с коек вытерли как могли кровь, мозги и прочее. Все это побросали в тот же шкаф. В жаре многое уже засохло – особенно то, что было на стенах. К запаху я то ли притерпелся, то ли фильтры были по-настоящему хороши. Дышалось вполне терпимо. Особенно не в пультовой, где произошло побоище, а в маленькой каютке на четыре койки, к пультовой примыкающей. Если верить приборам, температура здесь была 160 по Фаренгейту. Если продолжать им верить, у нас в запасе имелось две тонны воды. Но из крана она не текла. В холодильнике, который продолжал работать, стояло две коробки консервированного пива: сорок восемь баночек. Это был весь наличный запас жидкости. Если выпивать по баночке в час... через сутки начнется жажда. Если не выпивать, нас убьет тепловой удар. И раньше чем через сутки.

Я сменил свой заскоружный егерский наряд на американскую пижаму. Настоящую пижаму для спанья, только с нагрудной планочкой: «Лейтенант Д. Беккер». Наверное, один из тех, кто должен был дежурить здесь прошлую ночь.

Моя союзица тоже переделалась. Она стала «капитаном К. Брильски».

Лежать было жарко. Мы сидели друг против друга и продолжали потеть.

– Теперь, как честный человек, я обязан вам подчиняться, – сказал я.

Она долго смотрела на меня, будто пытаясь проникнуть за край моей плоской, как древняя Земля, шутки.

– Знаете, – сказала она, – это вовсе не так нелепо, как может показаться. Кстати, как вас зовут, витязь?

– Зден.

– О-о? Впрочем, кого только не встретишь... Я – Эльга.

– «Эльга, Эльга, звучало над полями...» И кто же вы, милая Эльга? Капитану ответить не пожелали, сославшись на недостаток времени. Но теперь у нас времени – о-го-го. Пока не кончится пиво.

Или пока все не остынет.

К бронированной двери нельзя было прикоснуться. Плевков на ней шипел. Я представляю, что там дальше...

Она довольно долго молчала.

– Вы действительно хотите узнать? Зачем?

– Люблю определенность.

– Хм... Как вы думаете, вытащат нас?

– Девяносто из ста, что нет. Наверху, скорее всего, не до потерпевших. Даже если капитан с Васей выбрались, все равно – руки у тех... наверху... дойдут не скоро. А если не выбрались, так вообще никто не вспомнит про этот чертов бункер.

– Не ругайте его. Иначе бы мы давно превратились в горсточку пепла.

– А здесь мы истаем, как свечки. Я размышляю: не лучше ли будет укрыться одеялами?

Термоизоляция.

– Попробуйте.

Пауза в беседе. Я устраиваюсь под одеялом. Долго прислушиваюсь к ощущениям.

– Так вот, возвращаясь к вопросу о...

- Вы упрямы.
- Скорее, упорен. Кстати, под одеялом действительно прохладнее. А если не прохладнее, то легче.
- Ладно. Все равно вы мне не поверите. А поверите, вам же хуже.
- Да? Значит, это что-то весьма необычное. Вы говорите, говорите, я слушаю. Я вовсе не сплю.
- А я просто думаю, с чего начать. Вы верите в судьбу, в предназначение?
- Скорее да, чем нет. Хотя с судьбой у меня отношения натянутые.
- Это видно невооруженным глазом. А лженаукой историей вы не увлекаетесь?
- Именно лже?
- Шучу. И все же: не обращали ли вы внимание на странные типические совпадения, имевшие место в прошлом?
- А что такое типические?
- Ну... что сюжеты различных исторических событий повторяются. Меняется место действия, имена героев...
- В смысле: история повторяется?
- Да. Но не в том смысле, который обычно подразумевают, произнося эти слова. Потому что на самом деле существует небольшой набор схем – десятка полтора, – которые описывают практически все события.
- Наверное, потому, что... э-э... очевидцы, свидетели – они воспринимают происходящее именно в рамках готовых сюжетов. Так сказать, скороспешная легендизация...
- Я вдруг подумал, что наш случай совершенно выламывается из нормальных легенд и переходит куда-то в плоскость высокого абсурда. Кафка. Или Мишель Мазон. У него же это: подводная лодка затонула и уже никогда не всплывет, но экипаж жив и занимается совершенно морякам несвойственными грандиозными и невероятными умствованиями... откуда-то берутся какие-то бабы... заговоры, революции...
- Хорошая пьеса. Ставил ее Хабаровский драматический театр в пору своего короткого, но бурного расцвета.
- На этом спектакле мы и познакомились с Кончитой.
- Я подумал о ней без прежнего круговращения в груди. И впервые за эти сумасшедшие сутки как-то чересчур спокойно сказал себе: вот вам и корректное решение проблемы... а заодно и пенсия вдове...
- Это хорошее объяснение...
- Я уже почти не слышал. Меня будто придавили сверху большой мягкой подушкой.
- ...Написано одним-единственным человеком, который, конечно, не бездарь, но – халтурщик...
- И что из этого, сударыня?
- Все. К сожалению, все происходящее вытекает именно из этого. Я не ругаю его, называя халтурщиком, у него безвыходное положение: писать новые истории нужно, необходимо, но вдохновения уже нет, свежих идей нет, и он пользуется готовыми клише...
- Господь Бог?
- Да ну что вы! Разве вы не видите, что этот мир – без Бога? Нет, обычный человек, с достаточно уникальными способностями, но – как мы с вами, из плоти и крови.
- Тогда не понимаю.
- Ч-черт... Вы не поверите, но я впервые пытаюсь кому-то объяснить, кто я есть и чем занимаюсь. Вы знаете, когда наступит конец света?
- Боюсь, для нас он уже наступил. И я в достаточной мере солипсист, чтобы полагать...
- Нет-нет. Настоящий конец света.
- Относительно этого существует множество мнений.

– Есть конкретная дата: в ночь на двадцать четвертое декабря две тысячи двенадцатого года.

– Эту дату я слышу впервые. Она какая-то некруглая. Разве что Рождество...

– Случайное совпадение. Точная дата рождения Иисуса неизвестна. Где-то между серединой ноября и началом февраля. Причем пятого года до Рождества Христова... Нет, не в самой дате дело. Последний идиотский вопрос: можно ли перемещаться во времени?

– Не имею представления. А это что, имеет какое-то отношение?..

– Значит, так: можно. Правда, все это достаточно рискованно. Способ открыли в начале следующего века двое швейцарских ученых, двоюродные братья: Пьер Константен и Пьер Манштейн. По неосторожности они обнародовали свое изобретение...

Скорее всего, начался бред. От перегрева. Ну кто в здравом уме скажет: открыли в начале следующего века? И кто не моргнув глазом это проглотит и станет слушать дальше: про группу то ли романтиков, то ли фанатиков, рванувших в далекое прошлое с целью спасти южноамериканские цивилизации от покорения европейцами? Снится, снится...

...В ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое декабря две тысячи двенадцатого года произошло что-то страшное. Сотни тысяч, миллионы – никто не считал – раскрашенных, великолепно вооруженных, изумительно умелых и беспощадных воинов вторгались в города, появляясь неизвестно откуда (сходя с небес, появляясь из-под земли – говорили немногочисленные уцелевшие очевидцы), – и убивали, убивали, убивали. Это была мясорубка совершенно неопишуемая, выходящая за пределы пусть самого разнузданного, но все же человеческого воображения. Полицейские и армейские части, брошенные в бой, были разметаны в клочья в считанные часы. Да не так уж и много было в то время полицейских и солдат... Почему? А кому нужны солдаты в мире, почти столетие свободном от войн? Да и полиция в основном была данью традиции... За несколько недель девять десятых человечества перестали существовать; остальные люди, загнанные в горы, в непроходимые леса, под землю, продолжали истребляться с жестокостью еще большей – если такое сопоставление вообще возможно. Отчаянные попытки сопротивления приводили лишь к тому, что просто убийства уступали место убийствам медленным и изощренным. Но по крупицам удалось собрать информацию о захватчиках. Это были не инопланетные пришельцы. Это были майя, достигшие высот своей нечеловеческой цивилизации, заселившие всю планету, давно вышедшие в космос... По каким-то законам развития времени – реальности слились, пространства соединились во что-то более сложное, но – единое. И в сложившихся условиях сильнейший намерен был выжить во что бы то ни стало. Путь к этому, по их представлениям, был один: полная очистка, стерилизация территории. Рабы или соседи были не нужны. Людям не оставалось никакого пути отхода. И вполне понятно, что те, кто успевал спуститься в немногочисленные «темпы», устремлялись в прошлое...

Кто-то брался за дело сгоряча, шел с Кортесом и Карраско, то ли тупо мстя, то ли пытаясь стереть саму память о злосчастных майя, кто-то пытался вмешиваться в еще более ранние события – непрофессионально, грубо, самоубийственно.

Но в конце концов многие темпомигранты нашли друг друга, объединились – не без труда и не без трений – и стали размышлять о том, что можно в такой ситуации сделать.

Опыта темпоопераций ни у кого не было, теория тоже не была разработана (из теоретиков не спасся никто), приходилось все делать наугад и учиться на ошибках...

Так, очень скоро стало известно, что напрашивающееся прямое вмешательство невозможно: прошлое (Мексика, четвертый век нашей эры), приняв в себя группу пришельцев из будущего, преобразовалось в некий сверхустойчивый хронотопический конгломерат; что-то похожее происходит с перенасыщенным раствором, в который попадает кристаллик соли. Прошло два века, и конгломерат этот оказался секвестрирован, исторгнут из общего временного потока, – и образовал отдельную изолированную реальность, движущуюся не параллельно оси времени, а по сложной кривой, описываемой так называемым «малым уравнением Безумного

Шляпника». Было еще и «большое уравнение»... Соприкосновение, пересечение мировых линий – прежней и вновь образованной – как раз и пришлось на ту Рождественскую ночь.

Так вот, вмешательства в возникшую реальность оказались невозможны: любая попытка изменить даже третьестепенную причинно-следственную связь приводила к немедленной гибели покушавшегося от будто бы естественных, природных причин. Удар молнии, укус змеи... Обойти же эту реальность со стороны прошлого удалось легко, но результата не дало: просто образовалась еще одна сверхстойчивая реальность, в которой Американский континент был безлюден (если не считать алеутов и эскимосов: чумные крысы не смогли углубиться так далеко на север) до самого прибытия европейцев. Реальность эта также отправилась в самостоятельное плавание, и пересечение ее с основной осью времени ожидалось в конце третьего тысячелетия. Однако на решение этой проблемы решено было покамест не отвлекаться...

Окутанный мягким журчанием речи, я одновременно парил, невесомый, – и лежал горячим свинцовым бруском, прижатый волглым одеялом к твердой койке. Был свет, но этот свет лишь заслонял собой темноту. В темноте же происходило что-то по-настоящему важное...

...Наконец пришли к общему мнению: клин следует выбивать клином. А не иголкой. Правда, относительно природы клина возникли – и продолжают – разногласия.

Первый мир (так стали называть родную погибшую реальность темпомигранты) оказался беззащитен перед вторжением вследствие своего полнейшего благополучия и высочайшей стабильности. Семь мировых держав: Британская и Российская империи, Китай, Япония, Южно-Африканская конфедерация, Франко-Германский альянс, Американские Соединенные Штаты – составляли политическую и экономическую основу мира, и казалось, ничто не в состоянии этот мир поколебать, а тем более разрушить. Структура эта зародилась в начале двадцатого века, когда Великие державы – их было еще пять – договорились о разделе сфер влияния, заключили Ватиканский пакт о вечном мире и приступили к сокращению армий и флотов. Не все шло гладко, но через каких-то тридцать лет эпоха войн стала казаться далеким прошлым, неким трудным детством человечества. Восемьдесят лет длился подлинный золотой век. И вдруг – все рухнуло...

Стало ясно: Первый мир должен уметь защищаться.

Слава богу, у мигрантов хватило благоразумия (продиктованного богатейшим негативным опытом) не рубить сплеча. Благо устройство «темпо» позволяло иметь для опытов и размышлений времени столько, сколько необходимо.

Базу темпомигранты развернули в девятом тысячелетии до нашей эры на острове Ньюфаундленд, тогда еще вовсе не «фаунд». И приступили ко всяческим изысканиям.

Там и появилось «большое уравнение Безумного Шляпника», описывающее существование малых полуфантомных реальностей, которые, если можно так выразиться, изнутри выглядят гораздо большими, чем снаружи. Эти фрагментики реальности, которые их обитатели воспринимают как большой полноценный единственный мир, оказались идеальными полигонами для отработки неких будущих действий по спасению Первого мира.

Вскоре стало ясно: создать цивилизацию из воинственных, ежесекундно готовых к отпору государств легко, но неизбежные между ними войны истощают экономику, и человечество оказывается все равно неспособным отразить вторжение, хотя уже по другим причинам. Да и цивилизация эта в чисто культурном отношении получается настолько нишей и уродливой, что мир майя, мир жестокости и чести, смерти и презрения к смерти – выглядит, ей-ей, предпочтительнее.

И начались долгие поиски промежуточных вариантов...

Десятки малых реальностей были созданы за это время, десятки лабораторных лабиринтов, населенных ничем не подозревающими людьми. Их было не так уж много, этих людей: не более миллиона в каждом мире. Но они успешно убеждали себя и других, что их по-прежнему несколько миллиардов. Их миры были тесны и бедны, но воспринимались людьми в прежней

яркости, полноте, многообразии и величии. Редко кому удавалось увидеть свой мир таким, каков он есть на самом деле...

Цель всего этого грандиозного эксперимента была следующая: выработать такую схему последовательных изменений Первого мира, при которой боеготовность его на момент соприкосновения с майя будет максимальной, а культурные потери при создании этой боеготовности – хотя бы приемлемыми. Отрабатывалась также сама методика внесения изменений.

Преобразования в некоторых малых мирах были признаны неудачными и бесперспективными. В некоторых же, напротив – весьма многообещающими.

В частности, в нашем...

Год 1991 Игорь

11.06. 02 час. Турбаза «Тушино-Центр»

– И что бы вы без меня делали? – гордо сказал Панин, входя. В руках у него была картонная коробка, из которой высовывались красные головки бутылок. – Как раз по штучке в ручки.

– Мозель? – недоверчиво вытянул шею Гера. – Где взял?

– И вовсе не мозель. Токай. А где взял... где взял... если все рассказывать, то как раз до утра хватит. Поэтому – давайте просто тяпнем за любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.